

ТѢНИ ПРОШЛАГО

РАЗСКАЗЫ О ВЫЛЫХЪ ДѢЛАХЪ

И. Н. Захарьина (Якунина)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНИЕ А. С. СУВОРИНА
1885

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 11—2

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Намъ, людямъ второй половины XIX столѣтія, трудно представить себѣ, какъ горько и нелегко жилось въ Россіи еще недавно, въ первой половинѣ этого столѣтія!.. Былъ ужасный вѣкъ и ужасныя сердца, по выраженію поэта... Слабый и бѣдный не находилъ себѣ ни защиты, ни правосудія и ничѣмъ не былъ огражденъ отъ своеволія и обидъ со стороны богатаго и сильнаго. Преимущественно, обиды и страданія выпадали на долю беззащитнаго крестьянина. Въ настоящей книгѣ, въ „Сценахъ на Волгѣ“—представляющихъ, собственно, прологъ неоконченной народной трагедіи „Воля“—я пытался нарисовать—далеко, конечно, не полную—картину послѣднихъ дней ужаснаго крѣпостнаго

права. Остальные статьи этой книги составлены или по архивнымъ документамъ, или по рассказамъ очевидцевъ, или же являются собою личные воспоминанія, какъ, напр., очерки Бѣлоруссіи. Статьи эти были напечатаны въ слѣдующихъ журналахъ: въ „Вѣстникѣ Европы“, „Русскомъ Архивѣ“, „Русской Старинѣ“, „Древней и Новой Россіи“ и „Историческомъ Вѣстникѣ“.

И. З.

Ковно, 7 марта 1885 г.

Холерный бунтъ въ Тамбовѣ въ 1830 году.

Въ русской исторіи, равно какъ и въ литературѣ, еще не наступило время появленія правдиваго и подробнаго описанія такъ-называемыхъ „бунтовъ“ на Руси, происходившихъ въ текущемъ столѣтіи. Самые матеріалы для изученія этихъ событій—слѣдственные дѣла—все еще, къ сожалѣнію, находятся подъ спудомъ и для изслѣдованія недоступны. Вслѣдствіе этого, исторіи нѣкоторыхъ бунтовъ появляются въ нашей литературѣ „со словъ очевидцевъ“ — въ разсказахъ, не провѣренныя, лишены строгой исторической послѣдовательности и не чуждые, иногда, вымысловъ и превратнаго толкованія фактовъ и явленій. Такъ, напримѣръ, дѣло девабристовъ, не смотря на его болѣе чѣмъ полу-вѣковую давность, до сихъ поръ еще полно недоумковъ и многихъ неточностей. Даже ли-

шенное всякаго политическаго характера дѣло о бунтѣ въ военныхъ поселеніяхъ графа Аракчеева, помѣщенное въ „Русской Старинѣ“, было составлено не по подлиннымъ документамъ и матеріаламъ, а по тѣмъ же „разсказамъ очевидцевъ“, являющимъ собою, вообще, русское традиціонное хранилище свѣдѣній объ интереснѣйшихъ событіяхъ отечественной исторіи.

Несомнѣнно, конечно, что настанетъ со временемъ бѣлая возможность описанія этихъ событій,— и тогда эпосъ „разсказовъ“ померкнетъ предъ дѣйствительностью фактовъ: публика ознакомится съ названными событіями въ болѣе строгой, исторической формѣ изложенія — менѣе иллюминированной и болѣе правдивой. А пока поневолѣ приходится ограничиваться этими „разсказами очевидцевъ“, и мы не думаемъ, чтобы русской литературѣ былъ брошенъ когда-либо упрекъ за ея сильное желаніе — ознакомить публику, насколько это возможно, съ событіями нашей новѣйшей исторіи.

Легко замѣтить, что наши народныя волненія носятъ на себѣ чрезвычайно своеобразный характеръ и очень различны отъ таковыхъ же событій въ Западной Европѣ. Причины этихъ различій заключаются, конечно, въ особенно-

стяхъ народнаго характера и бытовой стороны русской жизни; затѣмъ, въ основѣ этихъ волненій лежало многострадальное, историческое прошлое народа и, главное, темнота народная, т. е. положительное отсутствіе въ низшихъ классахъ самаго элементарнаго образованія. Незвѣданная эпидемія, въ родѣ чумы, или холеры, новая комета, неясный указъ, эксплуатируемый въ свою пользу мелкимъ чиновничествомъ въ провинціяхъ—все это, порождая страхъ или неудовольствіе въ народѣ, собирало его въ массы и служило, затѣмъ, причиною къ открытымъ взрывамъ и сопротивленіямъ. Только два народныя волненія стоятъ особнякомъ отъ всѣхъ остальныхъ и являютъ изъ себя какъ бы нѣкоторую аномалію: это — бунтъ пугачевскій и второй, бывшій на Сенатской площади Петербурга; оба бунта были „за царя“ — по внутреннему убѣжденію подчиненныхъ массъ, слѣпо вѣрившихъ своимъ предводителямъ. Всѣ же прочіе бунты, начиная съ бывшаго при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ мѣднаго бунта, происшедшаго по поводу выпуска въ обращеніе мѣдныхъ денегъ, и кончая картофельнымъ бунтомъ въ Пермской губерніи, происходили именно отъ темноты народной и отъ эксплуатаціи указовъ.

Московскій бунтъ во время чумы, холерный бунтъ въ военныхъ поселеніяхъ графа Аракчеева и таковой же въ Петербургѣ на Сѣнной — были порожденіями все той же темноты народной. Даже самый позднѣйшій изъ русскихъ „бунтовъ“ — безднинскій, бывшій въ 1861 году, въ Спасскомъ уѣздѣ Казанской губерніи, былъ результатомъ неясности въ пониманіи извѣстнаго манифеста и, затѣмъ, той же темноты народной.

Ни одно изъ этихъ волненій не произвело, какъ извѣстно, государственнаго переворота, не нарушило политическаго и соціального строя и обычнаго теченія русской жизни. Тѣ событія, которыя, со второй половины прошлаго столѣтія, производили у насъ неожиданныя измѣненія въ престолонаслѣдіи, были чужды русскому народу. Наши народныя волненія не были похожи на пронунсіаменто Испаніи, начинающіяся въ казармахъ и оканчивающіяся междоусобными войнами; еще менѣе они схожи со взрывами народнаго неудовольствія во Франціи, заявляющаго себя на баррикадированныхъ улицахъ Парижа.

Русскіе „бунты“ имѣли, въ своемъ концѣ, одни и тѣ же послѣдствія — грозную кару. Ви-

новные судились или особымъ верховнымъ судомъ, или же, въ большинствѣ случаевъ, полевымъ военнымъ. Иные бунты усмирялись однимъ грознымъ начальничьимъ окрикомъ — и затѣмъ оканчивались наказаніями внудомъ и каторгою.

Къ числу послѣднихъ бунтовъ слѣдуетъ отнести и холерный бунтъ въ Тамбовѣ, въ 1830 году. Ни наша литература, ни публика не знакомы съ этимъ бунтомъ, — вслѣдствіе того же обстоятельства, что архивы того времени еще недоступны для ученыхъ изслѣдованій такихъ событій; а безмолвная печать того времени обошла тамбовскій бунтъ обычнымъ молчаніемъ. Изъ газетъ тридцатыхъ годовъ — „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ и „Московскихъ“ — мы узнаемъ лишь, что изъ нашихъ внутреннихъ губерній холера появилась впервые въ губерніяхъ Пензенской, Симбирской и Нижегородской; указомъ правительствующему сенату отъ 24-го сентября 1830 года, опубликованнымъ 4-го октября, было повелѣно — пріостановить въ названныхъ губерніяхъ производство назначеннаго рекрутскаго набора „по случаю появившейся въ сихъ губерніяхъ эпидемической болѣзни холеры“. Затѣмъ, указомъ сенату (по

1-му департ.), отъ 10-го октября того же года, наборъ былъ приостановленъ въ губерніяхъ Костромской, Курской и Слободско-Украинской. О Тамбовской губерніи въ этихъ указахъ не упоминалось ни слова. Между тѣмъ, въ № 93 „Моск. Вѣд.“, отъ 10-го ноября, за недѣлю до вспыхнувшаго въ Тамбовѣ бунта, помѣщено было слѣдующее объявленіе: „министръ внутреннихъ дѣлъ, генераль-адъютантъ графъ Закревскій, объявляетъ, что въ губерніяхъ Пензенской, Тамбовской, Воронежской, Курской и землѣ войска Донскаго, равно какъ и въ губернскихъ городахъ Костромѣ и Казани, эпидемическая болѣзнь холера, по благодати Всевышняго, прекратилась. Почему, между означенными губерніями и войскомъ, какъ благополучными, восстановлено свободное сообщеніе, а съ городовъ снято оцѣпленіе: съ Костромы 26-го октября, съ Казани 8-го ноября“.

Изъ этого успокоивающаго объявленія графа Закревскаго можно было, слѣдовательно, заключить о совершенномъ „прекращеніи“ холеры какъ въ Тамбовской губерніи, такъ и въ Казани. Но на дѣлѣ оно было не совсѣмъ такъ. Не далѣе какъ въ № 99 „Моск. Вѣд.“, отъ

7-го декабря, т. е. по прошествіи всего 18-ти дней послѣ своего перваго объявленія, тотъ же графъ Закревскій объявляетъ, что „Высочайше учрежденная центральная комиссія для пресѣченія холеры отправилась изъ Казани въ Тамбовъ“... Такія объявленія со стороны министра внутреннихъ дѣлъ, взаимно другъ друга опровергающія, не могли, очевидно, достигать своей цѣли; жертвуя, ради успокоенія общественнаго мнѣнія, правдою событій, объявленія эти порождали совершенно противоположные результаты — нелѣпыя, преувеличенные слухи, исходящіе изъ молвы народной и изъ того паническаго страха, которому безотчетно отдалось въ то время населеніе губерній, охваченныхъ невѣдомою болѣзною.

Слѣдуя за объявленіями графа Закревскаго далѣе, мы находимъ, въ № 101 „Моск. Вѣд.“, отъ 17-го декабря, слѣдующее: „министръ внутреннихъ дѣлъ, генераль-адъютантъ графъ Закревскій, объявляетъ, что онъ, вслѣдствіе высочайшаго Е. И. В. повелѣнія, отправился 12-го декабря изъ Тамбова въ С.-Петербургъ“. Слѣдовательно: объявивъ, 19-го ноября, о прекращеніи холеры въ Казани, въ Тамбовской губерніи и др., графъ Закревскій отправилъ въ

ту же самую Казань „центральною комиссію для пресѣченія холеры“, каковая комиссія и пребыла тамъ до 7-го декабря; затѣмъ, комиссія эта выѣзжаетъ въ Тамбовскую губернію—гдѣ тоже, по словамъ графа Закревскаго, холера давно была прекращена; затѣмъ, въ эту же губернію уѣзжаетъ самъ министръ внутреннихъ дѣлъ и живетъ тамъ до 12-го декабря... Опять повторимъ: подобныя противорѣчанія объявленія, игнорируемыя общественнымъ мнѣніемъ того времени, еще болѣе способствовали преувеличеннымъ слухамъ о холерѣ и повсемѣстному унынію въ народѣ. Поэтому, и сообщаемымъ оффиціально свѣдѣніямъ о смертности отъ холеры мало вѣрили,— хотя цифра этой смертности, даже и по правительственнымъ сообщеніямъ, была довольно значительна. Такъ, въ № 136 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, отъ 12-го ноября 1830 года, число всѣхъ заболѣвшихъ холерою въ двѣнадцати губерніяхъ внутренней Россіи показано 22,731; выздоровѣло 8,849 чел., умерло 14,066 чел., осталось больныхъ 824¹⁾. Въ числѣ этихъ 12-ти

¹⁾ Цифры эти, очевидно, спутаны и не проверены. Мы помѣщаемъ ихъ въ томъ видѣ, какъ онѣ напечатаны въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“.

губерній названа и Тамбовская — въ послѣдній уже разъ. Далѣе, кромѣ упомянутыхъ уже нами извѣстій о поѣздѣ въ этотъ городъ изъ Казани центральной комиссіи и, наконецъ, самого министра внутреннихъ дѣлъ, — мы уже не встречаемъ о Тамбовѣ никакихъ свѣдѣній въ газетахъ того времени — ни официальныхъ сообщеній, ни частныхъ корреспонденцій, хотя послѣднія и помѣщались иногда въ „С.-Петербургскихъ“ и „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Только въ № 36 „Моск. Вѣд.“, отъ 6-го мая 1831 года, мы находимъ первую корреспонденцію изъ Тамбова; но и та говоритъ о попечительствѣ по призрѣнію бѣдныхъ духовнаго званія, но ни слова не упоминаетъ о холерѣ и бывшемъ бунтѣ. 28-го января 1831 года объявлено было о прекращеніи холеры и о возобновленіи рекрутскаго набора, пріостановленнаго въ началѣ эпидеміи. Затѣмъ, въ указѣ правительствующему сенату отъ 30-го марта 1831, были объявлены многія льготы „мѣстамъ, наиболѣе потерпѣвшимъ отъ холеры“: сложеніе недоимки, исключеніе изъ народныхъ переписей и окладовъ, съ 1-го января 1831 года, умершихъ отъ холеры людей податнаго сословія, и т. п. Въ указѣ этомъ подробно поиме-

нованы всѣ тѣ губерніи и области, на которыя распространялись эти льготы; но Тамбовская губернія не была поименована вовсе — безъ упоминанія причинъ этой очевидной кары.

Оффиціальное молчаніе того времени о происшедшемъ въ Тамбовѣ бунтѣ объясняется обстоятельствами: при этомъ бунтѣ, какъ увидимъ ниже, солдаты тамбовскаго баталіона внутренней стражи оказали открытое сопротивление своему начальству, отказавшись стрѣлять въ бунтующихъ... Это произошло 26-го ноября, а 17-го, какъ извѣстно, началось возстаніе въ Варшавѣ; въ виду такого смутнаго времени, вслѣдствіе, быть можетъ, дипломатической необходимости, тамбовскій бунтъ былъ облеченъ въ политическую тайну, о которой было не безопасно, по словамъ очевидцевъ, не только писать, но даже и говорить.

Подлинное дѣло о бунтѣ въ Тамбовѣ было, по распоряженію правительства, доставлено въ Петербургъ, въ апрѣлѣ 1831 года, флигель-адъютантомъ графомъ Ивеличемъ. Мы составили описаніе этого бунта по рассказамъ многихъ очевидцевъ, которыхъ, живя въ Тамбовѣ, знали лично.

Въ августѣ мѣсяцѣ 1830 года до тамбовской губернской администраціи дошли слухи, подтвержденные вскорѣ донесеніемъ мѣстнаго становаго пристава, что въ селѣ Никольскомъ, отстоящемъ отъ Тамбова въ 10-ти верстахъ, появилась холера и что нѣсколько тамошнихъ крестьянъ уже умерло. По первоначальному дознанію оказалось, что холера въ село Никольское была занесена крестьянами, прибывшими изъ Нижняго-Новгорода, съ Макарьевской ярмарки. Такъ какъ тамбовскія власти были уже отчасти предувѣдомлены о возможности появленія этой болѣзни и снабжены надлежащими инструкціями, то въ село Никольское былъ командированъ тамбовскій уѣздный врачъ Гоффъ, съ фельдшеромъ и медикаментами. Вмѣстѣ съ тѣмъ, самый Тамбовъ былъ подвергнутъ оцѣпленію и всѣмъ карантиннымъ строгостямъ — во избѣжаніе проникновенія эпидеміи въ городъ. Мѣры эти, сами по себѣ разумныя, дали обширное поле для злоупотребленій мѣстной полиціи и были необыкновенно стѣснительны для городскихъ жителей и преимущественно для мѣщанъ, составлявшихъ главную часть населенія Тамбова. Въ самомъ началѣ, мѣры эти вызвали всеобщій ропотъ, который, однако же, не устра-

нилъ злоупотребленій полиціи. Тѣмъ не менѣе населеніе подчинялось карантиннымъ строгостямъ, хотя и крайне неохотно.

Черезъ нѣсколько дней по отправленіи врача Гоффа, въ Тамбовѣ было получено извѣстіе, что крестьяне села Никольскаго, скрывая своихъ заболѣвающихъ и даже покойниковъ, оказали сопротивленіе врачу; а когда Гоффъ прибѣгнулъ къ силѣ, обратившись къ содѣйствію сотскихъ, то крестьяне схватили его, связали вмѣстѣ съ двумя покойниками и стали готовить для него изъ кипятку ванну. „Ты нашихъ мужичковъ уморилъ въ горячей водѣ,—посиди теперь самъ въ ней!“—говорили связанному Гоффу крестьяне. Ванну же, какъ оказалось, Гоффъ привезъ въ село Никольское изъ Тамбова — согласно инструкціямъ, которыя предписывали: „посадивъ больнаго въ ванну, закрыть его на-глухо плотнымъ войлокомъ“ („Моск. Вѣд.“ 1830 года: „Объявленіе“ совѣта московскихъ врачей).

Тамбовскій губернаторъ д. с. с. Мировъ, по полученіи извѣстія объ истязаніяхъ Гоффа, тотчасъ же отправилъ въ Никольское 25 человекъ конныхъ жандармовъ и тамбовскаго уѣзднаго исправника, предписавъ ему отбить

Гоффа и арестовать всѣхъ зачинщиковъ. Вслѣдъ за жандармами, на обывательскихъ подводахъ, была отправлена, въ помощь исправнику, одна рота изъ тамбовскаго баталіона внутренней стражи. Исправникъ съ жандармами успѣлъ прибыть въ Никольское во-время: ванну еще не наполнили кипяткомъ какъ слѣдуетъ, хотя Гоффъ, приготовляемый къ этому истязанію, былъ уже отвязанъ отъ мертвецовъ и совсѣмъ раздѣтъ. Жандармы и исправникъ подскакали прямо къ той избѣ, гдѣ былъ несчастный врачъ, и успѣли отбить его — послѣ сильной схватки съ крестьянами. А когда по всему селу пробѣжала вѣсть о прибытіи исправника, и крестьяне, вооруженные кольями, стали сбѣгаться къ избѣ, гдѣ лежалъ полумертвый отъ страха Гоффъ и гдѣ находился также исправникъ съ жандармами, то въ это время въ Никольское стали уже прибывать на подводахъ солдаты,—и крестьяне не могли отбить Гоффа вторично; но виновныхъ не выдали и до арестовъ исправника не допустили. Прибывшая рота солдатъ ничего не могла подѣлать въ многолюдномъ селѣ Никольскомъ, куда, вдобавокъ, начали собираться крестьяне и изъ сосѣднихъ, ближайшихъ деревень. Вслѣдствіе

этого, исправникъ со всею командою и съ Гоффомъ вернулся въ Тамбовъ. Губернаторъ отправилъ надлежащее донесеніе въ Петербургъ, прибавляя, что дальнѣйшее усмиреніе крестьянъ села Никольскаго, охваченнаго холерою, неизбѣжно внесетъ эту болѣзнь съ самый Тамбовъ. Неизвѣстно, какой отвѣтъ получилъ губернаторъ изъ Петербурга и скоро ли,—такъ какъ подобныя донесенія посылались въ то время изъ провинцій не по телеграфу и не по желѣзной дорогѣ, и даже не съ курьерами, а обыкновеннымъ порядкомъ, посредствомъ эстафетъ,—но село Никольское было оставлено въ покоѣ; крестьянъ же этого села, прибывавшихъ къ базарные дни въ Тамбовъ, хватали на площади и сажали въ тюремный замокъ,—такъ что, потомъ, никольскіе крестьяне прервали всякія сношенія съ Тамбовомъ.

Къ несчастію, предположенія губернатора успѣли сбыться послѣ перваго же столкновенія съ крестьянами с. Никольскаго: жандармы и гарнизонные солдаты, воротившіеся изъ этого села, не были подвергнуты „карантинному очищенію“—и внесли холеру въ Тамбовъ. Самый городъ, въ гигиеническомъ и санитарномъ отношеніи, какъ нельзя болѣе способствовалъ раз-

вѣтію эпидеміи: осень стояла душная, жаркая; на базарахъ продавались неспѣлые, иногда, овощи и плоды; въ самой многочисленной и населенной части города — въ Пушкаряхъ — протекала ничтожная и всегда вонючая рѣчка Студенецъ, въ которую обыкновенно сваливали всякій соръ и всѣ нечистоты города ¹⁾).

Настоящая холера стала развиваться въ Тамбовѣ, собственно, въ ноябрѣ; до этого времени смертныхъ случаевъ было очень немного, такъ какъ жители заболѣвали преимущественно одною холериною, отъ которой врачи лечили какъ отъ настоящей холеры. Рядомъ съ развитіемъ эпидеміи было усилено и оцѣпленіе города, и карантинная строгость на заставахъ. Согласно распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, примѣненному впослѣдствіе и къ Москвѣ, всѣхъ лицъ, въѣзжающихъ въ Тамбовъ, подвергали 14-ти-дневному „карантинному очищенію“, равнявшемуся аресту; при этомъ тому же „очищенію“ подвергались не только люди, но

¹⁾ Припомнимъ кстати, что та же рѣчка Студенецъ выморила Тамбовъ и въ позднѣйшее время — въ холеру 1871 года, когда въ этомъ городѣ умирало по нѣскольکو сотъ человѣкъ въ день, такъ что, наконецъ, стало недоставать гробовъ и ихъ привозили, съ особыми поѣздами, изъ Козлова.

„вещи и товары — въ лавкахъ и магазинахъ, въ коихъ купцы, или сидѣльцы заболѣвали холерою“ („С.-Петербург. Вѣдом.“ № 152, 1830 года). На заставахъ, вслѣдствіе этихъ мѣръ, стало не хватать помѣщеній не только для „товаровъ и вещей“, но и для людей, задерживаемыхъ цѣлыми массами при выѣздѣ и въѣздѣ въ Тамбовъ. Особенно стѣснительною для тамбовскихъ торговцевъ и мѣщанъ мѣрою было упомянутое „очищеніе вещей и товаровъ“; мѣстныя власти эксплуатировали это очищеніе до самой невѣроятной степени: достаточно было въ домѣ любого купца кому-либо заболѣть холериною, — и полиція приступала къ описи и опечатанію товаровъ въ магазинѣ и въ складочныхъ амбарахъ. Приходилось откупаться отъ „очищенія“... Вслѣдствіе этого, жители стали тщательно скрывать отъ полиціи заболѣвающихъ холерою, — что, конечно, еще болѣе способствовало развитію эпидеміи. Укрывательство это вызвало новое зло со стороны властей: карательныя мѣры. Замѣтимъ еще при этомъ, что самое географическое положеніе Тамбова, отстоящаго вдали отъ столицъ, въ степной глуши, какъ нельзя болѣе способствовало всѣмъ этимъ безапелляціоннымъ злоупотребленіямъ;

такъ что даже въ Москвѣ, въ столицѣ, холера имѣла для жителей видъ какого-то осаднаго положенія. Такъ, напр., распоряженіемъ московскаго генераль-губернатора, отъ 10 октября 1830 года, объявлялась слѣдующая, чисто-военная мѣра: „если въ какомъ-либо домѣ будетъ умершій отъ холеры, о которомъ прежде не было дано знать полиціи, то за сіе сокрытіе весь домъ подвергнется оцѣпленію и никто изъ живущихъ въ такомъ домѣ не будетъ выпущенъ“ („Моск. Вѣдом.“ 1830 года, № 83).

Но самымъ сильнымъ злоупотребленіемъ со стороны тамбовскихъ властей, особенною тяжестью ложившимся на жителей, было взиманіе денегъ за пропускъ въ Тамбовъ. Многіе купцы и богатые мѣщане, до начала эпидеміи находившіеся по своимъ торговымъ дѣламъ на сторонѣ, спѣшили въ это тяжелое время возвращаться въ свои семейства и дома, но ихъ останавливали на заставахъ и подвергали 14-тидневному „очищенію“, не допуская до свиданія съ родными. И въ этомъ случаѣ, опять-таки, приходилось платить деньги, и иногда очень большія. Впрочемъ, злоупотребленія эти, какъ надо полагать, совершались въ то время по-

всемѣстно, т. е. въ тѣхъ губерніяхъ, которыя были охвачены холерою и гдѣ, вслѣдствіе этого, были учреждены карантинныя строгости и „очищенія“. По минованіи холеры, въ судахъ того времени возникали массы дѣлъ, производившихся по поводу бывшихъ злоупотребленій во время эпидеміи. Иногда даже дѣла эти попадали, случайнымъ образомъ, въ молчаливую печать того времени — впрочемъ, только въ оффиціальныя органы. Такъ, въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ 1831 года мы находимъ указъ правит. сенату отъ 10-го марта того же года (по 5-му департаменту, 1-му отд.), коему предлагалось къ разсмотрѣнію, по протесту владимірскаго губернатора, дѣло о рядовомъ 4-го фуhrштатскаго баталіона Меркуловѣ, судимомъ за пропускъ во Владиміръ, за четыре рубля, нѣсколькихъ крестьянъ „безъ надлежащаго 14-ти-дневнаго очищенія“. Какимъ образомъ рядовой Меркуловъ могъ попасть на такой важный постъ, гдѣ онъ за деньги пропускалъ или не пропускалъ народъ въ оцѣпленный Владиміръ — этого изъ газетъ не видно.

Въ половинѣ ноября холерина стала превращаться въ Тамбовѣ въ дѣйствительную холеру: заболѣвающіе люди быстро умирали — въ са-

мыхъ страшныхъ мученіяхъ. Но, тѣмъ не менѣе, жители, питая извѣстное отвращеніе русскаго человѣка къ нѣмецкимъ докторамъ и аптекамъ и къ казеннымъ больницамъ, откуда, по общему мнѣнію, не было уже возврата, тщательно скрывали больныхъ; это дѣлали и бѣдные люди, и богатые, не желавшіе умирать подъ кровомъ казеннымъ, вдали отъ семьи и близкихъ людей. Тогда власти распорядились высылать по городу особые на этотъ предметъ устроенные экипажи — „холерные возки“, какъ ихъ потомъ прозвали тамбовцы. Сопровождаемые эскортою полицейскихъ, возки эти разъѣзжали по городу, наводя паническій страхъ на жителей; солдаты вторгались въ дома — преимущественно небогатыхъ людей, — гдѣ они знали, что есть заболѣвшіе холерою, забирали больныхъ силою и отвозили ихъ въ городскую больницу. Очень часто случалось, что по дорогѣ въ больницу, находившуюся за городомъ (тамъ же, гдѣ она находится и въ настоящее время), люди умирали въ самыхъ возкахъ. Такъ, однажды, когда такой возокъ проѣзжалъ берегомъ рѣки Цны, мимо дома духовной семинаріи, бурсаки, выбѣжавъ на улицу, сдѣлали нападеніе на этотъ печальный кортежъ

и разогнали полицейскихъ солдатъ; въ возкѣ они нашли трехъ больныхъ: двухъ живыхъ, которыхъ сейчасъ же и взяли изъ возка ихъ родные, слѣдовавшіе за этимъ поѣздомъ, а третій больной былъ уже мертвъ и бурсаки его не тронули. А однажды, когда такой возокъ выѣзжалъ со двора 3-ей части на Варваринскую площадь, гдѣ въ то время собрался обычный, по понедѣльникамъ, базаръ, то народъ, завидя этотъ экипажъ, бросился въ паническомъ страхѣ во всѣ стороны и черезъ нѣсколько минутъ базара не существовало: всѣ разбѣжались и разѣхались—кто куда могъ. Вообще, при встрѣчахъ съ этими холерными возками на улицахъ, крестьяне и мѣщане, если были на лошадяхъ, поворачивали обратно и неслись во весь духъ, куда глаза глядятъ; пѣшіе люди бросались тоже куда попало: въ калитки и подворотни.

При такомъ возбужденномъ и исключительномъ состояніи духа жителей Тамбова, при тѣхъ чрезвычайныхъ злоупотребленіяхъ, какія были порождены холерою, достаточно было какогонибудь ничтожнаго повода, одной искры, чтобы произвести взрывъ народнаго неудовольствія. И искра эта въ скорости была брошена

вице-губернаторомъ города Тамбова Куваевымъ. Это былъ очень добрый и честный человѣкъ, но совершенно необразованный; онъ былъ малороссъ и женатъ на замѣчательно красивой, крещеной еврейкѣ. Хотя, по прибытіи своемъ въ Тамбовъ, онъ и выдавалъ жену за нѣмку, но тѣмъ не менѣе тамбовская губернская аристократія провѣдала какъ-то о настоящемъ происхожденіи его супруги и грубо отстранилась отъ нея, а затѣмъ и отъ ея мужа. Вслѣдствіе этого, самого по себѣ ничтожнаго обстоятельства, вице-губернаторъ Куваевъ стоялъ особнякомъ отъ губернской администраціи и даже иногда открыто враждовалъ съ ней—въ тѣхъ случаяхъ, когда его честность и неподкупность становилась на дорогѣ дѣйствій прочихъ властей. Только съ однимъ изъ крупныхъ тамбовскихъ чиновниковъ онъ былъ друженъ—съ предсѣдателемъ гражданской палаты Вердеревскимъ, тоже малороссомъ и, слѣдовательно, своимъ землякомъ.

Во второй половинѣ ноября, по городу стали распространяться зловѣщіе слухи, что „господа отравляютъ воду въ колодцахъ“... Надо замѣтить, что Цна протекаетъ вдоль всего города; но Тамбовъ, выстроенный по одной ея сто-

ронѣ, нагорной, соприкасается съ этою рѣкою самою лишь малою частью своихъ домовъ — Инвалидною улицею и набережною; въ улицахъ, отдаленныхъ отъ Цны, небогатые жители, не имѣя бочекъ и лошадей, пользовались водою изъ колодцевъ. Зловѣщій слухъ объ отравѣ воды былъ основанъ на томъ обстоятельстве, что холера, минуя прибрежныя улицы (гдѣ воздухъ, понятно, былъ гораздо чище), начала распространяться именно въ мѣстностяхъ отдаленныхъ отъ рѣки, и преимущественно въ густо населенныхъ улицахъ второй городской части. Надо думать, что губернскія власти, до которыхъ не могъ не дойти этотъ слухъ, не придавали ему серьезнаго значенія; по крайней мѣрѣ, онѣ ничего не сдѣлали для опроверженія такого нелѣпаго слуха и для прекращенія его въ самомъ началѣ. Между тѣмъ, слухъ этотъ быстро облетѣлъ весь Тамбовъ и затѣмъ столь же быстро перешелъ въ уѣздъ и въ село Никольское. Вскорѣ послѣ этого случилось слѣдующее, очень важное, какъ увидимъ ниже, происшествіе: въ семействѣ вице-губернатора умерло двое дѣтей, а у предсѣдателя гражданской палаты умерла жена и единственный ребенокъ. Жена вице-губернатора, огорченная потерю

горячо любимыхъ дѣтей и не принимаемая къ тому же тамбовскимъ обществомъ, охотно повѣрила слуху объ отравленіи колодцевъ и успѣла увѣрить въ томъ же своего добродушнаго и огорченнаго мужа; а когда, на второй день послѣ похоронъ дѣтей, заболѣла холерою и она сама, то, умирая и прощаясь съ мужемъ, несчастная еврейка еще разъ высказала ему увѣренность, что она умираетъ отъ отравы... Обезумѣвшій отъ горя вице-губернаторъ, при похоронахъ своей молодой жены, имѣлъ неосторожность подтвердить увѣренія покойницы въ присутствіи посторонней толпы, собравшейся, по обычаю, къ нему въ домъ во время выноса тѣла. Его другъ и землякъ, предсѣдатель Вердеревскій, присутствовавшій на этихъ похоронахъ, заявилъ, что и онъ вполне вѣритъ слухамъ объ отравленіи воды. То же самое онъ повторилъ, возвратясь съ похоронъ, своему камердинеру, — и, такимъ образомъ, нелѣпые слухи объ отравленіи колодцевъ получили уже, въ мнѣніи простого народа, надлежащую санецію со стороны двухъ очень важныхъ лицъ въ Тамбовѣ, малороссовъ, не имѣвшихъ съ мѣстными господами ничего общаго. Простая случайность и фатальное, повидимому, совпаденіе нѣ-

которыхъ событій играли здѣсь, какъ и всегда, первую роль. Но если мы сгруппируемъ всѣ приведенныя нами событія и обстоятельства, то увидимъ какъ бы нѣкоторую послѣдовательность и постепенность въ нихъ: такъ, напр., холера породила неточные и многочисленные указы; указы создали злоупотребленія; злоупотребленія вызвали ропотъ; ропотъ породилъ нелѣпые толки, которые, въ свою очередь, крайне возбуждая притѣсняемую массу городского населенія, привели ее къ открытому сопротивленію и бунту.

26-го ноября, около одиннадцати часовъ утра, масса тамбовскихъ мѣщанъ собралась около городской думы и потребовала, чтобы къ ней вышелъ голова, для выслушанія ея жалобъ и заявленій.

Городскаго головы въ то время въ думѣ не было; узнавъ о сборищѣ мѣщанъ, онъ спрятался въ домѣ родныхъ своей жены и нигуда не показывался до самаго окончанія бунта. Когда толпѣ объявили, что головы въ думѣ нѣтъ, то она направилась къ дому губернатора, находящемуся черезъ домъ отъ зданія думы¹⁾. Губернаторъ встрѣтилъ толпу на крыль-

¹⁾ Гдѣ былъ губернаторскій домъ (въ которомъ ранѣе жилъ извѣстный поэтъ Державинъ, бывшій въ Тамбовѣ губернато-

цѣ и спросилъ: что ей нужно? Мѣщане стали жаловаться на злоупотребленія по случаю холеры и на строгость карантинныхъ мѣръ.

— Никто изъ васъ, изъ господъ, не умираетъ, а простой народъ мретъ сотнями, говорили выборные мѣщане губернатору: — мы не хотимъ также, чтобы ѣздили холерные возки по городу и забирали больныхъ въ больницу, такъ какъ еще не было примѣра, чтобы отсюда кто нибудь возвратился живой: всѣхъ морятъ тамъ въ горячей водѣ... и т. д.

Губернаторъ сталъ-было уговаривать народъ разойтись и доказывалъ ему всю неумѣстность его требованій; между прочимъ онъ прибавилъ: „вы врете: больницы хороши“...

— А былъ ли ты въ нихъ и видѣлъ ли, сколь они хороши? спросилъ его мѣщанинъ Ильинъ.

Губернаторъ совершенно растерялся отъ этого неожиданнаго вопроса — и не нашелся. Онъ сказалъ, что не былъ въ больницахъ....

Какъ только онъ сказалъ, что не былъ, толпа тотчасъ же подхватила его подъ руки и повела по направленію къ загородной больницѣ.

ромъ), на томъ мѣстѣ выстроенъ нынѣ Александринскій женскій институтъ.

Когда толпа его увела, то полиціѣмѣстеръ Тамбова, полковникъ Модерахъ, приказалъ ударить во всѣхъ церквахъ въ набатъ, а самъ неизвѣстно куда скрылся и не былъ розысканъ до самаго окончанія бунта. Въ то же время и командиръ баталіона внутренней стражи приказалъ барабанщикамъ бить тревогу, чтобы собрать солдатъ. Но на звонъ, прежде всего, выбѣжали жители и, узнавъ въ чемъ дѣло, бѣжали къ городской больницѣ и присоединялись къ толпѣ, которая вела съ собою губернатора: такимъ образомъ масса бунтующаго народа составила болѣе чѣмъ изъ пяти тысячъ. Когда эта толпа стала подходить къ дому комиссаріатской комиссіи, то, услышавъ по городу барабанный бой и догадавшись объ его смыслѣ, быстро разобрала болѣе двадцати сажень дровъ, сложенныхъ у комиссіи, и такимъ образомъ вооружилась.

Когда толпа шла вблизи зданія 1-й городской части, то ей на встрѣчу, всего съ десяткомъ пожарныхъ солдатъ, вышелъ отставной поручикъ Кузнецовъ, бывшій въ этой части квартальнымъ надзирателемъ, и спросилъ у народа: „что за сборище и куда вы идете?“ Изъ толпы ему отвѣтили: „идемъ холеру раз-

гонять". Въ это время Кузнецовъ увидѣлъ въ толпѣ губернатора съ обнаженной головой, котораго мѣщане держали подъ руки, такъ какъ онъ былъ слабый старикъ и отъ перепугу едва держался на ногахъ. Кузнецовъ сталъ уговаривать толпу отпустить губернатора. „А-а-а, и ты, видно, холерникъ!“ закричали мѣщане и толчками отогнали Кузнецова отъ общей толпы, но не били его, такъ какъ бывшіе тутъ же обыватели 1-й части, любившіе Кузнецова за его обходительность и честность, не дали его бить и проводили до самой части.

Придя въ больницу, народъ бросился прежде всего искать докторовъ, большинство которыхъ были нѣмцы, плохо даже объяснявшіеся по-русски. Но доктора были уже предувѣдомлены — и скрылись. Толпа очень долго ихъ отыскивала; обыскали всѣ чердаки и подвалы, но ни одного доктора не нашли; отысканныхъ же тамъ фельдшеровъ, тоже попрятавшихся, толпа не тронула. Затѣмъ народъ бросился въ аптеку и съ особеннымъ ожесточеніемъ переломалъ ванны и уничтожилъ всѣ банки и сосуды съ медикаментами. Губернатора провели по всѣмъ палатамъ и, указывая ему на умирающихъ и на

общій безпорядокъ въ больницѣ и нечистоту, спрашивали его: „хорошо ли въ больницѣ?...“ Взявъ купороснаго масла и насыпавъ въ него соли, они указывали на шипящій растворъ губернатору: „вотъ онъ, ядъ-то, которымъ господа отравливаютъ воду!...“ Въ заключеніе, губернатора привели въ особую покойническую палату и, указывая на мертвыхъ, говорили ему съ укоризною: „это все вашихъ рукъ дѣло!...“

Опустошивъ больницу, толпа двинулась обратно въ городъ, не выпуская отъ себя измученнаго и обезпамятѣвшаго отъ страха губернатора. Но на Студенецкомъ мосту, пользуясь дефилею, конные жандармы сдѣлали на толпу нападеніе и успѣли отбить губернатора. Въ это время проѣзжали мимо чьи-то сани; жандармы бросили его въ эти сани, прикрыли солдатскою шинелью и быстро помчали къ его дому, отстоявшему отъ Студенецкаго моста въ полверстѣ. Здѣсь встрѣтили губернатора всѣ власти, успѣвшія уже собраться къ нему въ домъ. Когда его вынимали изъ саней и вводили по лѣстницѣ, то онъ шепталъ лишь: „тиру, тпру, тпру... тпру, тпру, тпру...“ Онъ совсѣмъ обезпамятѣлъ и помнилъ лишь о послѣднемъ событіи, что его быстро мчали куда-то лошади...

Вскорѣ, однако, при помощи врачей, губернаторъ пришелъ въ себя и вышелъ къ собравшимся властямъ въ пріемный залъ.

Между тѣмъ толпа подходила къ дому губернатора... На дворѣ этого дома было уже собрано войско: весь баталіонъ внутренней стражи и жандармы. Подступивъ къ дому, толпа подняла страшный шумъ и стала сгребать снѣгъ съ мостовой, для добыванія каменьевъ. Въ это время, мимо дома губернатора проѣзжалъ въ парныхъ саняхъ князь Г., кавалерійскій офицеръ, находившійся въ Тамбовѣ въ отпуску; онъ былъ закутанъ въ бобровый воротникъ шинели, и народъ ошибочно принялъ его за полиціеймейстера Модераха, котораго всѣ въ городѣ ненавидѣли; на офицера бросились изъ толпы и начали бить; его оставили только тогда, когда обнаружилась ошибка; кто-то изъ толпы закричалъ: „не онъ, не онъ!..“

Въ это время въ домѣ губернатора, подъ его предсѣдательствомъ, происходило общее совѣщаніе всѣхъ властей въ городѣ, какъ гражданскихъ, такъ и военныхъ. Обсуждался вопросъ: что предпринять для подавленія бунта?.. Растерявшіяся власти, при своихъ единоличныхъ мнѣніяхъ, предлагали иногда такіа

мѣры, которыя привести въ исполненіе было невозможно... Большинствомъ же голосовъ было постановлено принять слѣдующія мѣры: послать эстафеты во всѣ ближайшіе города, какъ губернскіе, такъ и уѣздные, съ требованіями о немедленной присылкѣ войскъ. Затѣмъ, выслать къ бунтующей толпѣ архіерея, дабы онъ уговорилъ ее разойтись; буде же народъ не послушаетъ архіерея и не разойдется отъ губернаторскаго дома, то, не выжидая дальнѣйшаго нападенія съ его стороны, открыть по немъ стрѣльбу пулями.

Тамбовскій архіерей того времени, епископъ Евгеній, выѣхалъ къ бунтующей толпѣ на площадь и, не выходя изъ кареты, сталъ уговаривать толпу разойтись. „Не разойдемся, пока не разгонимъ холеру“! отвѣчали ему изъ толпы; „холеру эту придумали господа: они насъ отравляютъ“, добавили другіе.

— Холера послана отъ Господа Бога, въ наказаніе за грѣхи наши...— началъ-было архіерей...

— И ты замасонилъ ¹⁾), и ты за холеру!.. заеричалъ народъ...

Епископъ привсталъ въ каретѣ, благословилъ

¹⁾ Крикъ народа — „и ты замасонилъ“! — получилъ впоследствии слѣдующее объясненіе. Бунтъ 1825 года дошелъ до

толпу и затѣмъ приказалъ кучеру ѣхать на свое подворье, въ Казанскій монастырь.

Увидя изъ оконъ губернаторскаго дома, что архіерей уѣзжаетъ отъ толпы ни съ чѣмъ, власти поспѣшили приступить къ стрѣльбѣ по народу. Начальникъ 5-го округа корпуса внутренней стражи, генералъ-маіоръ Зайцевъ, вышелъ на дворъ къ баталіону и скомандовалъ заряжать ружья „боевыми патронами“...

Тамбовскій баталіонъ внутренней стражи былъ составленъ почти весь изъ тамбовскихъ же мѣщанъ и изъ государственныхъ крестьянъ подгородныхъ выселковъ, поступавшихъ по набору въ рекруты. Еще до команды генерала Зайцева, многія мѣщанки были пропускаемы на губернаторскій дворъ: онѣ приносили гарнизоннымъ солдатамъ — своимъ мужьямъ, сыновьямъ и братьямъ — обѣдъ съ квартиръ, такъ какъ время уже было позднее, а роты не выпускали для обѣда.

тамбовскихъ мѣщанъ въ самыхъ, конечно, темныхъ и неточныхъ разказахъ: „въ Петербургѣ бунтовали масоны противъ царя“, — вотъ все, что слышалъ объ этомъ бунтѣ простой народъ въ провинціяхъ. Даже и послѣ, во время производившагося въ Тамбовѣ суда, мѣщане въ просьбѣ своей, посланной „съ ходаками“ въ Петербургъ, писали: „мы за тебя, государь, стояли, хотѣли истребить масоновъ“...

Когда генераль-маіоръ Зайцевъ скомандоваль: „къ заряду“, то изъ рядовъ громко отвѣтили ему: „мы, ваше превосходительство, ружья-то зарядимъ, но въ своихъ сродственниковъ стрѣлять не будемъ“, а изъ 4-й роты, находившейся съ лѣваго фланга, неизвѣстный голосъ отвѣтилъ генералу: „первыя-то пули мы пустимъ вонъ туда—въ губернаторскія окна!“... Генераль Зайцевъ, пораженный такимъ небывалымъ нарушеніемъ военной дисциплины, назваль солдатъ громко и нѣсколько разъ „измѣнниками“,—и затѣмъ ушелъ обратно въ домъ губернатора. Спустя нѣсколько минутъ, онъ вышелъ къ баталіону вновь, въ сопровожденіи уже губернатора Миронова, который обратился къ солдатамъ съ слѣдующими словами:

— Воины Его Императорскаго Величества! согласно присягѣ, вы должны защищать начальство, а вы — что?... стрѣлять въ него хотите?!

Солдаты угрюмо молчали.

Тогда престарѣлый генераль Зайцевъ вновь приказаль солдатамъ заряжать ружья:

— Зарядите хотя для страху, — чтобы народъ разошелся, добавилъ онъ: — стрѣлять васъ, измѣнниковъ, я не заставляю.

Нѣкоторые солдаты, и преимущественно унтеръ-офицеры, зарядили ружья. Тогда генераль Зайцевъ приказалъ коннымъ жандармамъ выѣхать со двора на площадь, къ народу, и объявить ему, что сейчасъ начнется стрѣльба:— „кто не бунтуетъ,—отходите прочь!“ кричали жандармы. Женщины подняли вопль и стали уходить; за ними ушли и тѣ, кто стоялъ въ толпѣ ради празднаго любопытства, не принадлежа къ числу бунтующихъ. Остальная масса народа не удалялась и не предпринимала ничего рѣшительнаго. Наконецъ, ноябрьскій день сталъ смеркаться; сильно морозило и подулъ рѣзкій, холодный вѣтеръ. Толпа видимо зябла, стоя на одномъ мѣстѣ; для солдатъ же, на дворѣ губернаторскаго дома, были разложены костры и разведенъ огонь. Съ наступленіемъ совершенныхъ сумерекъ, власти выслали въ толпу нѣсколько человѣкъ переодѣтыхъ квартальныхъ надзирателей, надежныхъ унтеръ-офицеровъ гарнизона и жандармовъ—прислушаться, что говорятъ въ народѣ и что замышляютъ, а также замѣтить и потомъ записать главныхъ крикуновъ и вожаковъ всего дѣла...

Когда эти отмѣтчики вернулись изъ толпы въ губернаторскій домъ, то принесли властямъ

свѣдѣнія, самыя неутѣшительныя. Народъ, наголодавшись и назябнувшись, предполагалъ разойтись по домамъ; но утромъ, чуть-свѣтъ, при первомъ ударѣ къ заутрени, всѣ порѣшили собраться вновь къ губернаторскому же дому, захвативъ съ собою то оружіе, какое найдетъ-ся, — т. е. топоры и вилы. Если солдатъ распустятъ для ночлега по квартирамъ, то склонятъ и ихъ къ бунту. Первымъ дѣломъ, собравшись на другой день, было рѣшено разграбить въ городѣ всѣ аптеки, кабаки и винный складъ, находившійся на берегу Цны. Братья же Ильины (двое), извѣстные въ городѣ кулачные бойцы и красавцы, уговаривали народъ, дабы на другой день, тотчасъ же по разграбленіи кабаковъ, виннаго склада и аптекъ, — перебить всѣхъ „приказныхъ“ и „масоновъ“.

По полученіи этихъ угрожающихъ свѣдѣній, было составлено новое совѣщаніе всѣхъ собравшихся на-лицо властей, и рѣшено: солдатъ на квартиры для ночлега не отпускать, накормивъ ихъ, по ух^олѣ толпы, тѣмъ возможно; дать знать архіерею, чтобы онъ велѣлъ запереть всѣ колокольни, обрѣзавъ спущенныя отъ нѣкоторыхъ колоколовъ веревки; затѣмъ, выбрать изъ баталіона самыхъ благонадежныхъ людей — ун-

теръ-офицеровъ и старыхъ солдатъ — и, образовавъ изъ нихъ небольшіе патрули, на разсвѣтѣ отправить на перекрестки улицъ, дабы разгонять народъ, когда онъ будетъ сходиться; кромѣ того, запереть всѣ улицы шлагбаумами, перегородками; а архіерея просить, между прочимъ, и о томъ, чтобы въ 10 часовъ утра былъ открытъ общій крестный ходъ изъ всѣхъ церквей въ Казанскій монастырь и, по сборѣ духовенства и хоругвей, было бы совершенно продолжительное служеніе на площади, близъ монастыря.

Ночь на 27-е ноября прошла въ Тамбовѣ весьма тревожно: немногіе, конечно, могли заснуть въ эту памятную ночь. На разсвѣтѣ, простой народъ сталъ прислушиваться и готовиться къ первому удару колокола... Но вотъ и совсѣмъ разсвѣло, а звона къ заутрени нѣтъ какъ нѣтъ... Догадались, наконецъ, мѣщане, что „господа“ провѣдали объ ихъ уговорѣ, — и стали выходить изъ домовъ на улицы. Но тутъ они неожиданно встрѣчались съ пикетами и патрулями: на перекресткахъ ихъ останавливали и разгоняли; тѣхъ, которые упорствовали, хватали и тотчасъ же препровождали въ части и въ полицію. Тогда братья Ильины предло-

жили народу собираться внѣ наблюденій пикетовъ и, уже массами, прорываться сквозь караулы и шлагбаумы въ улицахъ. Такимъ образомъ, часамъ къ десяти утра, народъ прорвалъ патрули, разметалъ всѣ перегородки въ улицахъ и сталъ направляться къ губернаторскому дому. Но въ это самое время ударили во всѣхъ церквахъ въ колокола, изъ храмовъ вышло духовенство — въ полномъ облаченіи, съ образами и хоругвями — и направилось къ Казанскому монастырю. Изъ монастыря вышла особая процессія, съ архіереемъ во главѣ, — и на площади начался молебенъ. Народъ обнажилъ головы и сталъ молиться...

Между тѣмъ, въ ту же самую ночь, передъ разсвѣтомъ, на дворъ губернаторскаго дома прискакала изъ Липецка конно-піонерная рота. Затѣмъ, во время уже молебна, изъ уѣздныхъ городовъ Козлова и Кирсанова прибыли на подводахъ инвалидныя роты.

Молебенъ на площади былъ очень продолжительный, съ колѣнопреклоненіемъ и многолѣтіемъ. Когда, въ 1-мъ часу, окончился молебенъ, то сдѣланъ былъ общій крестный ходъ на соборную площадь (гдѣ нынѣ стоитъ губернаторскій домъ). Во второмъ лишь часу окончи-

лось служеніе въ соборѣ. Епископъ Евгеній говорилъ проповѣдь — и краснорѣчиво убѣждалъ народъ разойтись, послѣ обѣдни, по домамъ. Но, какъ только окончилось служеніе, народъ вновь направился къ губернаторскому дому и окружилъ его со всѣхъ сторонъ. Старшій братъ Ильинъ объявилъ толпѣ, чтобы обѣдать и грѣться уходили не иначе, какъ чередуясь, — такъ какъ народъ сильно уже прозябъ во время долгаго служенія на открытой площади и проголодался.

А команды, между тѣмъ, прибывали съ каждымъ часомъ все новыя — изъ уѣздныхъ городовъ, на подводахъ. Но, въ то же время, на помощь тамбовцамъ, изъ села Никольскаго и изъ ближайшихъ деревень, шло двѣ тысячи крестьянъ, вооруженныхъ вилами, косами и топорами. Но особый счастливый случай не допустилъ ихъ до Тамбова: въ четырехъ верстахъ отъ астраханской заставы, съ толпою этой повстрѣчался ѣхавшій изъ города становой приставъ, въ станѣ котораго было и село Никольское; крестьяне знали этого чиновника и имѣли къ нему довѣріе. Подъѣхавъ къ толпѣ и догадавшись, куда она идетъ, становой объявилъ крестьянамъ, что въ Тамбовѣ, съ помощью при-

бывшихъ войскъ, уже все кончено: „васъ не допустятъ и до заставы — перестрѣляютъ всѣхъ до единого!“ предостерегъ онъ крестьянъ и сталъ уговаривать ихъ вернуться. Крестьяне повѣрили становому — и послушались.

Съ прибытіемъ конно-піонеровъ и двухъ invalidныхъ ротъ, тамбовскія власти, не расходившіяся всю ночь изъ дома губернатора, вздохнули свободнѣе. При помощи этихъ командъ, а равно и вновь прибывшихъ, было рѣшено отразить собравшійся народъ силою. Исполненіе этого дѣла было возложено на подполковника Кувшинова, присланнаго въ Тамбовъ, по случаю рекрутскаго набора, въ качествѣ военнаго пріемщика. Кувшиновъ построилъ ввѣренныя ему команды къ атакѣ; но прежде чѣмъ вести ихъ, онъ сѣлъ на лошадь и выѣхалъ къ бунтующемуся народу: — „Расходитесь по домамъ! грозно прикрикнулъ онъ на толпу: — теперь чужіе солдаты: перестрѣляютъ всѣхъ васъ и, потомъ, растопчу піонерами!...“

Всколыхнулся народъ, словно волна морская, отъ этого смѣлаго ѡкрика и загудѣлъ...

— Въ послѣдній разъ, приказываю вамъ: расходитесь! крикнулъ Кувшиновъ еще однажды на народъ и медленно поѣхалъ къ отряду.

Конно-піонеры стояли совершенно готовые къ атакѣ, у солдатъ ружья были давно заряжены: они зарядили ихъ, когда еще только входили въ Тамбовъ, у заставъ.

Толпа подалась отъ губернаторскаго дома назадъ; отступила, затѣмъ, еще далѣе на площадь и раздѣлилась на отдѣльныя кучки. Одни совѣтовали идти и брать губернаторскій домъ приступомъ; другіе склоняли народъ разойтись по домамъ, — тѣмъ болѣе, что короткій ноябрьскій день уже вечерѣлъ, а люди сильно назяблись и хотѣли ѣсть. Тронулась, наконецъ, толпа врознь и, подобно бурливому потоку, съ шумомъ разлилась по тамбовскимъ улицамъ...

Тѣмъ и окончился весь бунтъ въ тотъ день. А наутро въ Тамбовъ прибыла новая подмога: митавскій гусарскій полкъ, стоявшій во Владимірской губерніи и двинутый оттуда форсированнымъ маршемъ, вслѣдствіе полученныхъ эстафетъ. 30-го ноября, въ Тамбовъ прибыли пѣхотные полки Казанскій и Вятскій, возвращавшіеся изъ турецкаго похода и проходившіе черезъ сосѣднюю Воронежскую губернію въ то время, когда губернаторъ Воронежа получилъ эстафету Миронова.

Вскорѣ прибылъ изъ Петербурга, по особому

Высочайшему повелѣнію, министръ внутреннихъ дѣлъ, генераль-адъютантъ графъ Закревскій. Тотчасъ же по прибытіи, онъ удалилъ отъ должностей губернатора Миронова и полиціймейстера Модераха. Затѣмъ, прибыли изъ Петербурга генераль Геденовъ и флигель-адъютантъ графъ Ивеличъ. Была назначена особая слѣдственная комиссія и затѣмъ военно-судная, членами которой были назначены также и командиры прибывшихъ полковъ — Казанскаго и Вятскаго. Начались аресты... Въ-стѣ съ тамбовцами были арестованы многіе крестьяне и изъ села Никольскаго, — такъ что число всѣхъ арестованныхъ простиралось свыше трехсотъ человѣкъ, и не хватало уже мѣстъ для нихъ — ни въ острогѣ, ни при частяхъ. Тамбовскій баталіонъ внутренней стражи, безоружный, былъ запертъ въ старыя казармы, находившіяся за Вознесенскимъ женскимъ монастыремъ. Солдатъ содержали тамъ до самаго окончанія суда, и затѣмъ весь этотъ гарнизонный баталіонъ, въ полномъ составѣ, былъ посланъ на Кавказъ, такъ какъ военно-судная комиссія не могла найти зачинщиковъ между солдатами и виновныхъ.

— „Мѣ всѣ отказались стрѣлять, мы всѣ

бунтовали“, говорилъ на судѣ каждый солдатъ, допрашиваемый въ одиночку. Собственно за это былъ уволенъ отъ службы и генераль-майоръ Зайцевъ, — т. е., за то, что не могъ указать главныхъ виновныхъ; вмѣстѣ съ Зайцевымъ былъ уволенъ отъ службы и командиръ баталіона, и многіе офицеры. Точно также пришлось поплатиться своею службою и вице-губернатору, и предсѣдателю гражданской палаты. Оба они были даже привлечены къ слѣдствію и суду, но судомъ оправданы.

Всѣ прибывшія въ Тамбовъ войска простояли въ городѣ болѣе пяти мѣсяцевъ, расквартированныя по домамъ мѣщанъ, на правахъ постоянной экзекуціи. Такое сильное стеченіе войскъ въ немногочисленномъ тогда Тамбовѣ еще болѣе поспособствовало усиленію въ городѣ холеры. Въ январѣ мѣсяцѣ эпидемія достигла высшаго своего развитія, — и въ Тамбовѣ стало недоставать гробовъ для покойниковъ. Народъ говорилъ: — „вотъ, теперь стоятъ войска въ городѣ, — и господа безпрепятственно отравляютъ воду, и мы ничего не можемъ имъ сдѣлать“...

Въ концѣ апрѣля, по полученіи изъ Петербурга утвержденія конфирмаціи и приговоровъ суда, было приступлено къ наказанію обвинен-

ныхъ. На площади, гдѣ нынѣ выстроено зданіе новыхъ судовъ, было поставлено нѣсколько эшафотовъ и собраны были всѣ войска; съ ранняго утра полиція сгоняла на эту площадь народъ силою, для присутствованія при наказаніяхъ. Восемьдесятъ два человѣка были приговорены къ наказанію тѣлесному — кнутомъ, сквозъ строй и розгами. Болѣе шести часовъ продолжалось чтеніе сентенцій и шли самыя наказанія. Площадь была оглашаема страшными воплями истязуемыхъ людей и ихъ женъ, матерей и прочихъ родныхъ, присутствовавшихъ тутъ же... Самое тяжкое наказаніе выпало на долю братьевъ Ильиныхъ: они были приговорены къ высѣченію кнутомъ и двадцати-лѣтней каторжной работѣ. Старшій братъ не перенесъ наказанія: онъ умеръ въ тамбовской больницѣ — въ той самой, противъ которой, какъ бы по предчувствію, такъ сильно враждовалъ и которую опустошилъ.

Всѣ остальные арестованные люди были въ день всеобщей экзекуціи освобождены, — и ихъ продолжительный арестъ былъ имъ вмѣненъ въ наказаніе.

Родственники обвиненныхъ людей посылали въ Петербургъ новое прошеніе — объ освобож-

деніи ихъ родныхъ отъ ссылки въ Сибирь. Но эта просьба, равно какъ и первая, поданная отъ имени тамбовскихъ мѣщанъ вообще (о которой мы, въ выносеѣ, уже упоминали), была оставлена безъ послѣдствій.

Два эпизода изъ эпохи освобожденія крестьянъ.

Это было двадцать пять лѣтъ тому назадъ.

Была весна 1861 года. Шло великое ликование по всей русской землѣ...

Но — въ то время, когда происходило это „ликованіе“, кое-гдѣ на Руси проносились, говоря словами поэта,

Послѣднія тучки разсѣянной бури...

Мы не будемъ, въ настоящее время, говорить о тѣхъ свинцовыхъ и кровавыхъ „тучкахъ“, которыя разрядились надъ русскою землею въ Спасскомъ уѣздѣ Казанской губерніи и въ Чембарскомъ Пензенской губерніи: мы находимъ преждевременнымъ и вообще неудобнымъ — по многимъ причинамъ — говорить объ этихъ прискорбныхъ событіяхъ, опечалившихъ „ликующій день“... Мы расскажемъ здѣсь два другіе эпизода, имѣющіе отчасти бы-

товой характеръ и окончившіеся безъ особыхъ кровавыхъ послѣдствій. Первый изъ передаваемыхъ рассказовъ записанъ со словъ крестьянъ, въ Костромской губерніи Ю—цкомъ уѣздѣ, въ деревнѣ Ш—овѣ; второго эпизода, происшедшаго въ Саратовской губерніи, въ К—цкомъ уѣздѣ, намъ довелось быть очевидцемъ.

I.

Крестьяне деревни Ш—ово состояли, до 19-го февраля 1861 года, на барщинѣ; они принадлежали г-жѣ Ц., которая не жила въ своемъ имѣніи. Въ деревню Ш—ово пріѣзжалъ, время отъ времени, барынинъ мужъ, полковой докторъ нѣмецъ. Наѣзжая въ деревню, онъ собиралъ съ крестьянъ и всѣ натуральныя повинности, которыя въ Ш—овѣ, какъ и во многихъ другихъ помѣщичьихъ имѣніяхъ, были весьма разнообразны и состояли изъ талекъ (пряжи), собираемыхъ собственно съ бабъ; изъ бараньихъ денегъ, которыя раскладывались помѣщиками на тяглы, въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ владѣльцы не жили и, слѣдовательно, не имѣли надобности въ живыхъ баранахъ; наконецъ, съ крестьянъ собирались куры, яйца, масло и проч.

И въ этотъ разъ — весною 1861 года — барынинъ мужъ пріѣхалъ въ Ш—ово, призвалъ старосту и приказалъ ему, по примѣру прежнихъ лѣтъ, собрать съ крестьянъ бараньи деньги, тальки и прочую снѣдь. Крестьяне безпрекословно выдали старостѣ и куръ, и яица, и масло, но талекъ и бараньихъ денегъ не дали. Бабы, первыя, наотрѣзъ отказались давать тальки; а глядя на нихъ, и мужики заупрямились собирать бараньи деньги, ссылаясь на „Положеніе“, которымъ, какъ извѣстно, всѣ натуральныя повинности и поборы съ крестьянъ были отмѣнены.

Баринъ сильно разсердился на крестьянъ и далъ знать мировому посреднику, что въ Ш—овѣ бунтъ. Въ тотъ же день, вечеромъ, пріѣхалъ посредникъ и велѣлъ на-утро собрать сходъ. Вмѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ и его письмоводитель, пьяный, и отправился въ деревню, къ бабамъ, тотчасъ же завелъ тамъ съ мужиками ссору и началъ драться. Крестьяне вышли изъ терпѣнія и помяли его довольно сильно, такъ что письмоводитель едва дотащился до барскаго флигеля, гдѣ остановился посредникъ. Увидя своего письмоводителя окровавленнымъ и избитымъ, посредникъ поднялъ переполохъ и от-

правиль верхового къ становому приставу, съ извѣщеніемъ, — что въ Ш—овѣ положительный бунтъ и что крестьяне успѣли уже избить на-смерть его письмоводителя. Къ утру, въ Ш—ово прискакалъ становой и съ нимъ человѣкъ двадцать сотскихъ и разсылныхъ солдатъ. Собрали крестьянъ на барскій дворъ. Вышли къ нимъ посредникъ и становой.

— На колѣни, бунтовщики! — крикнулъ посредникъ.

Мужички стали на колѣни, переглядываясь между собой: что будетъ дальше?..

Началъ посредникъ урезонивать крестьянъ и пугать ихъ. А потомъ, становой потребовалъ, чтобы выдали главныхъ бунтовщиковъ и зачинщиковъ. Мужики, едва понимая въ чемъ дѣло и въ чемъ заключается ихъ вина, объявили, что у нихъ нѣтъ никакихъ главныхъ зачинщиковъ. Долго уговаривали ихъ господа; но они все-таки никого не выдали, потому что, и вправду, некого было выдавать: не было ни бунта, ни бунтовщиковъ.

Проморили крестьянъ на колѣняхъ часа три и отпустили, наконецъ, по дворамъ, объявивъ имъ, чтобы къ вечеру опять собрались, а за это время одумались бы и назвали главныхъ

бунтовщиковъ: въ противномъ же случаѣ, становой пригрозилъ, что потребуетъ „эзекуцію“, т. е. солдатъ изъ города.

Какъ только начальство отпустило крестьянъ, они потихоньку собрались на гумнахъ и принялись обсуждать свою бѣду... Обсуждали почти до вечера—и рѣшили кого нибудь выдать, чтобы только покончить это дѣло безъ дальнѣйшихъ хлопотъ и разоренія—то есть, безъ военной эзекуціи, или сѣкуціи, какъ называли и понимали ее крестьяне.

Былъ у нихъ въ деревнѣ древнѣй, бѣлый какъ лунь, мужичокъ, лѣтъ семидесяти слишкомъ; звали его Александръ Ивановичъ. Вотъ, къ нему-то и обратились крестьяне:

— Назовись, дѣдушка Ликсандръ, бунтовщикомъ, послужи на міръ! — стали просить его: — ты человѣкъ старый, взять съ тебя нечего; сѣчь, тоже чай, не будутъ.

Александръ Ивановичъ не сразу согласился.

— А ну, какъ, братцы, родной стороны лишать?—вздохнувъ, спросилъ онъ у мірянъ.

— Авось, Господь милосливъ—не лишать!—успокаивали его: — куда тебя, такого стараго, ссылатъ-то!.. Може, ничего больше не будетъ,

какъ посидишь маленько въ острогѣ, да и назадъ придешь...

И Александръ Ивановичъ, наконецъ, согласился... Его, въ тотъ же вечеръ, и выдали начальству, какъ самаго главнаго бунтовщика и зачинщика. Заковали его въ кандалы и увезли въ уѣздный городъ, въ острогъ. III—скіе крестьяне каждую недѣлю ходили къ нему туда, носили блиновъ, яицъ нечеленыхъ, хлѣба и денегъ; а сами, тайкомъ, подали губернатору прошеніе, въ которомъ описали все дѣло, какъ оно было въ дѣйствительности. И вотъ, черезъ два мѣсяца, пришло отъ губернатора рѣшеніе: выпустить Александра Ивановича на свободу, безъ всякаго наказанія.

Съ того времени Александру Ивановичу большой почетъ былъ въ деревнѣ и всякое уваженіе. Онъ умеръ лѣтъ десять назадъ; но и по сіе время, крестьяне деревни III—ово чтятъ его имя и, говоря о немъ, съ благодарностью прибиваютъ:—„За насъ, за всѣхъ, тогда отвѣтъ на себя одного принялъ — и два мѣсяца въ бунтовщикахъ состоялъ!“

II.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1861 года, въ уѣздномъ городѣ К—цкѣ, Саратовской губерніи, стоялъ въ лагеряхъ 16-й стрѣлковый батальонъ. До 1-го мая, батальонъ этотъ былъ расположенъ на зимнихъ кантониръ-квартирахъ, по деревнямъ и селамъ того же К—цкаго уѣзда.

Унтеръ-офицеръ 1-й роты Савельевъ — человекъ грамотный и неглупый, но любившій иногда выпить, приобрѣлъ себѣ гдѣ-то полный экземпляръ „Положенія“ 19-го февраля и сталъ съ жадностью и любопытствомъ вчитываться въ него. Савельевъ былъ сданъ въ военную службу не очень давно, изъ дворовыхъ людей, — такъ что, по всей вѣроятности, не успѣлъ еще забыть всѣхъ тягостей своего недавняго крѣпостного состоянія. Интересовался онъ „Положеніемъ“ еще и потому, что въ селѣ Н—скомъ, гдѣ зимою былъ его ротный дворъ, у него имѣлась зазноба — крестьянская дѣвушка, тоже помѣщицья, которой онъ далъ слово жениться, если „освобожденіе“ будетъ объявлено и, такимъ образомъ, устранятся препятствія къ браку со стороны вотчинной власти въ этомъ имѣ-

ни, представляемой, за отсутствіемъ помѣщицы, ея управляющимъ — человѣкомъ суровымъ и жестокимъ, нѣмцемъ, умѣвшимъ по-русски отлично браниться, но не говорить. Крестьяне села Н—скаго ненавидѣли этого нѣмца и боялись.

Въ одинъ изъ воскресныхъ дней, Савельевъ былъ посланъ своимъ ротнымъ командиромъ въ село Н—ское съ какимъ-то порученіемъ на бывшій ротный дворъ, гдѣ оставалась еще часть неперевазенаго въ лагерь цейхауза. Явившись въ село, Савельевъ первымъ дѣломъ показалъ заветную книгу своей невѣстѣ и сталъ ей, какъ неграмотной, читать „Положеніе“ и толковать его — по-своему, конечно.

Крестьяне села Н—скаго состояли, до 19-го феврала, на барщинѣ, очень тяжелой и разорительной для нихъ; вмѣсто трехъ дней, они работали пять, и на работы выгонялись не только взрослые мужчины и женщины, но старики и даже дѣти, отъ 10-ти лѣтъ, поголовно. Исключенія дѣлались лишь для больныхъ или для тѣхъ крестьянъ, которые отъ старости едва уже двигали ногами. На основаніи „Положенія“, въ селѣ Н—скомъ продолжала еще существовать барщина, но уже въ легальныхъ размѣрахъ и

менѣе тяжкая для крестьянъ. Хотя, при введеніи уставной грамоты, многіе крестьяне и заявляли желаніе перейти на выкупъ, но дѣло этого перехода, вслѣдствіе усиленныхъ интригъ нѣмца-управляющаго, не состоялось. Попятно, что съ переходомъ крестьянъ на выкупъ, роль управляющаго совершенно бы измѣнилась, если бы даже его должность и не была упразднена помѣщицею совсѣмъ; такимъ образомъ, въ селѣ Н—скомъ продолжала существовать, *de facto*, ненавистная крестьянамъ барщина, и всѣ, отъ мала до велика, были внутренно убѣждены, что ихъ продолжаютъ гонять на барщину незаконнымъ образомъ, благодаря дружбѣ управляющаго съ мѣстными властями, „скрывшими настоящую волю“.

Толки о сокрытіи „настоящей воли“ ходили, весною 1861 года, не по одной Саратовской губерніи, но и по другимъ, преимущественно приволжскимъ же, губерніямъ. Начались эти толки, какъ извѣстно, отъ золотыхъ грамотъ, разбросанныхъ кое-гдѣ въ поволжскихъ селеніяхъ, почти одновременно съ объявленіемъ народу манифеста 19-го февраля.

Бесѣды Савельева съ своей невѣстой па счетъ „воли“ не могли, конечно, оставаться неглас-

ными: прежде всего, провѣдали объ этихъ бесѣдахъ бабы той семьи, гдѣ жила дѣвушка; а затѣмъ узнали объ этомъ и всѣ остальные въ селѣ крестьяне. Въ тотъ же день, вечеромъ, къ избѣ, гдѣ жила невѣста Савельева и гдѣ онъ остановился, собрались крестьяне, послали за водкой, подпоили Савельева и завели съ нимъ, окольными путями и, по обыкновенію, издалека, рѣчь о волѣ.

— Богъ ѣ знаетъ, гдѣ эта воля застряла?!. ждемъ-ждемъ — все нѣтъ!.. Манифестъ прочитали, — а на барщину гоняють по старому...

Охмѣлѣвшій Савельевъ легко поддался водкѣ и соблазну — разыграть роль человѣка, знающаго нѣчто важное и понимающаго нѣсколько болѣе, чѣмъ его собесѣдники. Пьянымъ языкомъ, рассказалъ онъ крестьянамъ, что имѣетъ при себѣ „царскую книгу“, въ которой воля объявляется какъ-есть, во всѣхъ статьяхъ, по справедливости. Тотчасъ же послѣ этого, онъ досталъ принесенную съ собой книгу „Положенія“, — и началъ изъ нея свои толкованія... По этимъ толкованіямъ выходило, что никакой барщины отбывать не слѣдуетъ, а равно и платить оброка; земель же крестьяне должны вла-

дѣть всею тою, на которой ихъ засталъ манифестъ, и владѣть безошлинно...

На другой день, когда виновникъ этихъ толкованій еще спокойно спалъ на сѣновалѣ, въ селѣ Н—скомъ происходила уже великая суматоха: по деревнѣ ѣздили верхами бурмистръ и старосты и выгоняли крестьянъ, силою, на барщину, на которую добровольно никто въ этотъ день не вышелъ. Но понятно, что нѣсколько человѣкъ вотчиннаго начальства ничего не могли подѣлать въ многолюдномъ селѣ; на нихъ скоро крестьяне прикрикнули — и они отправились во-свояси, на барскій дворъ, и положили нѣмцу-управляющему, что въ селѣ бунтъ. Нѣмецъ тотчасъ же сѣлъ на тройку и ускоркалъ въ К—цкѣ. Въ К—цкѣ поднялась тревога...

Здѣсь будетъ кстати сказать хотя нѣсколько словъ о томъ тревожномъ вообще состояніи духа, въ которомъ находились тогда помѣщики и чиновничество — по деревнямъ и даже уѣзднымъ городамъ. Всѣ осязали и видѣли, что вокругъ ихъ свершается великая реформа, что въ этой реформѣ имъ неминуемо придется поступиться нѣкоторыми своими правами и выгодами; потому-то, можетъ быть, нелѣпыя слухи о

готовящемся будто бы всеобщемъ взрывѣ среди крестьянскаго населенія ¹⁾), такъ легко находили себѣ довѣрчивый пріютъ между помѣщиками — преимущественно, мелкими — и чиновниками. Повидимому, на этотъ взрывъ возлагались немалыя надежды въ радужномъ для помѣщиковъ смыслѣ регрессивнаго движенія въ дѣлѣ совершившейся уже во-очію реформы. Но не всегда одни дурные помыслы лелѣяли эти надежды помѣщиковъ: иногда ихъ надежды были просто наивны, — чтобы не сказать болѣе. Приведу слѣдующій, не безынтересный въ этомъ родѣ фактъ.

Лѣтомъ 1862 года я ѣхалъ изъ Саратовской губерніи въ Москву. Проѣзжая чрезъ Чембарскій уѣздъ Пензенской губерніи, я свернулъ съ большого сибирскаго тракта въ сторону и заѣхалъ въ село Свищовку, къ однимъ моимъ давнимъ знакомымъ по Москвѣ, помѣщикамъ Кудрявцевымъ. Я прогостилъ у нихъ нѣсколько дней и, между прочимъ, услышалъ отъ одного

¹⁾ Эти тревожные слухи, слѣдуетъ замѣтить, имѣли свое, всѣмъ почти извѣстное начало — изъ политическихъ памфлетовъ „Земля и Воля“, которые распространялись невидимою рукою въ поволжскихъ губерніяхъ, почти одновременно съ „Золотыми Грамотами“.

ихъ сосѣда, добродушнаго кн. Мамлѣва, слѣдующее мнѣніе относительно освобожденія крестьянъ: „Эмансипація эта только на время дана мужикамъ, въ наказаніе русскому дворянству за то, что оно, во время Крымской войны, мало дѣлало пожертвованій...“ Прибавимъ, что это упованіе выражалось отъ чистаго сердца и притомъ спустя уже болѣе года по объявленіи манифеста 19-го февраля во всѣхъ церквахъ Россіи...

Уѣздныя власти К—ца, въ виду сообщенія управляющаго, послали донесеніе (по эстафетѣ, — такъ какъ телеграфа тогда еще не было) въ Саратовъ, испрашивая инструкцій — что имъ дѣлать?.. Командиръ 16-го стрѣлковаго баталіона майоръ Г—нъ отправилъ таковое же донесеніе въ Пензу, къ генералъ-лейтенанту А—еву, командовавшему 16-ю пѣхотною дивизіей. Отвѣты изъ обоихъ мѣстъ пришли одинаковые: дѣйствовать мягко и къ оружію прибѣгнуть лишь въ крайнемъ случаѣ.

Въ село Н—ское была послана 1-я рота 16-го стрѣлковаго баталіона. Вмѣстѣ съ ротою, отправились и многіе изъ К—цкихъ властей: исправлявшій должность предводителя дворянства, Х—инъ, земскій исправникъ, стряпчій,

становой, а также и нѣмецъ-управляющій. Не доходя до села Н—скаго съ версту, солдатамъ было отдано приказаніе зарядить ружья боевыми патронами. Но когда подошли къ околицѣ села, то увидѣли, что мѣра эта была совсѣмъ не нужна: крестьяне, снявъ покорно шапки, встрѣтили начальство съ образомъ, съ хлѣбомъ и солью...

— На колѣни, мерзавцы!—крикнулъ на нихъ Х—инъ.

Крестьяне покорно упали на колѣни, имѣя сѣдыхъ, столѣтнихъ стариковъ впереди себя...

Х—инъ попросилъ ротнаго командира окружить толпу цѣпью солдатъ. Женщины, стоявшія поодаль, подняли при этомъ громкій плачь и ерикъ...

Крестьянъ окружили; но Савельева между ними не оказалось: они его спрятали и долго упорствовали выдавать. Х—инъ принялъ на себя всѣ тяжелыя обязанности въ этомъ дѣлѣ: при помощи исправника Н—ова, крестьяне были раздѣлены на нѣсколько категорій: на главныхъ виновниковъ, которыхъ тотчасъ же заковали и отправили въ К—цкій острогъ и на второстепенныхъ виновныхъ, жестоко наказанныхъ розгами тутъ же, въ присутствіи Х—ина.

Савельевъ также былъ скоро розысканъ и схваченъ. Его, подъ сильнымъ конвоемъ, отправили и посадили тоже въ острогъ, въ особую, секретную камеру.

„Усмиривъ бунтъ“ въ селѣ Н—скомъ и водворивъ въ немъ прежній порядокъ, власти торжественно возвратились въ К—цкъ. Началось, конечно, слѣдствіе и затѣмъ судъ. Общее мнѣніе было то, что Савельевъ долженъ быть разстрѣлянъ. Слѣдствіе, предварительно производившееся тогда въ земскомъ судѣ, подъ руководствомъ исправника, клонилось, повидимому, къ тому же. Но Савельева спасъ случай. Первые его показанія были такого рода: — „Я скрывался у крестьянъ села Н—скаго страха ради, — что черезъ меня все это несчастье вышло. Когда солдаты подошли къ селу, то я хотѣлъ наложить на себя руки, да грѣха побоялся. Толковалъ крестьянамъ „Положеніе“ такъ, какъ понималъ его самъ“. — Затѣмъ, въ дальнѣйшихъ своихъ показаніяхъ, онъ постоянно обходилъ тотъ фактъ, что дѣлалъ свои толкованія въ нетрезвомъ видѣ... А это одно только и могло его спасти.

Депутатомъ съ военной стороны былъ, вначалѣ, назначенъ подпоручикъ Захаринъ. Замѣ-

тивъ, что Савельевъ не понимаетъ всей важности взводимаго на него обвиненія и видитъ въ своемъ проступкѣ лишь одну вину, что напился вмѣстѣ съ мужиками и разговаривалъ съ ними о чемъ не слѣдовало, и въ показаніяхъ своихъ старается фактъ опьяненія скрыть, депутатъ рѣшился навести его на это показаніе, дабы обстоятельство это было, болѣе или менѣе, выяснено на предварительномъ же слѣдствіи.

На предложенный, по этому поводу, вопросъ, Савельевъ чистосердечно рассказалъ всю исторію дѣла, упомянувъ и о своей невѣстѣ, и о сдѣланномъ ему отъ крестьянъ угощеніи.

Дѣло это тянулось болѣе года. Крестьяне, забранные въ острогъ, были жестоко высѣчены и затѣмъ водворены, попрежнему, въ селѣ Н—скомъ. Ихъ, къ счастью, не сослали. Унтеръ-офицеръ Савельевъ заплатилъ болѣе всѣхъ: онъ былъ приговоренъ военнымъ судомъ къ разжалованію, тяжкому наказанію шпицрутенами сквозь строй и къ ссылке затѣмъ въ арестантскія роты на долгій срокъ. Страшная экзекуція надъ нимъ совершена была въ г. Пензѣ, во время лагернаго сбора, въ 1862 году. Для присутствованія на этой экзекуціи были собра-

ны части отъ всѣхъ близъ расположенныхъ войскъ — по нѣскольکو человекъ отъ роты и батарей, — дабы всѣмъ была извѣстна вина Савельева и всѣ бы видѣли тяжкое наказаніе, понесенное имъ. Мѣра эта была въ то тревожное время отчасти понятна. Россія наводнялась зажигающими политическими памфлетами; пожары, начиная съ Петербурга, истребляли русскіе города и села; въ Варшавѣ уже начался прологъ къ кровавой драмѣ 1863 года...

Послѣдствія, впрочемъ, показали, насколько всѣ эти тревожныя опасенія были напрасны и искусственно преувеличены.

Арестъ и ссылка поручика Богданова (молуканина).

Въ 1833 году, въ Тамбовѣ¹⁾ проживаль отставной поручикъ Богдановъ. Онъ жилъ довольно скромно: имѣлъ собственный домъ, акуратно являлся въ казначейство за пенсіей, получаемой имъ за раны и службу, и почти ни съ кѣмъ изъ лицъ тамбовской администраціи знакомъ не былъ. Единственными гостями Богданова и его собесѣдниками были нѣсколько лицъ изъ богатаго тамбовскаго купечества, которыхъ

¹⁾ Секта Татариновой, покровительствуемая императоромъ Александромъ Павловичемъ и выдавая въ своихъ собраніяхъ первенствующихъ правительственныхъ лицъ, породила, какъ извѣстно, много разныхъ другихъ ученій. Принадлежать къ какой нибудь сектѣ или тайному обществу — было нѣкоторое время почти модою, а моды, забываемыя въ столицахъ, еще долго продолжаютъ имѣть послѣдователей въ отдаленныхъ мѣстностяхъ.

знали въ городѣ за молоканъ. О проживаніи Богданова въ Тамбовѣ едва ли даже было извѣстно мѣстной служебной аристократіи: такъ тихо и скромно жилъ этотъ израненный, отставной поручикъ. Но вотъ, однажды, прямо къ дому тамбовскаго губернатора Степана Ѳедоровича Паскевича¹⁾, подъѣхалъ фельдъегерь и вручилъ ему предписаніе изъ Петербурга о немедленномъ арестованіи отставнаго поручика Богданова и объ опечатаніи всѣхъ книгъ, бумагъ и переписки, которыя найдутся въ квартирѣ этого поручика. Вмѣстѣ съ тѣмъ, предписаніе вмѣняло губернатору въ обязанность, тотчасъ же по арестованіи Богданова, отправить его, какъ „упорнаго сектанта — молоканина“, къ тамбовскому епископу Арсенію—для надлежащаго увѣщанія; и буде онъ, Богдановъ, внявъ увѣщанію епископа, отречется отъ своей ереси и, принеся чистосердечное раскаяніе, дастъ подписку прервать всякія сношенія съ тамбовскими молоканами и, такимъ образомъ, вернется вновь въ лоно православной церкви, то

¹⁾ Родной братъ князя И. Ѳ. Паскевича-Эриванскаго; онъ смѣнилъ въ Тамбовѣ губернатора д. с. с. Миронова, о которомъ я говорилъ въ моей статьѣ „Холерный бунтъ въ Тамбовѣ въ 1830 году“ („Вѣстникъ Европы“, сентябрь 1875 г.).

оставить его, Богданова, въ Тамбовѣ, подвергнувъ строжайшему надзору полиціи; если же онъ не принесетъ надлежащаго раскаянія въ ереси и не дастъ требуемой отъ него подписки, то отправить его немедленно, съ жандармами, въ Валаамскій монастырь; бумаги же его и переписку выслать съ этимъ же фельдъегеремъ въ Петербургъ.

По полученіи таковаго предписанія, губернаторъ Паскевичъ тотчасъ отправилъ жандармскаго офицера и квартальнаго надзирателя къ Богданову для приведенія въ исполненіе всего того, что предписывалось изъ Петербурга. Когда жандармскій офицеръ постучался въ квартиру Богданова, то двери отворилъ самъ Богдановъ, одѣтый совершенно по дорожному и встрѣтилъ гостей слѣдующей фразой: „Я совершенно готовъ; можете взять меня“... На вопросъ жандармскаго офицера, кто предварилъ его объ арестѣ, Богдановъ не далъ никакого отвѣта и, затѣмъ, совершенно спокойно и невозмутимо присутствовалъ при обыскѣ у него въ домѣ и печатаніи бумагъ и такъ же спокойно далъ арестовать себя. Его усадили въ карету съ опущенными сторами и привезли въ Казанскій монастырь, на архіерейское подворье, къ епи-

скопу Арсенію ¹⁾). Епископъ, предваренный губернаторомъ, тотчасъ же принялъ Богданова въ своемъ кабинетѣ и хотѣлъ благословить его. Богдановъ отказался принять это благословеніе, и на вопросъ епископа: „почему не приѣмлешь?“ отвѣчалъ въ довольно рѣзкой, хотя и вѣжливой формѣ, что благословенія крестомъ не приѣмлетъ потому, что не придаетъ, собственно кресту, никакого символическаго значенія святости.

— Но вѣдь на крестѣ былъ распятъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, замѣтилъ архіерей: — ты въ него вѣруешь ли?

— Въ Господа нашего Іисуса Христа вѣрую, но не могу поклоняться кресту — орудію казни Его. Если поклоняться кресту, то также надо поклоняться и копію, которымъ было прободено ребро Его...

— А почему ты не посѣщаешь храмъ Господень? спросилъ его архіерей.

— Потому, отвѣчалъ Богдановъ, — что надо молиться не явно, а тайно: „Вниди въ клѣть и затвори оную“, сказано въ евангеліи отъ Маттея...

¹⁾ Впослѣдствіи митрополиту кіевскому.

Епископъ старался разсѣять сектаторскіе взгляды и толкованія Богданова и объяснялъ ему—какъ толкуетъ и понимаетъ это изрѣченіе православно-каѳолическая церковь. Но Богдановъ ни въ чемъ не могъ согласиться съ епископомъ и, наконецъ, отнеся, съ точки зрѣнія „духовныхъ христіанъ“, т. е. молоканъ, къ личности и положенію въ церкви самого епископа, бесѣдовавшаго съ нимъ.

— Ваше преосвященство ѣздите въ каретахъ, цугомъ, говорилъ Богдановъ епископу:—а апостолы, которыхъ вы мните представлять на землѣ, въ каретахъ не ѣздили, а смиренно обходили міръ пѣшкомъ. Вы сидите во храмѣ; головы ваши покрыты драгоцѣнными митрами: алмазы и изумруды сіяютъ на вашихъ головахъ... Этихъ драгоцѣнныхъ камней было бы достаточно для прокормленія цѣлаго города, въ голодный годъ. Патріархъ вашъ Никонъ сшилъ себѣ ризу и написалъ на ней, жемчугомъ, молитву „Вѣрую“... Риза эта не имѣетъ, говорятъ, цѣны...

Епископъ Арсеній, не пожелавъ далѣе слушать превратныхъ толкованій Богданова, всталъ съ мѣста и удалился во внутренніе покои. Богданова увели изъ архіерейскаго дома, отвезли

въ острогъ и въ слѣдующую же ночь усадили въ кибитку и помчали въ Валаамъ...

Въ Валаамскомъ монастырѣ съ Богдановымъ обходились чрезвычайно сурово: на него возложили нѣкоторыя тяжелыя физическія работы и заставляли ходить въ церковь, на всѣ богослуженія. Всѣ тяжкія работы Богдановъ исполнялъ безропотно и съ истиннымъ смиреніемъ „духовнаго христіанина“; но ходить въ церковь отказался рѣшительно, такъ что, по приказанію игумена, монахи всякій разъ тащили его въ церковь силою; въ самой церкви, тоже, приходилось удерживать Богданова насильно, что, конечно, порождало въ храмѣ скандалъ и служило великимъ соблазномъ для постороннихъ молящихся, особенно для мірянъ. Въ этомъ смыслѣ, Валаамскій игуменъ и сдѣлалъ надлежащее донесеніе мѣстному архіерею, который, въ свою очередь, сообщилъ объ этомъ въ синодъ. Вслѣдствіе этого, изъ Петербурга пришло новое распоряженіе относительно Богданова: предписано было отправить его въ одинъ изъ глухихъ и бѣдныхъ монастырей Костромской губерніи, гдѣ и содержать съ таковою же строгостью, какъ въ Валаамѣ.

Привезли Богданова въ глухой монастырь

Костромской губерніи, заставили работать — колоть дрова и топить печи, и предложили ходить въ церковь. Но Богдановъ, попрежнему, безропотно исполняя всѣ монастырскія работы, въ церковь ходить отказывался. На его счастье, игумень костромскаго монастыря былъ человѣкъ умный и добрый. Видя упорство Богданова и его отвращеніе отъ церкви, онъ призвалъ его къ себѣ и сталъ вѣжливо и съ любовью уговаривать его.

— Я долженъ доносить о тебѣ въ консисторію ежемѣсячно, говорилъ игумень, — и долженъ буду донести, что ты упорствуешь — не ходишь въ церковь.

— Я буду дѣлать все, что вамъ угодно, отвѣчалъ Богдановъ, — но въ церковь вашу ходить не могу; такъ я донесите обо мнѣ. Я не могу молиться на ваши образа.

— Но вѣдь дѣлу легко помочь, замѣтилъ на это игумень. — Я отъ тебя и не требую, чтобы ты молился въ церкви; я прошу тебя только ходить въ нее: ты стань въ церкви, у окна и, если пожелаешь, молись Богу, глядя на небо...

Эта мысль поразила Богданова... Онъ тотчасъ же изъявилъ согласіе на предложеніе игумена и, затѣмъ, сталъ ежедневно посѣщать

монастырскій храмъ; остановясь у окна, онъ усердно молился, глядя вверхъ, на небо...¹⁾.

Добрый игуменъ былъ чрезвычайно доволенъ поведеніемъ Богданова и тотчасъ же донесъ въ костромскую консисторію объ обращеніи въ

¹⁾ Здѣсь, кстати, я позволю себѣ привести разсказъ, слышанный мною, въ 1869 году, въ г. Могилевѣ, отъ архіепископа Евсевія. „Однажды, говорилъ архіепископъ,— во время моего служенія въ Восточной Сибири, проѣзжая по длинѣ рѣки Иркутъ, мнѣ довелось остановиться на ночлегъ въ бурятской юртѣ. Въ самомъ верху юрты было открыто небольшое отверстіе для свободнаго выхода дыма отъ очага, разложеннаго, по обыкновенію, въ юртѣ же. Отходя ко сну и желая сотворить молитву, я подошелъ къ отверстію юрты, и по немѣннѣю иконъ съ собою, сталъ молиться вверхъ, на ясное небо, усыянное звѣздами. Когда я окончилъ молитву и взглянулъ на бурятъ, бывшихъ въ юртѣ, то увидѣлъ, что всѣ они смотрятъ на меня съ чрезвычайнымъ удивленіемъ. Вслѣдъ за тѣмъ, ко мнѣ подошелъ одинъ старикъ и, положивъ руку на мое плечо, спросилъ меня: „Кому ты молился?“—Богу, отвѣчалъ я.— „Да, это такъ, сказалъ онъ; но ты молился *нашему* Богу. Когда мы уходимъ съ нашихъ зимовокъ, то въ кочевья не беремъ съ собою нашихъ боговъ (идоловъ) и молимся очень часто, особенно вдали отъ юртъ, на охотѣ, тому же Богу, Которому сейчасъ молился и ты“.—Богъ единъ, отвѣчалъ преосвященный:— и мой Богъ есть вашъ Богъ; оттого вы и я молимся единому Богу, Который живетъ на небесахъ.— Послѣ этого, буряты пожелали узнать подробности (догматы) религіи своего высокаго гостя и, выслушавъ краснорѣчиваго миссіонера, тотчасъ же, въ составѣ всего улуса, изъявили желаніе присоединиться къ нашей православной церкви.

лоно православной церкви молоканина Богданова.

Консисторія сообщила, конечно, донесеніе игумена въ Петербургъ и, черезъ два мѣсяца, поручикъ Богдановъ былъ освобожденъ изъ ссылки и отправленъ на прежнее мѣстожителство, въ Тамбовъ, гдѣ и поселился попрежнему въ своемъ домѣ. Ему, какъ заслуженному и израненному воину, была выдана даже причитающаяся пенсія за время ссылки, т. е. за все время проживанія его въ Валаамѣ и Костромской губерніи. Эту пенсію онъ получалъ и по смерть, которая, впрочемъ, не замедлила придти къ старику, страдавшему отъ ранъ и окончательно надломленному въ своемъ здоровьѣ ссылкой и тяжкими монастырскими работами. Въ 1835 году, осенью, „духовный христіанинъ“ Богдановъ скончался и былъ похороненъ своими племянниками на кладбищѣ Петра и Павла, находящемся за Астраханскою заставою г. Тамбова.

Позволимъ себѣ, въ заключеніе нашего разсказа, сказать нѣсколько общихъ словъ о „духовныхъ христіанахъ“ или молоканахъ, какъ ихъ принято называть.

Въ Тамбовѣ, гдѣ прошли мое дѣтство и

юность, — въ домѣ моего отца, я встрѣчалъ очень многихъ почтенныхъ лицъ изъ тамбовскаго купечества, о которыхъ было извѣстно, что они молокане. Самыя добрыя, свѣтлыя и симпатичныя воспоминанія остались во мнѣ объ этихъ лицахъ. Отличительными чертами этихъ „духовныхъ христіанъ“ могутъ быть названы: высокая нравственная чистота ихъ семейной жизни, при совершенно равноправномъ положеніи въ семьѣ мужа и жены. „Жена — не воля яремный, говоритъ ихъ вѣроученіе; она намъ другъ и помощница, подпора и сотоварищъ въ сей юдоли земной“. Жены „духовныхъ христіанъ“ повинуются своимъ мужьямъ не ради страха іудейскаго, а лишь по силѣ любви: ибо, говорятъ молокане, „нѣсть спасенія въ повиновеніи силѣ“. Та же чистота отличаетъ и ихъ домашнюю жизнь: только въ нѣмецкихъ колоніяхъ Николаевскаго уѣзда Херсонской губерніи да заграницею въ Германіи мнѣ доводилось встрѣчать ту безукоризненную чистоту, или скорѣе чистоплотность въ домашнемъ быту, которую можно встрѣтить въ домѣ каждаго молоканина, даже самаго небогатаго. Положительно бѣдныхъ между ними нѣтъ, такъ какъ они незнакомы ни съ развра-

томъ, ни съ виномъ, губящими и разоряющими наши крестьянскія семьи. Въ костюмахъ ихъ женщинъ преобладаетъ строгій пуризмъ: бѣлый платокъ на головѣ и темнаго цвѣта платье — обыкновенный костюмъ всѣхъ молоканокъ, и богатыхъ, и бѣдныхъ.

Въ 1863 году, весною, въ прїѣздъ въ Москву славнаго трагика Айръ-Ольриджа, я отправился однажды въ тамошнюю реформатскую церковь: мнѣ сообщили, что въ церкви будетъ Ольриджъ, и мнѣ захотѣлось видѣть вблизи человѣка, доставлявшаго мнѣ такъ много сладостныхъ страданій и высокихъ наслажденій своею игрою. Это было въ воскресенье. Войдя въ церковь и усѣвшись на скамью, я тотчасъ же узналъ впереди себя курчавую голову и широкія плечи Ольриджа. Я сталъ внимательно разсматривать его, насколько, конечно, это было возможно, чтобы не быть самому замѣченнымъ. Оглянувшись, затѣмъ, на остальную присутствующую публику, я, къ удивленію своему, узналъ нѣсколькихъ молоканъ, тамбовскихъ купцовъ, знакомыхъ моего отца; очевидно, они были здѣсь не затѣмъ, зачѣмъ былъ я: не ради Ольриджа, а ради молитвы. Когда окончилось служеніе, я подошелъ къ нимъ и узналъ въ разговорѣ,

что они, бывая по своимъ торговымъ дѣламъ въ Москвѣ, приходятъ каждое воскресенье въ эту церковь молиться... Такимъ образомъ, Савонарола и его ученіе, положившіе, въ началѣ XVI-го вѣка, во Флоренціи, основаніе реформатскому движенію, имѣютъ у насъ въ Россіи, въ средѣ „духовныхъ христіанъ“, весьма усердныхъ послѣдователей.

Судебныя ошибки.

I.

Въ Броницкомъ уѣздѣ, въ Амеревской волости, въ лѣсу, прилежащемъ къ деревнѣ Митиной, ночью былъ зарѣзанъ (лѣтомъ, въ началѣ 1830-хъ годовъ) крестьянинъ этой деревни, возвращавшійся изъ сосѣдняго села.

Тогда еще были засѣдатели земскихъ судовъ, которые и производили слѣдствія. Засѣдатель, вмѣстѣ съ народомъ деревни и семействомъ убитаго, пріѣхалъ на мѣсто преступленія — слѣдовъ никакихъ: ни забытой вещи, ни оружія, ничего. Еще выѣзжая изъ деревни, засѣдатель далъ женѣ убитаго крестьянина слѣдующую мысль:

— Хоть плачь, не плачь — мужа не воротишь; лучше прислушивайся въ народѣ, что будутъ говорить (т. е. къ народной молвѣ), а потомъ скажи мнѣ.

Баба такъ и сдѣлала—стала прислушиваться... Когда тѣло подняли и деревенскій народъ пошелъ изъ лѣсу, то лѣсникъ, приставленный для караула къ лѣсу, крикнулъ довольно громко дочери, которая должна была возвратиться въ деревню (лѣсникъ жилъ въ дер. Митиной):

— Скажи, Дуня, матери, что въ случаѣ, если ея спросятъ — гдѣ я ночевалъ вчера, то чтобъ сказала, что я въ лѣсѣ не ходилъ, а пробылъ всю ночь дома.

Жена убитого крестьянина слышала эти слова; слышалъ и народъ. Засѣдатель, конечно, тотчасъ же узналъ объ этихъ словахъ. Лѣсникъ былъ взятъ. Произведенъ былъ обыскъ въ его домѣ, осмотрѣли его самого: въ домѣ ничего не нашли, а на его портахъ оказалась кровь; при этомъ онъ страшно смутился.

— Отчего кровь? спрашиваютъ.

— Барана рѣзалъ.

— Тотчасъ былъ посланъ къ его женѣ одинъ ловкій крестьянинъ, спросить: нѣтъ-ли продажной баранины; жена лѣсника отвѣчала, что нѣтъ, что они барановъ не держали и не рѣзали.

Лѣсникъ отказывался, что ходилъ по лѣсу въ эту ночь, а насчетъ приказанія дочери объ-

яснилъ, что далъ его изъ чувства страха, что его притянуть къ дѣлу.

Крестьянинъ былъ зарѣзанъ какимъ-то тупымъ оружіемъ, мясо на горлѣ лежало клочками, а лѣсникъ постоянно ходилъ по лѣсу съ пикой или съ чѣмъ-то въ родѣ того. Осмотрѣли пикю — она была вычищена кирпичемъ и, какъ видно, очень недавно. А тамъ, засѣдатель, лишь бы найти виноватаго, прибавилъ отъ себя еще нѣсколько обвиняющихъ пунктовъ: бѣденъ, дескать, онъ, буйнаго характера, и проч. Но онъ не поставилъ слѣдующихъ вопросовъ: „Не былъ ли онъ, лѣсникъ, съ убитымъ, въ ссорѣ? Ѣздилъ-ли убитый крестьянинъ съ деньгами, или безъ денегъ, и если съ деньгами, то могъ ли знать объ этомъ лѣсникъ?“ и т. п.

Лѣсника посадили въ острогъ, судили и приговорили къ наказанію кнутомъ и ссылкой въ каторгу, — приговоръ уѣзднаго суда. Московская уголовная палата пропустила это рѣшеніе, т. е. утвердила.

Въ это время былъ пойманъ во Владимірской губерніи бѣглый солдатъ на церковной кражѣ, который сознался и въ убійствѣ крестьянина въ Митинскомъ лѣсу, объявивъ, что ему помо-

галь въ убійствѣ швецъ (портной), какіе обыкновенно ходятъ по деревнямъ; съ портнымъ были его ножницы и ими-то было исколото горло убитаго крестьянина. Еще прибавилъ, что крестьянинъ былъ зарѣзанъ по ошибкѣ, они дожидались не его, а тряпичника, т. е. мелкаго торговца, скупающаго или вымѣнивающаго на свой товаръ тряпье для бумажныхъ фабрикъ; тряпичникъ долженъ былъ проѣзжать въ эту ночь черезъ Митинскій лѣсъ.

Обвиненнаго лѣсника, конечно, освободили. Онъ объявилъ, что всѣ ложныя его показанія были даны имъ, страху ради, напримѣръ, кровь, которую нашли на его портахъ, текла у него наканунѣ убійства изъ носу.

Между тѣмъ, эти-то показанія и опутали его, и послужили поводомъ къ его обвиненію уѣзднымъ судомъ и уголовною палатою.

II.

Въ Броницкомъ уѣздѣ, селѣ Ильинскомъ, въ имѣніи Кошелева, въ 1839 году, при перестройкѣ надворныхъ строеній въ городскомъ домѣ, переведена была изъ флигеля, на время перестройки, для житья на скотный дворъ,

выстроенный за деревней, старушка, жена бывшего управляющаго имѣніемъ Кошелева, вдова 60-ти лѣтъ. Вдова эта, какъ всѣ крестьяне думали, была богата. Она жила съ дочерью, тоже вдовой; у послѣдней была дѣвочка лѣтъ 6-ти или 7-ми. Онѣ занимали пристройку на скотномъ дворѣ, въ родѣ отдѣльнаго флигеля.

На скотномъ же дворѣ проживалъ скотникъ, одинокій. Скотникъ этотъ перевозилъ вещи старухи и дочери; слѣдовательно, видѣлъ, что онѣ имѣютъ. Когда онъ поднималъ сундукъ старухи, чтобы поставить его на телѣгу и везти на скотный дворъ, то тогда же замѣтилъ ей:

— Какой тяжелый сундукъ-то у тебя, бабушка! Чай, много добра здѣсь лежитъ,—вѣдь покойный старикъ-то приказчикомъ былъ: какъ не нажить!..

Однажды, когда дочь ушла въ церковь (старуха заперла изнутри тѣ комнатки, гдѣ она осталась со внучкой), къ старухѣ постучался скотникъ:

— Дай, бабушка, табачку понюхать!

И такъ какъ онъ не разъ съ ней нюхивалъ, то старуха и отперла безъ всякихъ опасеній. Понюхавши табакъ, скотникъ напомнилъ старухѣ, что она должна бы поднести ему водочки

за его труды, такъ какъ онъ перевозилъ ея вещи съ барскаго двора; старуха вышла въ сѣни, гдѣ хранилась водка. Дѣло было лѣтомъ. За ней вышелъ и скотникъ, взявши изъ избы, — незамѣтно для старухи, но замѣтно для дѣвочки, — топоръ (топоръ лежалъ на прилавкѣ, около печки; дѣвочка сидѣла на печи). Вдругъ слышался въ сѣняхъ крикъ, — дѣвочка выглянула въ дверь и увидѣла „зарубленную бабушку“. Скотникъ, возвратившись въ избу, пригрозилъ дѣвочкѣ: „Молчи о томъ, что видѣла, а то и тебѣ то же будетъ!“ Взломалъ одинъ изъ сундуковъ, взялъ кое-что и вышелъ. На ребенка не поднялись, видно, руки.

Возвратилась дочь старухи изъ села отъ обѣдни, испугалась, крикнула и побѣжала въ село. Пришли люди; пріѣхалъ судъ; стали спрашивать дѣвочку, которая безошибочно и вѣрно рассказала все дѣло. На очныхъ ставкахъ дѣвочка подробно такъ все говорила и спокойно уличала убійцу: „дядюшка, ты вотъ такъ и такъ сдѣлалъ“... Показанія дѣвочки во вниманіе не взяли; требовали признанія, — его не было, и бродячій уѣздный судъ оставилъ скотника только „въ сильномъ подозрѣніи“. Московская уголовная палата подтвердила рѣшеніе суда. Помѣщикъ

(г. Кошелевъ) не принялъ скотника, такъ какъ скотникъ былъ дурного поведенія,—что также не принято во вниманіе при оправданіи судомъ подсудимаго, и онъ былъ сосланъ безъ наказанія въ Сибирь.

При обыскахъ и выемкахъ на скотномъ дворѣ и въ его домѣ—на селѣ—ничего не нашли.

Судебныя учрежденія основывались „на не-совершенномъ показаніи несовершеннолѣтней дѣвочки и на томъ, что собственнаго призна-нія не было“.

Въ Сибири же, передъ самою смертью, скот-никъ сознался „на духу“, что дѣйствительно онъ „убилъ бабушку“.

III.

Лѣтомъ 1854 года, въ селѣ Ромзаѣ (Пен-зенской губ.), въ избѣ одного богатаго крестья-нина, стоящей на самомъ краю села, вырѣзали, ночью, всю семью и ограбили все цѣнное иму-щество и деньги. По утру сосѣди, видя, что въ этой избѣ очень долго не затопляютъ печь, подошли къ окнамъ и заглянули... видятъ: вся семья лежитъ на полу, съ перерѣзанными гор-

лами. Дали знать. Земскій судъ и всѣ уѣздныя власти поднялись на ноги. Даже въ губернскомъ городѣ всѣ переполошились и съ любопытствомъ и нетерпѣніемъ ожидали результатовъ этого слѣдствія о такомъ неслыханномъ преступленіи.

Временное отдѣленіе (т. е. земскій исправникъ, чиновникъ особыхъ порученій отъ губернатора, уѣздный врачъ и непремѣнный членъ земскаго суда) пріѣхало, очень долго хлопотало и всетаки ничего не открыло и не нашло, кромѣ крестьянской высокой шляпы, съ павлиными перьями, отысканной на огородѣ, въ конопляхъ. Стали сгонять народъ изъ окрестныхъ селъ и деревень—признавать эту шляпу; но долго не отыскивалось ей хозяина. Наконецъ, нѣсколько мужичковъ изъ одной деревни объявили, что они признаютъ эту шляпу, что она принадлежитъ одному холостому и довольно разгульному парню ихъ деревни. Поскакали за парнемъ; привезли.

— Твоя шляпа? спрашиваютъ.

Парень весь измѣнился въ лицѣ, задрожалъ и повалился суду въ ноги.

— Моя, говоритъ; но не погубите занапрасно: я въ этомъ дѣлѣ не виноватъ.

— Какъ такъ?! спрашиваютъ чиновники — да вѣдь шляпа-то твоя?

— Такъ точно, шляпа моя. Я ѣхалъ съ базара, подъ вечеръ, былъ хмѣленъ, меня нагнали, на тройкѣ, какіе-то люди, сорвали шляпу съ меня и усакали.

— Толкуй себѣ! отвѣчали парню чиновники, — и рады были, что напали на слѣдъ, что нашли, наконецъ, виноватаго.

Заковали парня, посадили въ нежилую избу, приставили денной и ночной караулъ и стали допрашивать его и разслѣдовать дѣло. Прежде всего, конечно, навели справки въ его деревнѣ, у родныхъ: не отлучался-ли онъ куда въ ночь убійства и гдѣ именно ночевалъ ту ночь? Родные парня — мать и два брата — показали, что онъ ѣздилъ въ это самое время на базаръ, верстъ за семь отъ деревни, и только утромъ, на другой день, возвратился домой. Сдѣлали самый строжайшій обыскъ въ домѣ парня и даже у всѣхъ его родныхъ въ деревнѣ, перерыли всѣ подполья, гумны и амбары, потоптали, отыскивая награбленныхъ вещей, всѣ огороды и коноплянники, но ровно ничего не нашли, и порѣшили, что ограбленное имущество скрыто гдѣ нибудь у товарищей, на сторонѣ.

На дальнѣйшихъ допросахъ парень показаль слѣдующее:

— Какъ схватили они съ меня шляпу, я оборотилъ лошадь и поѣхаль за ними назеркомъ; они свернули съ дороги въ поле — и я за ними. Потомъ они пропали съ глазъ долой: у нихъ тройка, а я на одной, да и совсѣмъ примеркать стало. Сбился я съ дороги, не нашель ее, да такъ и ночеваль въ полѣ; а поутру, оглядѣвши, выбился на дорогу и домой приѣхаль.

Для „временнаго отдѣленія“ было ясно, что парень запирается, путаетъ... стоитъ на своемъ: „не мое это дѣло и не повиненъ я въ немъ“...

Слѣдствіе закончили, посадили парня въ острогъ, судили и, по рѣшенію уѣзднаго суда, утвержденному пензенскою уголовною палатой, парня оставили „въ сильномъ подозрѣніи“ — на основаніи добытыхъ слѣдствіемъ уликъ, но при отсутствіи собственнаго признанія и по неимѣнію свидѣтельскихъ показаній, которыя могли бы подтвердить его вину.

Крестьянское общество (государственныхъ крестьянъ), предполагая въ парнѣ убійцу, не пожелало принять его въ свою среду изъ

острога обратно, — и онъ былъ отправленъ на поселеніе въ Сибирь.

Спустя годъ, былъ пойманъ, при ограбленіи церкви, одинъ старый татаринъ, проживавшій въ той же Ромзайской волости. Когда обыскивали, потомъ, домъ этого татарина, то понятые, призванные изъ села Рамзая, признали нѣкоторыя вещи и платье, принадлежавшія перерѣзанному семейству. Началось, конечно, о татаринѣ новое дѣло, — и онъ чистосердечно повинился въ этомъ преступленіи и указалъ всѣхъ своихъ сообщниковъ, татаръ же, объявляя парня, оставленнаго „въ сильномъ подозрѣніи“ и сосланнаго уже въ Сибирь, совершенно невиновнымъ въ дѣлѣ рамзайскихъ убійствъ. Шляпа, дѣйствительно, была снята татарами съ хмѣльнаго парня — и, затѣмъ, оставлена была въ конопляхъ, для отвода.

Парня вѣрно было немедленно же возвратить изъ Сибири, на счетъ общества. Но когда пришла къ нему въ Сибирь эта милость, то онъ отказался отъ возвращенія на родину, въ свое крестьянское общество, заподозрившее его, со словъ чиновниковъ, въ убійствѣ.

IV.

Въ началѣ пятидесятихъ годовъ, въ селѣ Разказовѣ, отстоящемъ отъ губернскаго города Тамбова въ 30-ти верстахъ, вечеромъ, въ августѣ мѣсяцѣ, застрѣлили (въ окно) очень богатаго помѣщика А—ова, въ его собственномъ домѣ, въ кабинетѣ. Въ моментъ выстрѣла (изъ сада), съ нимъ въ кабинетѣ были двое конторщиковъ его имѣнія. Окончивъ съ ними счеты, помѣщикъ только что поднялся со стула, какъ раздался за окномъ (затвореннымъ) выстрѣлъ,—и онъ повалился за-мертво на полъ, прострѣленный въ голову двумя волчьими пулями (картечью). вмѣстѣ съ нимъ упалъ и одинъ изъ конторщиковъ, раненый въ плечо. Прибѣжали изъ лакейской комнаты люди, подняли съ полу помѣщика и безъ толку, въ попыткахъ, принялись спрашивать уцѣлѣвшаго, но едва живаго отъ страху, другого конторщика. Прибѣжалъ управляющій, узналъ въ чемъ дѣло,—и только тогда кинулись въ садъ. А тамъ и слѣдъ простылъ... Лишь въ одной изъ аллей нашли простые, крестьянскіе сапоги; слѣды же подъ окномъ, какъ оказалось при

осмотрѣ мѣста съ фонарями, были сдѣланы разуютою ногой. По непростительной оплошности, слѣды эти собравшимися къ окнамъ крестьянами изъ села были затоптаны, такъ какъ управляющій забылъ, второпяхъ, поставить къ этимъ слѣдамъ караульныхъ для охраненія отъ народа, который огромными массами въ тотъ же вечеръ собрался къ барскому дому.

Помѣщикъ А—овъ былъ одинъ изъ богатѣйшихъ помѣщиковъ Тамбовской губерніи: кромѣ имѣній, онъ имѣлъ въ своемъ селѣ суконныя фабрики, винокуренный заводъ, и пр. Онъ былъ необыкновенно жестокій человѣкъ съ своими крестьянами: работы были тяжелыя и непосладныя, наказанія — еще тяжелѣй... Иногда, въ страдную пору, онъ самъ, бывало, выѣдетъ верхомъ въ поле,—и если завидитъ женщину, оторвавшуюся отъ жнитва, чтобы покормить грудью ребенка, то собственноручно и безъ всякаго милосердія и жалости сѣеъ ее нагайкою. Когда оценилась, однажды, его любимая сука, то двухъ ея щенятъ онъ приказалъ кормить грудью женѣ столяра, а ея ребенка отнять отъ груди. Кромѣ того, онъ былъ очень сластолюбивъ и развратенъ

.

Нѣкоторые изъ крестьянъ пробовали было жаловаться на него губернатору, но прямо отъ губернскаго крыльца попадали—или въ полицію, гдѣ ихъ жестоко сѣкли, или же въ острогъ, откуда уже отправлялись прямо на поселеніе.

Подъ конецъ, крестьяне перестали уже жаловаться на него... Рѣшили: „Будь воля Божья!..“

И когда совершилось убійство, крестьяне вздохнули свободнѣе; но многіе всетаки жалѣли его: „безъ покаянія де умеръ!..“

Когда узналъ объ этомъ убійствѣ тамбовскій губернаторъ Булгаковъ, близкій человѣкъ А — ову, то велѣлъ найти виноватаго (убійцу) — во что бы то ни стало. Командирована была особая комиссія въ село Разказово. На первыхъ же порахъ, было арестовано множество крестьянъ. Хозяина сапогамъ нашли очень скоро: они принадлежали сельскому сотнику (или: соцкому), довольно уже пожилому крестьянину, „зашибавшемся хмѣлемъ“. Стали его допрашивать — не отпирается:

— Мои, говоритъ, точно, сапоги, а какъ попали сюда, не знаю. Я въ этотъ день, вечеромъ, съ крестинъ шелъ, во хмѣлю, легъ въ

канавкѣ, на улицѣ, да и заснулъ. Проснувшись уже ночью, увидѣлъ, что сапогъ на мнѣ нѣтъ; я и не слыхалъ, какъ ихъ сняли съ меня. А въ саду здѣсь я не былъ и въ барина не стрѣлялъ; я, отродясь, ружья въ руки не бралъ и боюсь его...

Что онъ ни говорилъ въ свое оправданіе, его не слушали. Запугали его, заковали и посадили въ пустой амбаръ, подъ самый строгій караулъ. Сотникъ просидѣлъ нѣсколько дней—и рѣшился бѣжать. Когда ему это удалось, то власти сильно переполошились и отчасти обрадовались: на бѣжавшаго можно было указать, какъ на несомнѣннаго убійцу А—ова. Однако, бѣглеца скоро поймали.

— Теперь, уже ясно, сказалъ ему предсѣдатель временнаго отдѣленія,—что ты или самъ застрѣлилъ барина, или участвовалъ въ этомъ дѣлѣ; иначе, зачѣмъ бы и бѣгать тебѣ, если ты правъ? Сознавайся!..

Мужичокъ догадался, что глупо сдѣлалъ, да воротить-то ужъ нельзя было. Его перевели въ нежилую избу и стали кормить селедками, не давая воды, — какъ это очень часто дѣлывали слѣдователи того стараго времени.

На третій день послѣ побѣга, ночью, сот-

никъ привязалъ гайтанъ (рубашечный поясъ) къ кольцу, на которое въ избѣ дѣтскія люльки вѣшали,—и удавился. Временное отдѣленіе донесло, что преступникъ лишилъ себя жизни.

Тѣмъ дѣло тогда и кончилось.

Спустя нѣкоторое время, одинъ умирающій дворовый человѣкъ разсказовскихъ господъ (наслѣдниковъ А—ова), ходившій по оброку въ сосѣдней Воронежской губерніи, пожелалъ, чтобы при его исповѣди священнику присутствовала бы и мѣстная полиція. На исповѣди онъ объявилъ, что „убилъ барина“; сапоги же съ пьянаго сотника снялъ по дорогѣ въ садъ, наткнувшись на него случайно, и оставилъ эти сапоги въ саду для отвода. Барина застрѣлилъ изъ мести—за обезчещеніе своей невѣсты, сильно имъ любимой и на которой ему, убійцѣ, предстояло скоро жениться.

Передъ Волей.

Сцены на Волгѣ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Макоимъ Федуловъ, хозяинъ постоялаго двора, крестьянинъ, старикъ; старообрядецъ.

Акулина, его жена.

Платонъ Макоимовъ, его сынъ, лѣтъ 30-ти; большой начетчикъ.

Остранникъ — прохожій

Купеческій прикащикъ

Дядя-Иванъ, рыжій

Дядя-Степанъ

Дѣдушка Алексѣй

Молодой парень

} Проѣзжіе крестьяне съ извозомъ (извозчики).

1-й неизвестный, высокаго росту, съ рыжею бородою; лѣтъ 30-ти.

2-й, отставной офицеръ, съ бородою же, лѣтъ 25-ти.

3-й, въ усахъ и гладко остриженъ, росту высокаго, среднихъ лѣтъ, одѣтъ въ старопольскій національный костюмъ.

} Проѣзжіе.

Молодой человѣкъ, въ синихъ очкахъ и съ волосами до плечъ.

Фабричный парень, въ дубленомъ полушубкѣ и валенкахъ.

Флигель-адъютантъ, проѣзжій.

Становой.

Варыня.

Лакей.

Три дѣвушки, горничныя.

Работница постоялаго двора.

Работникъ.

Оотокіе — двое.

Деньщикъ.

Ямщикъ со станціи.

Дѣйствіе происходитъ въ одной изъ приволжскихъ губерній, на постояломъ дворѣ, на берегу Волги, въ концѣ 1860 года.

Сцена изображаетъ большую, чистую избу постоялаго двора. Двѣ двери — противъ сцены и налѣво и — нѣскольکو оконъ направо. Зимній вечеръ. Среди избы висятъ фонарь со свѣчею; другая свѣча стоитъ на столѣ. Голландская печь на лѣвой сторонѣ. Часы.

ЯВЛЕНІЕ I.

Максимъ Федуловъ, Платонъ Максимовъ и странникъ сидятъ за столомъ.

СТРАННИКЪ (отогрѣвается). Н-н-у, морозъ!.. не чаялъ я, что и дойду до деревни-то. Еще, благодаренье Господу, вѣтру нѣтъ, стихло къ вечеру-то; а то-бы бѣда! много бы народу православнаго померзло!..

максимъ федуловъ. Да, лютъ морозъ Господь послалъ! давишь, я самъ видалъ: птица падаетъ на лету—мерзнетъ. Давно уже не было на Руси такого морозу!

странникъ. Это все Господь Богъ за грѣхи за наши посылаетъ: наказуетъ.

максимъ федуловъ. Извѣстно — за грѣхи. А ты откудова будешь, самъ-то?

странникъ. Лѣто въ Соловкахъ былъ — въ обители: сподобился поклониться святымъ угодникамъ и потрудился на нихъ, съ братією монастырскою; а къ зимѣ въ Москву пришелъ — на поклоненіе же мощамъ чудотворнымъ. Теперь, домой иду.

платонъ максимовъ. А давно ли ты изъ Москвы?

странникъ. Да вотъ, уже одиннадцатый день, какъ въ дорогѣ; на самое заговѣнье вышелъ.

платонъ максимовъ. Ну, что, не слышать ли чего въ Москвѣ новаго? Насчетъ воли не говорятъ ли тамъ?

странникъ. Разное болтаютъ. Ждутъ — скоро, вишь, выйдетъ царскій манифестъ...

платонъ максимовъ. Давно ужъ этого ждутъ!.. А скоро-ли дождутся, Богъ вѣсть.

странникъ. Говорятъ, вишь, что скоро: въ

эту зиму, великимъ постомъ выйдетъ манифестъ-отъ.

ПЛАТОНЪ МАКСИМОВЪ. Все это обманъ! пустяки лишь рѣчи; и только грѣхъ одинъ съ этою молвой. Нѣтъ, видно, прогнѣвался Господь на нашу святую Русь; третья ужъ сотня лѣтъ идетъ этой неволѣ нашей;—стонъ стоитъ по всему царству русскому, — отъ морей до морей...

СТРАННИКЪ. А вы перетерпите!—какъ Господь нашъ Спаситель когда-то претерпѣлъ; да молитесь Ему усерднѣе и съ кротостью, Творцу нашему небесному. Крестьянская молитва дойдетъ до Бога—и ужъ дошла, видно: шестой годъ идетъ, вотъ, какъ новый царь—царь милостивый и милосердый—вступилъ на престолъ. Въ самую тяжкую годину воцарился онъ: стонало русское царство отъ войны кровавой, отъ лютыхъ баръ, неправедныхъ судей...

ПЛАТОНЪ МАКСИМОВЪ (перебивая). А таперь, не стонетъ, ништо? чай, все тоже: не легче стало.

СТРАННИКЪ. Извѣстно, легче; я, вотъ, запримѣтилъ, ходючи: ровно бы ожилъ православный народъ—посмѣлѣй сталъ. И то сказать: ни наборовъ нѣтъ, и господа, какъ будто, смиренѣй стали.

максимъ федуловъ. Это вѣрно: я тоже, вотъ, замѣчать сталъ: начальство стало потише.

платонъ максимовъ. Все одно. Наборовъ этихъ, точно, нѣтъ; а все другое-прочее по-старому осталось.

максимъ федуловъ. Полно-ка тебѣ, Платонъ, полно! Грѣшно, сыновъ, роптать на Господа Бога; Онъ, Отецъ небесный, все знаетъ и вѣдаетъ: и слезы наши, и утѣшенье. Вотъ, на колокольню взойди,—и то далеко увидишь; а Господь съ небесъ все зритъ и знаетъ всѣ дѣла, — и добрыя и злыя. Претерпимъ этта здѣсь—на томъ свѣтѣ зачтется намъ, за грѣхи наши. Такъ-то-ся, сынокъ!

платонъ максимовъ. Эхъ, батюшка! легко тебѣ говорить-то: „терпи, терпи!“ — а каково намъ-то?!. Ты ужь свой вѣкъ отжилъ, а вѣдь мы-то хотимъ жить. А жить-то и нельзя намъ! (Вздохнувъ). О, Господи! да гдѣ же это показано въ Твоемъ законѣ, чтобы моя душа, мое тѣло принадлежали бы господину моему!.. и чтобы онъ былъ воленъ продать меня и мою душу за деньги,—ровно бы скотину какую!..

СТРАННИКЪ (пугливо оглядывается). Потише ты, парень! Пожалуй, черезъ тебя и насъ всѣхъ притянуть къ отвѣту за экія слова.

ПЛАТОНЪ МАКСИМОВЪ. Не бойся: чужихъ здѣсь нѣтъ; а хоша бы и были, такъ все едино: не токма-что при чужихъ, а эти слова готовъ сказать хошъ самому барину, въ его хоромахъ.

МАКСИМЪ ФЕДУЛОВЪ. Оставь ты эти пустя рѣчи, Платонъ! говорю я тебѣ: до добра не доведутъ онѣ тебя.

(Стукъ въ окно, съ улицы, и голосъ: „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!“ Максимъ Федуловъ отвѣчаетъ: „Аминь“. Голосъ съ улицы: „Пускаете ли, православные, ночевать?“ Максимъ Федуловъ отвѣчаетъ: „Милости просимъ, заѣзжайте!“)

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же, и крестьянинъ-приказчикъ и дядя-Иванъ (входятъ, кланяются и раздѣваются).

ПРИКАЗЧИКЪ. Здравствуйте, православные! миръ вамъ.

МАКСИМЪ ФЕДУЛОВЪ. Добро пожаловать! Откудова Богъ несетъ?

ПРИКАЗЧИКЪ. Изъ Нижняго ѣдемъ, съ купеческимъ товаромъ въ Рыбинскъ. (Раздѣвается).

ПЛАТОНЪ МАКСИМОВЪ. Изъ казенныхъ будете, аль господскіе?

ПРИКАЗЧИКЪ. Господскіе. Я по оброку хожу,

и, вотъ ужъ семь годовъ, въ приказчикахъ живу у купца.

дядя-иванъ (раздвѣвается и потираетъ руки). Мы съ нимъ однихъ господъ — княгини Бѣлостокской; я тоже оброчный. Н-н-ну, и морозъ же!.. Никола съ гвоздемъ, — не даромъ, видно, сказано.

максимъ федуловъ. Да, лють морозъ понѣче; давно ужъ такихъ не бывывало.

дядя-иванъ. У меня руки больно боятся морозу, — вотъ бѣда! Отморозилъ я ихъ, лѣтъ пятоуе тому назадъ. (Показываетъ руки).

платонъ максимовъ. Въ извозѣ, видно, шелъ?

дядя-иванъ. Нѣтъ, я тогда въ кучерахъ состоялъ, на княжескомъ дворѣ. Въ метель случилось.

платонъ максимовъ. Госпожа, чай, наградила тебя за это?

дядя-иванъ. Мы своей госпожи ни разу и не видывали: она живетъ на теплыхъ водахъ, далеко гдѣ-то. Въ нашей вотчинѣ хозяиномъ нѣмецъ состоитъ, управитель. Съ нимъ-то ѣздя, я и отморозилъ руки. Ну, онъ, точно, наградилъ (съ усмѣшкой): увидавши, что мнѣ ужъ невозможно, съ отмороженными руками, куче-

ромъ быть, онъ приказалъ выписать меня изъ дворни въ крестьяне, женить и обложить оброкомъ.

ПЛАТОНЪ МАКСИМОВЪ (не громко). Вотъ она, крѣпостная-то неволя, что дѣлаетъ!.. Гдѣ ни послышишь — все одно.

(Входитъ дядя-Степанъ, снимаетъ шапку, кланяется и раздѣвается).

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и дядя-Степанъ, потомъ работница.

ПРИКАЗЧИКЪ. Ну, что, дядя Степанъ, управился съ конями?

ДЯДЯ-СТЕПАНЪ. Ништо, управились; слава Богу. Взяли четыре съ половиною пуда сѣна; хозяиновъ работникъ вѣшалъ. Овса ужо возьмемъ — на ночь.

ПРИКАЗЧИКЪ. Ну, ладно. А почему у васъ, хозяинъ, овесъ-отъ таперь?

МАКСИМЪ ФЕДУЛОВЪ. Да отпускаемъ полтора рубля на серебро за четверть.

ПРИКАЗЧИКЪ. Это цѣна настоящая, ничего. Что же, скоро самоварчикъ-то подадутъ, погрѣться?

МАКСИМЪ ФЕДУЛОВЪ. Скоро, чай, готовъ

будеть, подадутъ. У насъ ужъ такое обыкновеніе: какъ извозчики на дворъ — такъ работница за самоваръ.

(Слѣва входитъ работница съ самоваромъ въ рукахъ).

РАБОТНИЦА. Ухъ, батюшки! насилу рѣченьки-то мои несутъ... Эка тягость!..

(Ставить самоваръ на столъ, уходитъ и вновь возвращается съ посудой. Устанавливаетъ ее на столъ и уходитъ. Всѣ усаживаются вокругъ стола. Платонъ Максимовъ хозяйничаетъ за самоваромъ).

МАКСИМЪ ФЕДУЛОВЪ. Какъ на грѣхъ, ушла на посидѣлки моя хозяйка молодая! Это ужъ ей бы дѣло разливать чай; ловка на это она.

ПРИКАЗЧИКЪ. А ты, видно, на другой женатъ, хозяинъ, на молодой?

МАКСИМЪ ФЕДУЛОВЪ. И, полно! это я о дочкѣ молвилъ — Ариною зовутъ; а моя-то хозяйка только однимъ годкомъ меня помоложе. Чай, съ ужиномъ хлопочетъ таперъ про васъ?

ПРИКАЗЧИКЪ. Ну, что, хозяинъ, новаго слышать у васъ? про волю чего не говорятъ-ли.

МАКСИМЪ ФЕДУЛОВЪ. Да разное болтаютъ; всего не переслужать.

ПЛАТОНЪ МАКСИМОВЪ. А вы дорогою не слыхали ли чего?

ПРИКАЗЧИКЪ. Слыхали, тоже, не мало въ народѣ-то. Извѣстно, теперь вѣдь всѣ толкуютъ

тѣмъ прошлаго.

про эту волю — съ кѣмъ ни встрѣться, ни заговори. Ждетъ народъ, — не дышетъ...

ПЛАТОНЪ МАКСИМОВЪ. А грамотъ золотыхъ не доводилось вамъ видѣть?

ПРИКАЗЧИКЪ. Нѣтъ, сами не видали, а слышать слышали про нихъ кой отъ кого.

МАКСИМЪ ФЕДУЛОВЪ (строго). Какія это еще грамоты? откудова?... Кабы онѣ были, давно бы объявили ихъ намъ въ конторѣ, аль въ церквахъ.

ДЯДЯ-ИВАНЪ. Да, жди, объявлять! какъ же!.. Чай, грамоты-то эти идутъ отъ самого царя — къ крестьянамъ. Да начальство свѣдало объ этомъ и задержало ихъ въ городахъ; такъ и не дошли онѣ до насъ. Знамо дѣло — начальство вѣдь все изъ господъ-же; ну, рука руку и моетъ, и скрываютъ...

СТРАННИКЪ. Въ Москвѣ, тоже, была объ этомъ молва, говорили въ народѣ, да недолго: стали въ полицію брать, наказывать, — ну, и поумолели.

ПЛАТОНЪ МАКСИМОВЪ (съ живостью). А самъ ты не видалъ этихъ грамотъ?

СТРАННИКЪ (пугливо). Нѣтъ, нѣтъ, самъ не видалъ, и не знаю доподлинно — вправду-ли онѣ вышли.

дядя-иванъ (сердито). Знамо дѣло, вышли и тайно скрыты. Въ народъ попала ихъ самая малость, да и то случаемъ: почту, вишь, разбили гдѣ-то лѣсные молодцы и замѣсто денегъ нашли въ чемоданахъ эти самыя грамоты — въ Нижній шли; ну, а молодцы-то были изъ нашего же брата, изъ крестьянъ, и раскидали ихъ кой-гдѣ за Волгой, по базарамъ.

(Входить работникъ).

ЯВЛЕНИЕ IV.

Тѣ же, и работникъ.

РАБОТНИКЪ. Проѣзжіе тамъ просятся къ намъ ночевать. Прикажешь ли ихъ пущать, хозяинъ? не тѣсно ли будетъ?

МАКСИМЪ ФЕДУЛОВЪ. Ничего, пущай; размѣстимся. Зови ихъ въ эту избу, пока.

(Работникъ уходитъ).

Остерегитесь, братцы, на народѣ-то! Неровенъ часъ; — пожалуй, черезъ эти ваши рѣчи худого чего бы не вышло.

ДЯДЯ-ИВАНЪ. Эхъ, дѣдушка Максимъ! — кажись, вѣдь такъ тебя зовутъ-то? — больно ужъ ты пугливъ, — ровно заяцъ.

(Входятъ: дѣдушка Алексѣй, молодой парень и фабричный съ котомкою за плечами).

ЯВЛЕНИЕ V.

Тѣ же, и дѣдушка Алексѣй, молодой парень и фабричный.

(Они входятъ, здороваются, раздѣваются и садятся: первый изъ нихъ къ столу, фабричный особо на лавкѣ).

ДѢДУШКА АЛЕКСѢЙ (кланяется). Здравствуй-те, православные! чай-сахаръ вашей милости! максимъ федуловъ. А-а-а!.. 'Здорово! Милости просимъ. Вотъ и опять Богъ привелъ увидѣться. Съ кладью идешь?

ДѢДУШКА АЛЕКСѢЙ. Да, съ товаромъ изъ Пучежа ѣду; въ Малиновѣ бы надо было ночевать, да нарочно, вотъ, до тебя ѣхалъ: у знакомаго-моль человѣка лучше будетъ.

МОЛОДОЙ ПАРЕНЬ (раздѣваясь). Куда бы это, хозяинъ, валенки положить — посушить? Дорогою, поилъ лошадей, подмочилъ маленько.

МАКСИМЪ ФЕДУЛОВЪ. Въ ту избу неси, на печь.

(Молодой парень уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ VI.

Тѣ же, безъ парня.

ДѢДУШКА АЛЕКСѢЙ (принимая чашку отъ Платона). Какъ нынѣ дороги стали корма — страсть!

максимъ федуловъ. Да, подорожали. Пути нѣтъ; — отъ этого отъ самаго. Больно снѣжна да метельна зима-то стоитъ: дороги хорошей совсѣмъ нѣтъ.

дядя-иванъ. Да; позамело!

дѣдушка алексѣй. Только бы далъ Господь, зима подольше продержалась! а метели — не бѣда: лишній денекъ простоишь гдѣ нибудь на постояломъ дворѣ, да и все тутъ; а вотъ, какъ распутица застигнетъ тебя въ дорогѣ, съ возами, — ну, тогда ужъ, ложись — помирай!

максимъ федуловъ. Да, распутица, извѣстно, послѣднее дѣло для извозчика.

дѣдушка алексѣй. Со мной это, однавь, случилось, подъ самой подъ Калугой.

платонъ максимовъ. На своихъ лошадяхъ ѣхалъ?

дѣдушка алексѣй. На своихъ; тройка была, въ трехъ возахъ.

(Фабричный ложится на лавку, подбираетъ голову рукой и внимательно прислушивается ко всему).

приказчикъ. Ну, и что же, застрялъ?

дѣдушка алексѣй (тяжело вздыхаетъ). Охъ, и таперь вспомнишь, — такъ тяжело станетъ!.. Годовъ двѣнадцать тому дѣлу будетъ. Ёхалъ я съ рыбой, изъ Саратова въ Калугу, у купца

у одного навалилъ. Еще подъ Тулой таять начало, пошла капель, оттепель... Думаю: авось Господь донесетъ!.. Анъ, нѣтъ. Только переваилиъ за Тулу, пошелъ дождь, туманы, а въ иной день солнце жгетъ, словно весной. Все думаю: авось, Господь!.. Больно ужъ кони у меня были хорошіе, надежныя: съ роду кнута не видывали. Оставалось всего-то верстъ сто доѣхать, не съ большимъ. Да не привелъ Богъ!.. Въѣхалъ я, этто, въ сумерки, въ зажору, бился, бился до темной ночи, полны сани снѣгу да воды набралъ, а на самомъ нитки сухой не осталось. Темь кругомъ, ни души, ни голоса... А къ ночи-то морозъ ударилъ: обледенѣлъ я весь, одѣжду коль-коломъ, руки согнуть нельзя... И лошади обмерзли; а были, тоже, потныя допрежь-то. Ну, кое-какъ выбрался я изъ зажоры, погналъ было рысью, думалъ разогрѣть ихъ маленько;—нѣтъ не бѣгутъ, брать! надорвались ужъ, изъ силъ повыбились... идутъ съ ноги на ногу и безпечь останавливаются. Вижу: дрянъ дѣло—испортилъ лошадей!.. Приѣхалъ я, этто, въ село, на постоялый дворъ,—ужъ пѣтухи поютъ. Выпрегъ, далъ сѣна,—и не тронули; легли всѣ на земь, головы повѣ-ѣ-ѣ-сили... Вбѣжалъ я въ избу, обогрѣлся маленько, обсушился, взялъ фо-

нарь, да опять къ лошадямъ; гляжу: одна рыжая кобыла у меня была, доморощенная, больше ста рублей стоила, лежитъ на боку и стонетъ, братцы мои, ровно человѣкъ... Простоялъ я надъ ней, съ фонаремъ, всю ночь, а на разсвѣтъ, она и извелась... И прошибла меня, братцы мои, слеза: сижу надъ ней и, какъ рѣка, разливаюсь, плачу... (Послѣ небольшого молчанія). А черезъ день, и остальные двѣ лошади пропали... Рыба стала гнить, портиться; становой узналъ; велѣлъ, которая посвѣжѣе, къ нему, а остальную въ оврагъ вывалилъ. Захворалъ я... И напала на меня вошь... И такая-то, братцы мои, сильная вошь напала, что точила меня, ровно червь... А потомъ, горячка приключилась, безпамятье... Опомнился я въ городской больницѣ, на самый Христовъ день. А на Фоминой недѣлѣ выпустили меня,—и я пошелъ пѣшкомъ домой, за тыщу верстъ, питаюсь Христовымъ именемъ, подъ окнами... Домой не пошелъ, а прямо въ Саратовъ, въ купцу. Упалъ ему въ ноги: такъ и такъ, говорю... Ничего, помиловалъ: „Божья воля“, говоритъ. Потомъ пошелъ домой. Поѣхалъ изъ дому на трехъ лошадяхъ, а иду пѣший: раззоръ съ собой въ домъ несу!.. и стыдно, и боязно. А еще батюшка былъ

живъ: старенькій старичекъ, а грозенъ былъ, покойникъ... Ну, и бурмистръ тоже былъ строгій, безжалостный такой!.. И сталъ меня тутъ подушать нечистый руки на себя наложить... Пришелъ я наканунѣ самаго Троицынаго дня въ лѣсъ, что подъ нашимъ селомъ, забился въ чащу, да и сталъ высматривать дерево, какое покрѣпче... А на дворѣ примеркать ужъ начало. Вотъ, рѣшившись, я и думаю: помолюсь, молъ, Богу въ послѣдній разъ, чтобъ дѣтей малыхъ не оставилъ... Сталъ, этто, молиться, а рядомъ и запой птичка; я молюсь, плачу, а она все шибче да лучше поетъ... Кончилъ я молитву и сталъ ее слушать. И такъ-то она, братцы, сладко и умильно пѣла, что перевернулась во мнѣ вся душа!.. И подумалось мнѣ въ тѣ поры, что это не простая птица поетъ: съ роду не слыхивалъ, чтобы такъ птица пѣла. Хотѣлъ посмотрѣть на нее — да нѣтъ, за листьями не видно было. Сѣлъ я на траву, слушаю ее; вдругъ, вижу, что-то двигается въ кустяхъ, идетъ въ мою сторону; я притулился за дерево; не дышу... Маленько погода, глянулъ, — а передо мной стоитъ моя дѣвченокка — годовъ десять ей тогда было: „Тятка, говоритъ, что ты тутъ дѣлаешь?“ а сама такъ и кину-

лась ко мнѣ на шею, обняла рученками и замерла.. „Какъ ты, спрашиваю, куда попала?“.

— Насъ, отвѣчаетъ, послалъ батюшка-попъ, за цвѣтами, къ завтраму, церковь убирать. А я брала цвѣты, да услышала птичка хорошо поетъ, и пошла сюда ее послушать. Пойдемъ, говорить, тятка, домой; мы всѣ объ тебѣ стоскова-а-ались; а мамка-то каждый день пла-а-ачетъ... „Ну, говорю, пойдемъ, дочка милая, пойдемъ“. Перекрестился да и пошелъ за ней... Пришелъ, — рассказалъ все, какъ было; поговорили, помолились Богу, — да и стали жить да работать по прежнему. Черезъ годика два-три опять справились, — и опять, вотъ, въ извозъ пошелъ; съ работникомъ ужъ ѣзжу. Господь Богъ испытуетъ, но до конца не прогнѣвается на насъ! Такъ-то-ся. (Молчаніе).

ПЛАТОНЪ МАКСИМОВЪ. А бываетъ, что Господь и безъ конца гнѣвается.

ДѢДУШКА АЛЕКСѢЙ (строго). Что-о-о?.. Какое ты слово молвилъ?.. Подумалъ-ли ты о своемъ словѣ?..

ПЛАТОНЪ МАКСИМОВЪ. Не думавши, извѣстно, не говоримъ.

ДѢДУШКА АЛЕКСѢЙ. А коли думалъ, то скажи — почему ты молвилъ такое грѣховное

и ропотное слово? Самъ-ли ты претерпѣлъ, али на людяхъ видалъ? а?..

МАКСИМЪ ФЕДУЛОВЪ. Да, да пощунай-ка *) его, вправду, за эти рѣчи; авось, хоть чужого человѣка послушаетъ, когда отца родного не хочетъ слушать.

ПЛАТОНЪ МАКСИМОВЪ (къ дѣдушкѣ Алексѣю). И самъ терпѣлъ и терплю, и на людяхъ видалъ, и слыхалъ не мало, и читывалъ тоже.

ДѢДУШКА АЛЕКСѢЙ. А что же такое? послушаемъ; скажи намъ.

ПЛАТОНЪ МАКСИМОВЪ. Мои рѣчи коротки будутъ. Двѣсти лѣтъ, вотъ, слишкомъ, господа владѣютъ нами, и всячески мучать и помыкаютъ нами, и распинаютъ насъ,— а конца нѣтъ!..

ДѢДУШКА АЛЕКСѢЙ (помолчавъ и вздохнувъ). А-а-а, объ этомъ!.. Ну, это Божья воля!

СТРАННИКЪ. И я, вотъ, тоже говорю, что это Господня воля: противъ Него не пойдемъ.

МАКСИМЪ ФЕДУЛОВЪ. Вотъ, видишь, сынокъ, что старые-то люди толкуютъ! а ты все пѣперекъ. И въ Господа Бога ты вѣруешь, и

*) Пощунай, т. е. пожури.

разумъ, важись, имѣешь, а рѣчи твои бого-
противны и неумны.

ПЛАТОНЪ МАКСИМОВЪ (бьетъ себя кулакомъ въ
грудь). Эхъ, батюшка! все знаю и понимаю; да
терпѣть-то нѣтъ силъ больше!.. Ужъ вдосталь
натерпѣлись!.. Ты вѣдь самъ знаешь, видишь —
каково мнѣ горько!..

ДЯДЯ-ИВАНЪ. Да, въ сласть ужъ натерпѣ-
лись; намаялись! У меня, вотъ, родная сестра
была, первая красавица во всей деревнѣ; а
спросите-ка, гдѣ она теперь?..

ПЛАТОНЪ МАКСИМОВЪ. Въ Сибири, чай?

ДЯДЯ-ИВАНЪ. Когда-бы въ Сибири, такъ
это еще слава тебѣ Господи! тамъ, тоже, пра-
вославные живутъ. Много-много тамъ нашего
брата, господскаго человѣка! Ай, много!..

ПЛАТОНЪ МАКСИМОВЪ. А гдѣ же она?

ДЯДЯ-ИВАНЪ. У нехристей, далеко гдѣ-то,
въ Персіи, сказывали.

ДѢДУШКА АЛЕКСѢЙ. Какъ-же она туда уго-
дила-то?

ДЯДЯ-ИВАНЪ. А вотъ какъ. Годовъ пятнад-
цать тому назадъ, поѣхалъ нашъ нѣмецъ-
управитель съ женой своей на ярмарку, въ
Нижній; я за кучера, сестра моя за горнич-
ную. Въ Нижнемъ-то сестра и прогнѣви чѣмъ-то

нѣмку; она нажаловалась мужу; а онъ и до-
прежъ того сердить былъ на сестру — не под-
давалась она ему; позвалъ онъ одного знако-
маго купца, персіянина — страшный такой,
черный, рябой: одно слово — азіать! — потол-
ковалъ съ нимъ часть - два, да въ судъ: тамъ
и составили бумагу — купчую, значить, на имя
какого-то приказнаго, въ Нижнемъ-же; а денька
черезъ два пріѣхалъ этотъ самый персіянинъ
къ намъ, взялъ сестру и увезъ съ собой на
пароходѣ, сначала въ Астрахань, а потомъ къ
себѣ. Только мы ее и видѣли!.. Пріѣхали съ
ярмарки, сказали матушкѣ — грохнулась она
объ земь и стала безъ памяти; прохворала, по-
томъ, деньковъ десятокъ, въ горячкѣ, да и по-
мерла... (Помолчавъ). И передъ смертью-то, все
металась, сердешная, по постелѣ, дочку къ
себѣ звала, да ровно отымала ее отъ кого!..

платонъ максимовъ (гнѣвно). Вотъ, слы-
шишь, батюшка?.. слышите, православные?!..
И это все терпѣть! — о Господи!..

странникъ. Всѣ терпятъ — не ты одинъ.
Господь велѣлъ терпѣть.

дѣдушка Алексѣй. Да, это точно: терпѣть
надо до конца.

платонъ максимовъ (угрюмо). Было время—

не терпѣли. Мнѣ покойникъ дѣдушка сказывалъ, что, однава, крестьяне совсѣмъ было освободились отъ господъ, да не привелъ Богъ дойти этому дѣлу до конца.

дядя-степанъ. Когда-же это было?

платонъ максимовъ (медленно). При Пугачевѣ; годовъ тому восемьдесятъ слишкомъ это дѣло было. Дѣдъ самъ служилъ у Пугачева, Казань вмѣстѣ съ нимъ бралъ; да потомъ ранили его, онъ и поотсталъ. Долго скрывался; да ничего: въ скитахъ не выдали; сошло.

максимъ федуловъ. Знаю и я, слыхалъ отъ него; это былъ бунтъ, мятежъ кровавый; много тогда было пролито христіанской крови, не мало и господъ погибло! Сначала-то, вѣдь, прошла молва, что это царь Петръ Федоровичъ; а потомъ, все одинъ обманъ вышелъ: не царь это былъ, а Пугачъ — изъ нашего же брата, бѣглый, вишь, казакъ какой-то.

дядя-иванъ. А должно, удалая была голова — этотъ Пугачъ?

максимъ федуловъ. Нешто! съ глупой головой на таковѣ дѣло не сунешься.

платонъ максимовъ. А я полагаю, что это и взаправду былъ царь: больно ужъ онъ до нашего брата былъ милостивый и добрый.

дѣдушѣа Алексѣй. Дѣло тѣмное; кто ѣ знаетъ! Полагать надо, обманъ былъ.

ПРИКАЗЧИКЪ (встаетъ). Пойти — лошадей поглядѣть (уходить).

ДЯДЯ-СТЕПАНЪ. А вотъ, мы на одномъ постояломъ дворѣ слышали—сказывали, что скоро царь Костентинъ Павлычъ по деревнямъ поѣдетъ и станетъ объявлять эту самую волю.

МАКСИМЪ ФЕДУЛОВЪ. Все это—однѣ враки.

ДЯДЯ-СТЕПАНЪ. Право слово, сказывали.

МАКСИМЪ ФЕДУЛОВЪ. А ты не всему вѣрь. Мало-ли что въ народѣ болтаютъ! Царь-то Костентинъ годовъ ужъ, чай, тридцать, какъ померъ.

ПЛАТОНЪ МАКСИМОВЪ. А объ золотыхъ грамотахъ ничего не слыхалъ дорѣгой?

ДЯДЯ-СТЕПАНЪ. Слыхалъ много, да не привелось видѣть.

ДЯДЯ-ИВАНЪ. Не мало слыхали, это вѣрно; да не пришлось самимъ-то увидать.

МАКСИМЪ ФЕДУЛОВЪ. Опять вы объ этихъ грамотахъ!

ПЛАТОНЪ МАКСИМОВЪ. Да что-жъ, батюшка, не говорить-то! Вѣдь отъ слова ничего не станется: доказчиковъ промежъ насъ нѣтъ. Вѣдь вездѣ таперь объ этихъ грамотахъ тол-

вуютъ, всему народу не запретишь говорить.

МАКСИМЪ ФЕДУЛОВЪ (съ сердцемъ). Ну, и пушай ихъ толкуютъ! только не въ моемъ бы дому! (Киваетъ въ сторону фабричнаго, тотъ замѣчаетъ это). Лишнее бревно въ избѣ есть...

ФАБРИЧНЫЙ. Напрасно, хозяинъ, вы сумлѣваетесь на счетъ меня: я на ухо бываю довольно вѣрлокъ, когда чего не надо мнѣ слышать и знать.

МАКСИМЪ ФЕДУЛОВЪ. А ты изъ какихъ будешь?

ФАБРИЧНЫЙ. Я — шуйскій мѣщанинъ, а живу въ Казани.

МАКСИМЪ ФЕДУЛОВЪ. Какъ же ты сюда-то попалъ?

ФАБРИЧНЫЙ. Иду навѣстить родителейъ, въ Шуѣ живутъ.

ДѢДУШКА АЛЕКСѢЙ. Онъ къ намъ неподалеку отсюда присталъ, — попросился идти съ нами вмѣстѣ, за канпанью.

ФАБРИЧНЫЙ. Это точно-съ; потому — одному мнѣ очень жутко было идти. (Пережмываетъ тонъ). А можно у васъ, хозяинъ, папиросочку выкурить здѣсь?

МАКСИМЪ ФЕДУЛОВЪ. Нѣтъ, любезный, въ

избѣ у насъ нѣтъ положенья курить. Выдь на дворъ, если хочешь, да только поосторожнѣе, смотри.

ФАБРИЧНЫЙ. Будьте спокойны, хозяинъ, не въ первой. (Дѣлаетъ папирску, закуриваетъ ее въ дверяхъ и выходитъ).

ПРИКАЗЧИКЪ. (Входитъ, подпоясываясь). А вотъ, и я. (Садится). Налей-ка, дядя Платонъ, еще чашечку (Платонъ наливаетъ и подаетъ ему).

МАКСИМЪ ФЕДУЛОВЪ (въ сторону вышедшаго фабричнаго). Богъ его знаетъ, чтѣ онъ за человѣкъ!.. Надо бы при немъ, братцы, поостеречься: перестаньте вы толковать про эту волю.

ПЛАТОНЪ МАКСИМОВЪ. Вѣдь у насъ, батюшка, не монастырь, а постоянный дворъ. Этакъ, пожалуй, къ намъ и заѣзжать не станутъ!

МАКСИМЪ ФЕДУЛОВЪ (строго). Молчи, Платонъ!.. Давно ли ты научился съ отцомъ спорить?..

ПЛАТОНЪ МАКСИМОВЪ (покорно). Прости, батюшка, если я обмолвился. (Кланяется отцу).

МАКСИМЪ ФЕДУЛОВЪ (мягко). Ну, Господь тебя проститъ.

ДѢДУШКА АЛЕКСѢЙ (къ Максиму Федулову, не громко, мигая на Платона). Что-жъ, такъ, видно, и н

женилъ парня-то? (фабричный возвращается и садится поодаль).

МАКСИМЪ ФЕДУЛОВЪ. Нѣтъ, не женилъ. Отецъ-то ея за господскаго не хочетъ выдать, а баринъ-то заломилъ съ насъ за вольную три тыщи, — такъ дѣло и расклеилось. Въ Оленьскомъ скиту таперь она, бѣлицей.

дѣдушКА АЛЕКСѢЙ. Та-а-акъ...

(Окончивъ чай, всѣ поднимаются изъ-за стола и благодарятъ хозяина. За сценой слышенъ колокольчикъ. Торопливо входитъ работникъ).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и работникъ.

РАБОТНИКЪ. Максимъ Федулычъ! тамъ какой-то баринъ просится обогрѣться; больно зазябъ, слышь. Звать его, што-ли?

МАКСИМЪ ФЕДУЛОВЪ. Что-жъ, зови; пущай обогрѣется. А мы пожалуй и въ другую избу уйдемъ (работникъ уходитъ).

ПЛАТОНЪ МАКСИМОВЪ. А и вправду, почтенные, туда идите; тамъ потѣплѣ и попросторнѣй.

дѣдушКА АЛЕКСѢЙ. Намъ все едино: туда, такъ туда.

тѣмъ прошлаго.

дядя-иванъ. А я, пожалуй, здѣсь посижу — погляжу на барина (шутить). Оченно ужь ихъ люблю!..

(Всѣ встаютъ, забираютъ свои полушубки, шапки, кушаки, и пр. и идутъ на лѣво. Остаются: Платонъ Максимовъ, Максимъ Федуловъ и дядя Иванъ. Входитъ работница и на-скоро убираетъ самоваръ и посуду со стола и покрываетъ его чистою скатертью. Дядя Иванъ и Платонъ Максимовъ помогаютъ ей. Она уходитъ. Входятъ: флигель-адъютантъ и его деньщикъ).

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Максимъ Федуловъ, Платонъ Максимовъ, дядя Иванъ, флигель-адъютантъ, деньщикъ и, немного послѣ, ямщикъ.

(Деньщикъ вноситъ погребецъ и хлопочетъ около него).

ФЛИГЕЛЬ-АДЪЮТАНТЪ. Здравствуйте, хозяева! (снимаетъ при помощи деньщика шубу и вначалѣ, быстро ходить по избѣ, потирая руки).

МАКСИМЪ ФЕДУЛОВЪ. Здравствуйте, ваше благородіе. Изволили зазаябнуть?

ФЛИГЕЛЬ-АДЪЮТАНТЪ (потираетъ руки). Какой страшный морозъ!.. Не знаешь, сколько градусовъ?

МАКСИМЪ ФЕДУЛОВЪ. Мы на градусы не знаемъ; но должно, больно силенъ морозъ: потому — птица на лету падаетъ и помираетъ.

ФЛИГЕЛЬ-АДЪЮТАНТЪ. Ты говоришь — птица

падаетъ?! И неужели всю зиму, въ вашей губерніи, бывають такіе морозы?

МАКСИМЪ ФЕДУЛОВЪ. Нѣтъ; Богъ миловалъ: нонѣче только впервѣй такой морозъ.

ФЛИГЕЛЬ-АДЪЮТАНТЪ. А сколько верстъ еще осталось до почтовой станціи?

МАКСИМЪ ФЕДУЛОВЪ. Да верстъ съ десятокъ еще будетъ. Ужъ вы обогрѣйтесь у насъ хорошенько, ваше благородіе, — а то опять зазябнете (взглянувъ на ноги проѣзжаго). Ноги-то у васъ обуты легко оченно.

ФЛИГЕЛЬ-АДЪЮТАНТЪ. Какъ, легко? на мнѣ мѣховые сапоги.

МАКСИМЪ ФЕДУЛОВЪ. Да вѣдь сапоги-то снаружи стнутъ; отъ этого, отъ самаго, вы и зазябли.

ФЛИГЕЛЬ-АДЪЮТАНТЪ. А вы въ чемъ же ѣздите?

МАКСИМЪ ФЕДУЛОВЪ. Мы въ валенкахъ, а то и въ лантяхъ.

ФЛИГЕЛЬ-АДЪЮТАНТЪ. И тепло? и не зябнутъ у васъ ноги дорогой!

(Становится спиною къ печкѣ).

ПЛАТОНЪ МАКСИМОВЪ. Да вѣдь мы, баринъ, никогда почесъ не ѣздимъ: то-ись, въ саняхъ не сидимъ; развѣ съ базару—когда порожнемъ

ѣдешь, — а то, все больше пѣшьи идемъ, около савей.

ФЛИГЕЛЬ-АДЪЮТАНТЪ. Да, это хорошо, — и я бы непременно попробоваль это средство, да очень, вотъ, спѣшу ѣхать.

ПЛАТОНЪ МАКСИМОВЪ. А ваша милость откудова проѣзжаете?

ФЛИГЕЛЬ-АДЪЮТАНТЪ. Изъ Петербурга, въ сосѣднюю съ вами губернію.

ДЕНЬЩИКЪ (подаетъ на серебряномъ подносѣ водку и сыр). Извольте, ваше сіятельство!

МАКСИМЪ ФЕДУЛОВЪ (спохватясь). Ужъ не взыщите, ваше сіятельство, мы не знали какъ васъ величать-то; все ваше благородіе, да ваше благородіе...

ФЛИГЕЛЬ-АДЪЮТАНТЪ (пьетъ и закусываетъ). Ничего; это не очень важно.

ПЛАТОНЪ МАКСИМОВЪ. По своему дѣлу изволите ѣхать, али по казенному?

ФЛИГЕЛЬ-АДЪЮТАНТЪ. Я посланъ Государемъ.

МАКСИМЪ ФЕДУЛОВЪ (съ удивленіемъ). Государемъ?!.. Что же вы, ваше сіятельство, видите его часто, Государя-то?

ФЛИГЕЛЬ-АДЪЮТАНТЪ. Да, я часто его ви-

жу (деньщику). Убери, больше не надо, (къ Максиму Федулову). А что?

МАКСИМЪ ФЕДУЛОВЪ. Да такъ-съ. Мы, вотъ, никогда его не видали. Всѣ сказываютъ, что больно ужъ онъ милостливъ ко всѣмъ.

ПЛАТОНЪ МАКСИМОВЪ. Вотъ и мы, ваше сіятельство, ждемъ таперь царской милости—воли. Вездѣ идетъ молва о ней.— Не знаемъ только, въ правду-ли?

ФЛИГЕЛЬ-АДЪЮТАНТЪ. Правда, правда! Очень скоро теперъ вамъ объявятъ манифестъ объ освобожденіи.

МАКСИМЪ ФЕДУЛОВЪ. Ну, и слава Тебѣ, Господи!

ПЛАТОНЪ МАКСИМОВЪ (съ особеннымъ оживленіемъ). А еще не вышелъ онъ, этотъ самый манифестъ?

ФЛИГЕЛЬ-АДЪЮТАНТЪ. Нѣтъ еще; хотя все уже готово.

ПЛАТОНЪ МАКСИМОВЪ. А мы, ваше сіятельство, слышали, что ужъ вышелъ — что золотыя грамоты давно, вишь, высланы по губернямъ.

ФЛИГЕЛЬ-АДЪЮТАНТЪ (строго). Никакихъ золотыхъ грамотъ нѣтъ и не будетъ; это вздоръ, и вы не вѣрьте этому; и кто будетъ

увѣрять васъ — назовите обманщикомъ и объявите о немъ земской полиціи.

ДЯДЯ-ИВАНЪ (переглянувшись съ Платономъ Максимовымъ). А у вашего сіятельства тоже, видно, крестьяне есть?

ФЛИГЕЛЬ-АДЪЮТАНТЪ. Да, у меня три тысячи душъ (онъ продолжаетъ ходить по избѣ, иногда прислоняется къ печкѣ, или садится, но потомъ опять встаетъ и ходитъ. Всѣ остальные стоятъ).

ДЯДЯ-ИВАНЪ. Та-а-акъ-съ. Это у одного, у вашего сіятельства, три тысячи душъ?!..

ФЛИГЕЛЬ-АДЪЮТАНТЪ. Да, у меня одного (деньщику). Сними-ка съ меня сапоги (садится, деньщикъ снимаетъ съ него мѣховые сапоги).

ПЛАТОНЪ МАКСИМОВЪ. А у меня, вотъ, ваше сіятельство, одна душа — кажись бы, собственная, — да и та, говорятъ, принадлежитъ барину.

ФЛИГЕЛЬ-АДЪЮТАНТЪ (улыбаясь). Ну, вотъ, эта душа скоро уже будетъ твоя, — и можешь дѣлать съ нею, что хочешь (помолчавъ). А кто вашъ баринъ?

ПЛАТОНЪ МАКСИМОВЪ. Петръ Ивановичъ Бутуринъ.

ФЛИГЕЛЬ-АДЪЮТАНТЪ. Что же онъ — злой, или добрый?

ПЛАТОНЪ МАКСИМОВЪ. Дурного не видали отъ него.

МАКСИМЪ ФЕДУЛОВЪ. Про нашего барина грѣхъ сказать дурное слово: не обижаетъ. Вотъ, только, народишко при немъ дрянной.

ФЛИГЕЛЬ-АДЪЮТАНТЪ. И не дерется?

ПЛАТОНЪ МАКСИМОВЪ. Ну, это-то случается.

МАКСИМЪ ФЕДУЛОВЪ. Больно лють у насъ нѣмецъ — управитель-отъ; а по немъ и бурмистръ такой же.

ФЛИГЕЛЬ-АДЪЮТАНТЪ. А вотъ, когда вамъ объявятъ манифестъ, то ни баринъ, ни управитель, ни бурмистръ васъ бить уже не посмѣютъ.

ДЯДЯ-ИВАНЪ. А кто же тогда, ваше сіятельство, будетъ насъ бить?

ФЛИГЕЛЬ-АДЪЮТАНТЪ (смѣется). Тогда, ужъ только по суду: присудятъ — и высѣкутъ.

ДЯДЯ-ИВАНЪ. И я про то же думаю, ваше сіятельство: можетъ ли, молъ, это статься, чтобы насъ не били и не сѣли.

ПЛАТОНЪ МАКСИМОВЪ. И барщины, значить, ужъ не будетъ тогда?

ФЛИГЕЛЬ-АДЪЮТАНТЪ. Пока, еще будетъ; а потомъ, когда перейдете на оброкъ, или на

выкупъ, — барщина прекратится. (Деньщику). Позови моего ямщика.

ДЕНЬЩИКЪ. Слушаю-съ (уходитъ).

ФЛИГЕЛЬ-АДЪЮТАНТЪ (къ Максиму Федулову). Мой ямщикъ тоже озябъ, бѣдный! Дай ему водки; и моему человѣку тоже.

МАКСИМЪ ФЕДУЛОВЪ. И поужинать прикажете дать?

ФЛИГЕЛЬ-АДЪЮТАНТЪ. Нѣтъ, ужинать имъ некогда, я спѣшу.

(Деньщикъ и ямщикъ входятъ; ямщикъ весь обледенѣлъ, съ густымъ инеемъ на бородѣ, усахъ и на воротникѣ тулупа).

(Къ ямщику). Выпей водки, согрѣйся немного.

ЯМЩИКЪ (кланяется). Благодарю покорно, ваше сіятельство.

(Максимъ Федуловъ достаетъ съ полки водку и рюмку и подноситъ ямщику и деньщику — послѣднему съ словами: „и тебѣ приказано поднести“. Достаетъ, затѣмъ, съ полки же, каравай хлѣба и ножъ, рѣжетъ ломоть и даетъ имъ).

ФЛИГЕЛЬ-АДЪЮТАНТЪ (Доставъ изъ кармана кошелекъ). На, вотъ, тебѣ (даетъ ямщику мелочь).

ЯМЩИКЪ (низко кланяясь). Дай Богъ много лѣтъ здравствовать вашему сіятельству! (Беретъ).

ФЛИГЕЛЬ-АДЪЮТАНТЪ. Это — дѣвкамъ на орѣхи.

ЯМЩИКЪ (жалобно и тихо). Какія, ваше сіятельство, дѣвки!.. У меня двое дѣтей и жена; тре-

тій день безъ соли сидятъ, купить не на что.

ФЛИГЕЛЬ-АДЪЮТАНТЪ (быстро). Неужели, въ самомъ дѣлѣ, ѣдятъ безъ соли?

ЯМЩИКЪ (вздыхаетъ). Третій денекъ. Таперь, вотъ, куплю,—дай Богъ вамъ здоровья!

ФЛИГЕЛЬ-АДЪЮТАНТЪ. Да вѣдь ты получаешь жалованье на станціи?

ЯМЩИКЪ. Жалованье мнѣ идетъ-съ, — это точно; да только получаю его не я, а баринъ; въ нему прямо и присылаютъ.

ФЛИГЕЛЬ-АДЪЮТАНТЪ (достаётъ ассигнацію и отдаетъ ямщику). На тебѣ еще.

ЯМЩИКЪ (беретъ). Дай Господи здоровья вашему сіятельству!

(Низко кланяется и уходитъ. Деньщикъ, уловавъ погребецъ, уходитъ вслѣдъ за нимъ).

ФЛИГЕЛЬ-АДЪЮТАНТЪ (въ волненіи ходитъ по избѣ). Это ужасно!.. Третій день безъ соли!.. (къ Максиму Федулову). Не лжетъ ли онъ? Не знаешь, старикъ?

МАКСИМЪ ФЕДУЛОВЪ. И-и-и, батюшка, ваше сіятельство! Повернется ли у кого языкъ солгать этакое дѣло!.. Онъ это вѣрно сказалъ; ихъ баринъ довольно извѣстенъ: у него половина деревни по міру ходятъ — собираютъ.

ФЛИГЕЛЬ-АДЪЮТАНТЪ. Это ужасно!.. Деревня эта далеко отсюда?

МАКСИМЪ ФЕДУЛОВЪ. Не близко; въ глухомъ мѣстѣ, въ сторонѣ, за село Болотново верстъ пятнадцать будетъ. Такъ прозывается — Неѣловка.

(Деньщикъ возвращается. Грѣтся).

ФЛИГЕЛЬ-АДЪЮТАНТЪ (садится къ столу и, доставъ изъ сюртука записную книжку, быстро вписываетъ въ нее что-то). Въ такую глушь, я думаю, и проѣзду нѣтъ?

ДЯДЯ-ИВАНЪ. Кабы вышнее начальство, ваше сіятельство, захотѣло проѣхать, какъ бы не проѣхать! сдѣлало бы оно лодочку, и по крестьянскимъ слезамъ, какъ по рѣкѣ широкой, проѣхало бы всюду.

ФЛИГЕЛЬ-АДЪЮТАНТЪ (сидитъ задумчиво). Да, да, да... Все это кончится!.. скоро кончится...

ПЛАТОНЪ МАКСИМОВЪ (не смѣло). Ваше сіятельство давеча изволили сказать, что послѣ манифеста барщина все-жъ-таки останется... Какъ-же это такъ?..

ФЛИГЕЛЬ-АДЪЮТАНТЪ (недовольнымъ тономъ и отчетливо). За землю, любезный, за землю будете работать. (Встаетъ съ мѣста и подходитъ къ Платону Максиму). Потому что, если васъ освободить

безъ земли, то вы перемрете съ голоду. Вамъ дадутъ... (затрудняется сказать). М-м-м... (заглянувъ въ книжку). ... въ вашей губерніи, по четыре десятины на душу. А даромъ, вѣдь, ничего не дается. Понялъ-ли?

ПЛАТОНЪ МАКСИМОВЪ. Понимаемъ-съ.

МАКСИМЪ ФЕДУЛОВЪ (подходитъ къ сыну и незаметно толкаетъ его сзади). Полно-ка ты, полно, разговорщикъ!

ФЛИГЕЛЬ - АДЪЮТАНТЪ. Что сдѣлано — то и сдѣлано законно и правильно! (Деньщику). Подай шубу и сапоги.

(Деньщикъ подаетъ. Флигель-адъютантъ обувается и закутывается).

(Къ крестьянамъ). Прощайте, братцы! Совѣтую вамъ — молиться Богу и благодарить Государя. Ничьихъ розказней не слушайте и, главное, живите смирно: довольствуйтесь тѣмъ, что вамъ даютъ.

МАКСИМЪ ФЕДУЛОВЪ (вздвигается). Благодаримъ за ласку и за добрый совѣтъ, ваше сіятельство, благодаримъ, что не погнушались нами, темными людьми!

ФЛИГЕЛЬ - АДЪЮТАНТЪ (обувшись). Прощай, прощай, старикъ! (Достаетъ ассигнацію и подаетъ). На, вотъ, тебѣ — за твои хлопоты.

МАКСИМЪ ФЕДУЛОВЪ (не беретъ). И-и-и, батюшка, ваше сіятельство, какія хлопоты! не надо мнѣ денегъ, не возьму задаромъ.

ФЛИГЕЛЬ-АДЪЮТАНТЪ. Возьми, возьми, старикъ, не церемонься! не то я разсержусь на тебя (надѣваетъ шубу).

МАКСИМЪ ФЕДУЛОВЪ. Совсѣмъ напрасно, ваше сіятельство! (Неохотно беретъ деньги и кланяется). Благодаримъ покорно.

ПЛАТОНЪ МАКСИМОВЪ. Прощайте, ваше сіятельство!

ДЯДЯ-ИВАНЪ. Дай Богъ счастливаго пути!

МАКСИМЪ ФЕДУЛОВЪ. Не обезсудьте, ваше сіятельство, на нашихъ глупыхъ рѣчахъ!

ФЛИГЕЛЬ-АДЪЮТАНТЪ (надѣваетъ шапку и закутывается шарфомъ). Прощайте, ребята! помните же, что я вамъ сказалъ: по объявленіи манифеста, живите смирно и не бунтуйте; слушайтесь царскихъ указовъ без-пре-кос-лов-но!..

МАКСИМЪ ФЕДУЛОВЪ. И-и-и, ваше сіятельство! какіе у насъ бунты!.. Ужъ ежели мы не бунтуемъ таперь, когда намъ больно тяжело жить, — такъ неужъ-то мы станемъ бунтовать тогда, какъ намъ полегчаетъ?!.. Ежели ужъ мы нѣмцевъ-управителей да господъ слушаемся,

неужь-то не послушаемъ самого царя-батюшку?!.. (Идетъ вслѣдъ за флигель-адъютантомъ и вѣстѣ съ нимъ уходитъ. Деньщикъ уходитъ послѣдній).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Платонъ Максимовъ и дядя Иванъ.

дядя-иванъ (медленно). Бун-ты!.. Какъ они этихъ бунтовъ боятся!.. (Онъ и Платонъ Максимовъ садятся).

платонъ максимовъ. Н-д-да... Не по ну-тру имъ...

дядя-иванъ. „Манифеста, говоритъ, ждите, указъ еще не вышелъ!..“ Знаемъ, молъ, мы, понимаемъ... У самого три тыщи душъ, такъ, извѣстно, „не вышелъ!..“ (Подумавъ). А все-жь таки онъ, должно, баринъ добрый, вожеватый.

платонъ максимовъ (рзѣянно). Кто его знаетъ! кажись, ничего: не злой баринъ, обходительный. (Помолчавъ). А чай, аи какъ не хочется имъ этой для насъ воли!..

дядя-иванъ. Н-н-да... стануть жить по ниже.

ЯВЛЕНИЕ X.

Платонъ Максимовъ, дядя Иванъ, работникъ и барыня съ тремя горничными и лакеемъ.

РАБОТНИКЪ (торопливо входитъ). Дядюшка Платонъ Максимычъ! Барыня какая-то подъѣхала въ возкѣ, на тройкѣ — просится обогрѣться.

ПЛАТОНЪ МАКСИМОВЪ. Ну, что же, пушай заходить. Зови сюда. (Работникъ уходитъ).

ДЯДЯ-ИВАНЪ. Что дѣдушка-морозъ-то дѣлаетъ: и въ возкахъ, видно, пробираетъ!..

ПЛАТОНЪ МАКСИМОВЪ. Да. Одинъ со двора — другой на дворъ. Больно лютъ нонѣ морозъ-отъ! (За сценой голосъ: „Отчего огня нѣтъ? Гдѣ хозяинъ?“ Другой голосъ (работника): „Сюда, матушка — барыня, пожалуйста—въ эту избу; тутъ будетъ почище“. Входятъ: барыня, сильно закутанная, лакей въ волчьей шубѣ и три горничныя — съ ношами на рукахъ).

БАРЫНЯ. На печку пойдите, на печку, мерзавки! Совсѣмъ поморозили ихъ. Вы отчего ихъ подъ шубами не держали?.. а?..

1-я дѣвушка. Мы сами, барыня, ноги отмороз...

БАРЫНЯ (громко). Молчать! ты еще разговаривать будешь!.. (передразниваетъ). „Сами!..“ Да мнѣ

чортъ съ вами, что вы померзли!.. „Сами!..“ (Подходить къ дѣвушкамъ и, наклоняясь къ подушкѣ, которую держитъ дѣвушка, нѣжно говорить): Фи-де-лич-ка! милочка моя! замерз-ла... Заморозила тебя мерзавка Дунька... (Измѣняетъ тонъ). Пошли на печь, распеленайте ихъ и нагрѣйте одѣяльцы и подушечки. Да лапочки-то у нихъ осмотрите: если озябли, то потрите фланелькой. (Дѣвушки уходятъ налѣво, въ другую избу. Барыня раздѣвается. Лакей помогаетъ ей. Къ Платону Максимичу). Ты, что ли, хозяинъ-то?

ПЛАТОНЪ МАКСИМОВЪ. Я — сынъ хозяина.
А что вашей милости угодно?

БАРЫНЯ. Прикажи сейчасъ же своей женѣ кашки молочной сварить, манной, на сливкахъ; да говядины принеси сюда, сырой.

ПЛАТОНЪ МАКСИМОВЪ. Говядины свѣжей у насъ нѣту — таперь постъ. А кашу сварить можно; я скажу матушѣ.

БАРЫНЯ. Только скорѣй, скорѣй! Ну, пошелъ же, поворачивайся!

ПЛАТОНЪ МАКСИМОВЪ (хочетъ уходить). На трехъ дѣточекъ-то прикажете варить?

(Акулина входитъ).

ЯВЛЕНИЕ XI.

Платонъ Максимовъ, Дядя Иванъ, барыня, лакей и Акулина; затѣмъ, три горничныя.

АКУЛИНА. Что-й-то такое ты, Платонъ, дѣлаешь?!.. Зачѣмъ ты пуцалъ эту барыню?

ПЛАТОНЪ МАКСИМОВЪ. А что такое, матушка?

АКУЛИНА. Какъ — что? Ты подико-сь въ ту избу — погляди: что у дѣвокъ-то, у ея, на рукахъ?..

(Горничныя быстро входятъ. Имъ вслѣдъ слышенъ громкій смѣхъ извозчиковъ. Двери налѣво остаются открытыми и проѣзжій народъ смотреть оттуда).

ГОРНИЧНЫЯ (всѣ разомъ). Барыня! насъ гонять изъ той избы; и на печь не пустили. Воля ваша-съ...

БАРЫНЯ. Какъ — гонять? Кто? Какъ смѣютъ!..

1-я ГОРНИЧНАЯ. А у Фидельки (отклоняетъ подушку отъ груди и спускаетъ собаченку на полъ), вотъ, извольте посмотрѣть — лапка одна, надо полагать, позябла-съ.

2-я и 3-я ГОРНИЧНЫЯ. И наши, тоже, трясутся всѣ-съ, къ холоду же. (Показываютъ своихъ собаченокъ).

(Общее движеніе на сценѣ и смѣхъ. Дядя Иванъ хохочетъ громче другихъ).

ПЛАТОНЪ МАКСИМОВЪ. Ахъ, раздуй васъ горой! Я вѣдь думалъ—малыя ребята у нихъ на рукахъ...

БАРЫНЯ (подступаетъ къ Платону). Да ты что горло-то дерешь? а? Какъ ты смѣешь такъ разговаривать, мерзавецъ? а?

ПЛАТОНЪ МАКСИМОВЪ. Ты, барыня, потише шуми, я не глухой; вотъ что.

БАРЫНЯ. Ахъ, ты, грубіяны!.. Молчать!.. (къ лакею). Бѣги сейчасъ за старостой или за бурмистромъ! Бѣгомъ бѣги!

ДЯДЯ-ИВАНЪ. Не скоро, братъ, добѣжишь—языкъ высунешь; версты двѣ отселева до барской усадьбы-то будетъ, гдѣ бурмистръ-то, слышь, живетъ.

БАРЫНЯ. Ахъ, мерзавцы! ахъ, грубіяны!.. Да это не на постоянный дворъ я заѣхала: это разбойничье гнѣздо.

ДЯДЯ-ИВАНЪ. (Онъ все время сидитъ). Эй, ты, Пиделька!.. (Свиститъ). Фю-ю-ю! Подъ сюда, шельма! (Встаетъ и хочетъ схватить собаченку). Какой у нея хвостъ важный—на метелку бы годился, обрубить, снѣгъ съ саней сметать.

БАРЫНЯ. Ахъ, ахъ!! (Подхватываетъ собаченку на руки и передаетъ горничной). Разбойники, душегубцы! Прямо къ барину въ вашемъ сейчасъ потѣи прошло.

ѣду. Всѣхъ на поселенье сошлютъ, всѣхъ васъ, мерзавцевъ!.. (Къ лакею). Давай мнѣ, Прощка, салопъ! давай скорѣй!.. Ахъ, Господи! ахъ, разбойники! Всѣхъ въ Сибирь!.. (Одѣвается).

дядя-иванъ. Ужъ и въ Сибирь! Што больно далеко!.. А ты вотъ што, барыня: продай-ка мнѣ вотъ эту (указываетъ) собаченку; я тебѣ, пожалуйста—такъ и быть ужъ — два пятака дамъ, за хвостъ...

барыня. Ахъ, ахъ!.. Прощка, Прощка! стой около меня; они убьютъ меня, убьютъ...

платонъ максимовъ. Полно, барыня, вратъ-то! кому нужда убивать тебя!.. А вотъ, избу у насъ ты опоганила псами своими—это вѣрно.

акулина. У насъ, съ роду-родовъ, пѣсъ-то въ избѣ не бывывалъ; а тутъ, вотъ на-ко-сь! поди — цѣлыхъ три...

барыня. Ахъ, разбойники, разбойники!.. Походите, вотъ,—сама, нарочно, къ губернатору поѣду; всѣхъ въ Сибирь, всѣхъ!.. (Уже одѣвшись, наклоняется къ 1-ой горничной, надъ собаченкой, и говоритъ нѣжнымъ тономъ): Фи-де-лич-ка, милая!.. (Измѣняетъ тонъ). Одѣяльцемъ-то ее закутай поплотнѣе.

дядя-иванъ (насмѣшливо). Што же, барыня, такъ, видно, и не продашь?.. а?.. Пожалуй, алтынъ накинута—такъ и быть ужъ, гдѣ наше

не пропадало!.. Мнѣ вѣдь для хвоста; — понимаешь, барыня?.. (Подходить къ ней поближе).

БАРЫНЯ (развертывается и бьетъ его по лицу). Вотъ тебѣ, разбойникъ!

ДЯДЯ - ИВАНЪ (озадаченный). Ишь ты... какая сердитая!..

БАРЫНЯ (уходя уже, въ дверяхъ). Всѣхъ васъ, разбойниковъ, завтра же перевяжутъ и въ острогъ свезутъ. Всѣхъ въ Сибирь сошлю, всѣхъ до одного!..

ПЛАТОНЪ МАКСИМОВЪ. Иди, барыня, иди съ Богомъ!.. Погрѣлась — и уходи! Что пѣсту лаяться-то! Не пугливы мы.

(Барыня уходитъ. За нею горничныя и лакей).

ЯВЛЕНІЕ XII.

Платонъ Максимовъ, дядя Иванъ и Акулина.

АКУЛИНА. Ишь ты, грѣхъ какой вышелъ!..

ПЛАТОНЪ МАКСИМОВЪ. Да, вотъ поди ты!.. Пѣсъ ее зналъ — прости Господи! — что она заѣхала собакъ отогрѣвать.

АКУЛИНА. Кабы и въ правду, Платонъ, чего не вышло?.. Не подала бы она на насъ прошение?..

ПЛАТОНЪ МАКСИМОВЪ. И пушай подаетъ. Ничего не будетъ, небось, матушка. Баринъ нашъ ее не послушаетъ, ежели она и попроситъ его; а начальство въ такой пустякъ не ввяжется.

ДЯДЯ-ИВАНЪ. Сама же виновата она, извѣстно: псовъ въ избу навела, не сказамшись. И смѣхъ, и горе съ ней было!..

ПЛАТОНЪ МАКСИМОВЪ (къ матери). Да гдѣ батюшка-то? что-й-то его долго нѣтъ?

АКУЛИНА. Онъ съ тѣмъ бариномъ все гуторилъ; а потомъ, видно, съ фонаремъ по двору пошелъ — поглядѣть на обозъ. (Уходя). Вотъ грѣхи-то тяжкіе!.. (Увидя входящаго изъ другихъ дверей мужа). Да вотъ и онъ. Гдѣ ты, отецъ, былъ?..

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣ же, и Максимъ Федуловъ.

МАКСИМЪ ФЕДУЛОВЪ. Обозъ оглядывалъ, да сѣна отпустилъ.

АКУЛИНА. А у насъ-то, тутъ, грѣхъ какой вышелъ...

МАКСИМЪ ФЕДУЛОВЪ (перебивая). Слыхалъ, ямщики на дворѣ сказывали.

АКУЛИНА. „Въ Сибирь, говорить, сошлю всѣхъ!..“

МАКСИМЪ ФЕДУЛОВЪ. А ты и испугалась?.. Небось — ничего не будетъ. Одно, вотъ, не-ладно: псы въ избѣ были.

АКУЛИНА. Да, да... (Помолчавъ). А скоро на-родъ-отъ ужинать станетъ?

МАКСИМЪ ФЕДУЛОВЪ. Хотѣли скоро. Иди, собирай, пока.

АКУЛИНА. И вправду, пора. (Уходитъ налѣво).

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Тѣ же, безъ Акулины.

ПЛАТОНЪ МАКСИМОВЪ. Ну, а что — барина то проводилъ?

МАКСИМЪ ФЕДУЛОВЪ. Проводилъ. Дай Богъ ему здоровья — далъ мнѣ трѣшницу; богатъ и вправду, видно: какой возокъ хорошій — руб-левъ пятьсотъ стоитъ.

ДЯДЯ-ИВАНЪ. Сказывалъ — три тыщи душъ имѣеть.

МАКСИМЪ ФЕДУЛОВЪ (къ сыну). Аи, Платонъ, какъ ты на рѣчи смѣлъ! совсѣмъ не опасливъ.

ПЛАТОНЪ МАКСИМОВЪ. Что-жъ, батюшка, за рѣчи меня корить: мои рѣчи были правильныя.

дядя-иванъ. А что, дѣдушка Максимъ, кто у тебя овесъ-то отпускаетъ — самъ, што ли? (Встаетъ и хочетъ идти).

максимъ федуловъ. Ступай, зови работника, вели ему фонарь взять; я самъ сейчасъ приду, отпущу. И дѣдушку Лисѣя зови, за однимъ разомъ ужъ. (Собирается уходить).

съ улицы въ окно. Хозявы! а хозявы! (Стучать въ окно).

максимъ федуловъ. Что-о-о?

съ улицы. Проѣзжихъ пускаете, што ли?

максимъ федуловъ. Пуцаемъ; заѣзжайте.

дядя-иванъ (уходя). Вонъ, и еще Господь вамъ даетъ кого-то. Приходи скорѣй, дѣдушка Максимъ.

максимъ федуловъ. Ладно, ступай, приду. (Дядя Иванъ уходитъ направо. Изъ другихъ дверей входятъ: четверо проѣзжихъ, одѣтыхъ въ лисьи шубы и полшубки. Въ то же время, изъ дверей слѣва входитъ фабричный).

ЯВЛЕНІЕ XV.

Максимъ Федуловъ, Платонъ Максимовъ, фабричный и четверо проѣзжихъ.

(Проѣзжіе входятъ, здороваются съ хозяевами и раздѣваются, оставаясь въ красныхъ и голубыхъ шелковыхъ рубашкахъ, въ щегольскихъ поддевахъ—безъ рукавовъ—и въ плисовыхъ панталонахъ).

1-й проѣзжій. Здорово, хозяева! (Къ фабричному, въ полголоса). Ну, что?

ФАБРИЧНЫЙ (тихо же). Все отлично. Можно-съ. (Почти шопотомъ): Тутъ сейчасъ былъ одинъ проѣзжій, князь...

1-й проѣзжій. Знаю. Тѣмъ лучше.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ (къ фабричному). Вы давно ужь здѣсь?

ФАБРИЧНЫЙ (мигаетъ на хозяевъ; громко). Недавно-съ, съ обозомъ вмѣстѣ пришелъ.

МАКСИМЪ ФЕДУЛОВЪ (подозрительно). А вы, господа, нешто знаете этого человѣка?

1-й проѣзжій. Да, немножко; мы съ нимъ ночевали сегодня на одномъ постояломъ дворѣ; да, вотъ, позамѣшались, — онъ насъ и обогналъ.

2-й проѣзжій (къ Платону Максиму). Вы здѣшній хозяинъ?

ПЛАТОНЪ МАКСИМОВЪ. Нѣтъ-съ, я сынъ хозяина.

ФАБРИЧНЫЙ (указываетъ на Максима Федулова). Хозяинъ — вотъ.

МАКСИМЪ ФЕДУЛОВЪ. Хозяиномъ я буду. А вы, тоже, на ямскихъ ѣдете, со станціи?

1-й проѣзжій. Нѣтъ, мы на вольныхъ. Погрѣться къ вамъ заѣхали, большой морозъ!...

МАКСИМЪ ФЕДУЛОВЪ. Да, великъ. А вы изъ чиновниковъ будете, аль изъ господъ?

1-й проѣзжій. Ни то, ни другое.

МАКСИМЪ ФЕДУЛОВЪ. Изъ разночинцевъ, значить?

1-й провзжій. Нѣтъ, мы изъ купечества.

МАКСИМЪ ФЕДУЛОВЪ. Что-то непохоже.

1-й и 3-й провзжіе (вмѣстѣ). Какъ, непохоже?

МАКСИМЪ ФЕДУЛОВЪ. Да также-съ. Ужь не взыщите, а я, сначала-то, какъ вы вошли да раздѣлись, принялъ было васъ за ряженныхъ,— и подумалъ: святки, молъ, еще не начались, а ужъ ряженные пошли.

3-й провзжій. От-то, глупство! Зачѣмъ такъ?

МАКСИМЪ ФЕДУЛОВЪ. Да ужъ больно вы, господа, нарядно да цвѣтно одѣты-то.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ. Мы одѣты по-русски, по-крестьянски; неужели, хозяинъ, вы этого не видите?

МАКСИМЪ ФЕДУЛОВЪ. Какъ, сударь, не видать, — видимъ! да только это вы не по-русскому одѣты. У насъ красныя-то рубахи носятъ только въ праздники, да и то не шелковые, а кумачныя. (Кланяется и уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Тѣ же, безъ Максима Федулова.

3-й провзжій (Максиму Федулову, вслѣдъ). От-то, дурень!

2-й проѣзжій (къ Платону Максимову). Ну, а вы — какъ думаете о насъ: кто мы такіе?

ПЛАТОНЪ МАКСИМОВЪ. А Господь васъ знаетъ, кто вы такіе! Да намъ и знать-то этого не нужно;—мало ли у насъ народу проѣзжаетъ.

1-й проѣзжій. Не бойтесь, хозяинъ, насъ: мы добрые люди, свои люди.

ПЛАТОНЪ МАКСИМОВЪ. Намъ бояться васъ нечего.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ. Значить, мы друзья? (Протягиветъ руку).

ПЛАТОНЪ МАКСИМОВЪ (неохотно подаетъ свою). Да мы съ вами, сударь, впервой отъ роду видимся-то.

1-й проѣзжій. Да; но мы о васъ много слышали хорошаго: вы, говорятъ, очень умный крестьянинъ и большой начётчикъ.

ПЛАТОНЪ МАКСИМОВЪ. Малость — читалъ; больше все по церковному.

1-й проѣзжій. Не хотите-ли книжекъ? мы можемъ вамъ дать.

ПЛАТОНЪ МАКСИМОВЪ. Можетъ быть, у васъ очень дорогія книжки?

1-й проѣзжій. Да мы съ васъ ничего не возьмемъ за нихъ. (Достаетъ изъ сакъ-воляжа, надѣтаго черезъ плечо, и подаетъ ему).

ПЛАТОНЪ МАКСИМОВЪ (береть книжки и, не глядя, кладетъ ихъ на полку). Благодаримъ покорно!

1-й проѣзжій. Не за что, хозяинъ. А вы, тоже, господскіе?

ПЛАТОНЪ МАКСИМОВЪ. Да-съ, барскіе.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ. Ну, а помѣщикъ каковъ у васъ? грабитъ васъ? бьетъ?

ПЛАТОНЪ МАКСИМОВЪ. Намъ еще пожаловаться грѣхъ: у насъ баринъ—слава Богу! не злой; да больно народишко-то при немъ дрянной да лютый: бурмистръ, ключница...

1-й проѣзжій. Плохо дѣло. Впрочемъ, чѣмъ хуже—тѣмъ лучше... (Помолчавъ). А вѣдь, я думаю, хотѣлось-бы вамъ, чтобъ было лучше?

ПЛАТОНЪ МАКСИМОВЪ. Какъ, сударь, не хотѣться! извѣстно: рыба ищетъ гдѣ глубже, а человѣкъ—гдѣ лучше. Мы, вотъ, ждемъ воли, да только не знаемъ—гдѣ эта воля застряла?..

1-й проѣзжій. Такъ какъ вы человѣкъ книжный, то я буду вамъ отвѣчать притчею.—Жили были въ лѣсу, на починкѣ, два мужичка—дядя Антонъ да дядя Трифонъ. Такъ какъ въ лѣсу, кромѣ ихъ, никого не жило, то они, лѣтомъ, и не держали пастуха: скотина ихъ паслась сама, по лѣсу, около починка, и сама же возвращалась вечеромъ домой. Вотъ, однажды,

пришло ихъ стадо, и двухъ молодыхъ бычковъ въ немъ не досчитались: одинъ принадлежалъ дядѣ Антону, а другой дядѣ Трифону. Дядя Антонъ отправился на другой день, чуть-свѣтъ, въ лѣсъ, и неподалеку нашелъ своего бычка— онъ завязъ въ болотѣ—и пригналъ его домой; а дядя Трифонъ говоритъ: „Ну, вотъ, охота мнѣ ломаться по лѣсу! авось и самъ придетъ!“ Прошло дня два, три, — бычка нѣтъ; сыновья дяди Трифона пошли, наконецъ, въ лѣсъ искать— и нашли только однѣ косточки: бычка съѣли волки. Загоревалъ тогда дядя Трифонъ: „Эхъ, говоритъ, надо мнѣ было людей слушаться — идти въ лѣсъ, искать бычка!“ (Послѣ небольшого молчанія). Вотъ, любезный, и воля ваша — тоже самое: ходитъ она по лѣсу и застряла въ болотѣ; пойдете за ней сами искать — найдете; а полѣнитесь, или побоитесь идти — съѣдятъ ее хищные волки!..

Платонъ Максимовъ. Эхъ, господинъ! и рады бы радостью пойти въ лѣсъ, да дороги не знаемъ!..

1-й проезжій (похлопывая Платона Максимова по плечу). Въ лѣсъ дорога широ-о-о-кая!.. (Помолчалъ). Однако, вотъ что, хозяинъ: подите, пожалуйста, узнайте—грѣются ли наши ямщи-

ки?—и если да, то прикажите имъ, немного погодя, выходить къ лошадямъ: мы сейчасъ ѣдемъ. Они гдѣ, наши ямщики?

ПЛАТОНЪ МАКСИМОВЪ. Да въ другой избѣ, вотъ рядомъ.

1-й проѣзжій. Такъ, пожалуйста, поторпливайте ихъ: скажите, что мы не больше пяти минутъ здѣсь пробудемъ.

ПЛАТОНЪ МАКСИМОВЪ. Хорошо, скажу. (Уходитъ налѣво).

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Тѣ же, безъ Платона Максимова.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ (достаётъ изъ кармана бумагу). Надо, я думаю, положить на видномъ мѣстѣ.

1-й проѣзжій. Зачѣмъ? Просто бросьте на полъ, около лавки, какъ будто уронили нечаянно.

(Молодой человѣкъ кидаетъ бумагу на полъ).

2-й проѣзжій. Боюсь, что не будетъ изъ этого никакого толку. (Фабричному). Много ихъ собралось здѣсь?

ФАБРИЧНЫЙ. Собралось много, да только двое надежныхъ-то: вотъ этотъ — сынъ хо-

зяина, да еще одинъ извозчикъ, бывшій дворовый.

1-й проѣзжій. И то хорошо, что двое. (Закуриваетъ папиросу).

2-й проѣзжій. Ничего не будетъ. Только попадемся—и пропадемъ.

1-й проѣзжій. Вы, какъ воронъ зловѣщій: только каркаетъ. Ужъ лучше бы вы отстали отъ насъ.

3-й проѣзжій (насмѣшливо). Панъ боится капитанъ-исправника. (Тоже закуриваетъ).

2-й проѣзжій (горячо). Я не исправника боюсь, а мнѣ противенъ всякій обманъ, всякая ложь! А мы, вдобавоеъ, обманываемъ темныхъ людей.

1-й проѣзжій (дерзко). Вы не въ первый разъ уже выражаете свои сомнѣнiя; вы, милостивый государь, намъ, просто, надоѣли! Вы—или трусъ, или шпионъ.

2-й проѣзжій (вспыхнувъ). Какъ вы смѣете говорить эти вещи?!.. Нахаль! Въ мутной водѣ рыбу ловить собираетесь—понимаю я васъ!..

3-й проѣзжій (примирительнымъ тономъ). Ну, полно! полно! тихо! (Оглядываясь). Еще подслушаетъ кто...

(На порогъ стукъ шаговъ).

1-й проѣзжій. С-с-с!..

ЯВЛЕНИЕ XVIII.

Тѣ же, и Платонъ Максимовъ (входитъ).

ПЛАТОНЪ МАКСИМОВЪ. Ваши ямщики велѣли сказать, что лошади поданы.

1-й провѣзжій. Спасибо, хозяинъ. Идемъ, господа, идемъ! Собирайтесь поскорѣй. (Даетъ Платону Максиму деньги). На-те, вотъ, за тепло и за хлопоты.

(Живо одѣваются всѣ).

ПЛАТОНЪ МАКСИМОВЪ. Благодарю покорно. (Беретъ и кланяется).

2-й провѣзжій. Прощай, хозяинъ!

3-й провѣзжій и молодой челоуѣкъ. Прощайте, любезный.

ПЛАТОНЪ МАКСИМОВЪ. Счастливый путь!

1-й провѣзжій. Прощайте, хозяинъ!

ПЛАТОНЪ МАКСИМОВЪ. Съ Богомъ!

1-й провѣзжій. По веснѣ будемъ у васъ опять.

ПЛАТОНЪ МАКСИМОВЪ. Милости просимъ. (Уходитъ. Фабричный, взявъ котомку и шапку, незамѣтно проскальзываетъ въ дверь, вслѣдъ за ними. По уходѣ ихъ, изъ дверей слѣва входитъ Максимъ Федуловъ).

ЯВЛЕНІЕ XIX.

Платонъ Максимовъ, Максимъ Федуловъ и, потомъ,
работница.

МАКСИМЪ ФЕДУЛОВЪ. Эка накурили дьявольскимъ-то зельемъ!.. Что-жъ ты не остановилъ ихъ?

ПЛАТОНЪ МАКСИМОВЪ. Они безъ меня, пока я уходилъ. Да и то сказать: не велика бѣда, батюшка.

МАКСИМЪ ФЕДУЛОВЪ. А все-жъ-таки лада-номъ покурить надо.

(Идетъ въ передній уголъ, къ завѣшаннымъ образамъ, отдергиваетъ занавѣску, достаетъ маленькую жаровню, въ родѣ кадила, и идетъ съ ней къ дверямъ налѣво).

Палагея, а Палагея!

(Работница показывается на порогѣ).

На-ка, положь поскорѣй горячихъ угольковъ.

(Работница беретъ жаровню и уходитъ).

ПЛАТОНЪ МАКСИМОВЪ (подастъ отцу деньги). Вотъ, батюшка, за тепло оставили рубъ.

МАКСИМЪ ФЕДУЛОВЪ. Чтой-то ужъ больно много дали. Ни самовара не брали, ни овса съ сѣномъ, ничего прочаго, а дали — рубъ. Видно, легко имъ денежки достаются—ровно, вотъ, давишнему князю: тотъ три рубля далъ.

Запримѣть, сынокъ: кто денежки добываетъ своимъ горбомъ, тотъ—аи какъ!—разсчетливо живетъ, не кидаетъ ихъ зря. Сдается мнѣ, что это не добрые люди были.

(Работница приноситъ жаровню, и съ словами: — „Насилу докопалась въ горнушкѣ; почесь всѣ затухли“, — передаетъ Максиму Федулову жаровню и уходитъ. Онъ вновь идетъ въ передній уголъ, достаетъ ладанъ, кладетъ въ жаровню, раздуваетъ и окуриваетъ всѣ четыре угла. Затѣмъ, ставитъ жаровню на мѣсто).

Да, Платонъ, это, кажись, недобрые люди!

Платонъ Максимовъ. А Господь ихъ вѣдаетъ! Намъ-то что за дѣло; пріѣхали — и уѣхали.

Максимъ Федуловъ. И мѣщанинишко этотъ — изъ ихъ же артели, видно: съ ними вмѣстѣ и въ сани сѣлъ.

Платонъ Максимовъ. Наше дѣло — сторона, батюшка: ничего не видѣли, не слышали.

Максимъ Федуловъ. Такъ-то оно такъ, да все-жъ-таки надо опаску имѣть. Вонъ, давешъ князь-то сказывалъ мнѣ, какъ я его провожать пошелъ, что по нашимъ мѣстамъ ѣздятъ и ходятъ какіе-то лихіе люди — народъ, вишь, смущаютъ... Пожалуй, долго ли до грѣха — въ бѣду попадешь какъ разъ.

ПЛАТОНЪ МАКСИМОВЪ. Ну, и пушай ихъ!
 А мы знать не знаемъ, вѣдать не вѣдаемъ.
 (Слѣва, въ дверяхъ, показывается голова дяди Степана:—
 „Можно, дѣдушка Максимъ, намъ войтить, аль нѣтъ?“ Ма-
 ксимъ Федуловъ отвѣчаетъ: „Таперь можно; ничего, входите“.
 Входятъ: дядя Степанъ, дядя Иванъ, приказчикъ, странникъ,
 дѣдушка Алексѣй и молодой парень).

ЯВЛЕНІЕ XX.

Платонъ Максимовъ, Максимъ Федуловъ, дядя Иванъ,
 дядя Степанъ, приказчикъ, странникъ, дядя Алексѣй и
 молодой парень.

ДЯДЯ СТЕПАНЪ. Н-н-ну, дѣла!..
 МАКСИМЪ ФЕДУЛОВЪ. А што?
 ПРИКАЗЧИКЪ. Таеъ... Это ето заѣзжалъ-то
 къ вамъ, знаете ли вы?
 МАКСИМЪ ФЕДУЛОВЪ. А кто?
 ДЯДЯ СТЕПАНЪ. То-то, вотъ, и есть! Это были
 разбойники, — вотъ што!
 ПЛАТОНЪ МАКСИМОВЪ. Толкуй!..
 ДЯДЯ СТЕПАНЪ. Вѣрно сказываю — разбой-
 ники.

ПРИКАЗЧИКЪ. И я тоже полагаю — они са-
 мые и есть.

ПЛАТОНЪ МАКСИМОВЪ. Полно врать-то! Ка-
 кіе это разбойники! это проѣзжіе купцы были.

дядя стѣпанъ. Какъ же, купцы! Тутъ не купцами, братъ, пахнетъ!

молодой паренъ. У нихъ передовѣй былъ, съ нами ѣхаль; а таперь они его съ собой взяли.

платонъ максимовъ. На купцовъ-то они, точно, не похожи; да и не разбойники же, вправду...

максимъ федуловъ (смущенный). Такъ, проходимцы какіе-то были. Мало ли нонче этого народу бродить за Волгой. (Съ безпокойствомъ). Объ чемъ ты тутъ съ ними толковалъ, Платонъ? они чего не выпытывали-ли?

платонъ максимовъ. Нѣтъ, ничего; говорили объ пустякахъ больше. Вотъ, книжки мнѣ подарили. (Подходить къ полкѣ и достаетъ).

максимъ федуловъ (сердитымъ тономъ). Какія еще такія книжки?—прочитай-ка.

платонъ максимовъ (медленно читаетъ). „Коло-коль“... „По-ляр-на-я звѣз-да“... „Юрь-евъ день“...

странникъ. Это книжки хорошія, божественныя.

приказчикъ. Это, должно, о царь-колоколѣ писано?

СТРАННИКЪ. Да о звѣздахъ небесныхъ и церковныхъ праздникахъ.

ДѢДУШКА АЛЕКСѢЙ. А нутка, ну... (Беретъ книжки и оглаживаетъ).

МАКСИМЪ ФЕДУЛОВЪ. Это книжки ничего— занятныя; когда, въ праздникъ, считаешь.

ДЯДЯ ИВАНЪ. (Наклоняется подъ лавку). А это, братцы, какая бумага еще? Не забыли ли они? СТРАННИКЪ. Обронили, видно.

ПРИКАЗЧИКЪ. А нутка, покажь (Беретъ отъ дяди Ивана бумагу и развертываетъ ее). Братцы! золотыми словами печатано!..

(Общее движеніе. Всѣ подходятъ къ нему и группируются).

МАКСИМЪ ФЕДУЛОВЪ. Почитай-ка, Платонъ, что это за бумага?

СТРАННИКЪ. Давайте, я прочту, — коли по церковному писано.

ПЛАТОНЪ МАКСИМОВЪ. (Руки его дрожатъ, голосъ неровный, хотя и громкій. Беретъ отъ дяди Ивана бумагу и читаетъ). Зо-ло-та-я гра-мо-та“...

МНОГІЕ (Шумно, вдругъ). Вотъ она!.. вотъ!.. Читай дальше! Громчѣй читай! Не пущать сюда никого!..

(За сценой слышенъ колокольчикъ; вбѣгаетъ Акулина).

ЯВЛЕНИЕ XXI.

Тѣ же, и Акулина.

АКУЛИНА. Федулычъ, а, Федулычъ! Подь-ка сюда. Становой прѣхалъ.

(Платонъ Максимовъ быстро прячетъ бумагу за пазуху).

МНОГІЕ. Вотъ, принесло!... Ахъ, пожъ ему въ кадыцъ!..

(Входятъ: становой и, позади его, двое сотскихъ, съ бляхами).

ЯВЛЕНИЕ XXII.

Тѣ-же, и становой съ сотскими.

(Всѣ закутаны; обиндевлѣн. Сотскіе остаются у порога, распоясываются, трутъ руки и, отогрѣваясь, постукиваютъ ногами. Потомъ, помогаютъ становому раздѣться и, затѣмъ, послѣ, одѣться снова).

СТАНОВОЙ (входя). Здравствуйте! Кто изъ васъ хозяинъ?

ВСѢ (впадаютъ). Здравствуйте, ваше благородіе!

МАКСИМЪ ФЕДУЛОВЪ. Я, батюшка, ваше благородіе, хозяинъ. Не прикажете ли самоварчикъ согрѣть?

СТАНОВОЙ (развязываетъ шарфъ и снимаетъ форменную шапку). Некогда, некогда, я на одну ми-

пугу... Были у васъ тутъ, на двухъ тройкахъ, проѣзжіе, или нѣтъ? (Молчаніе. Крестьяне переглядываются). Что же вы молчите? аль оглохли, дураки! Хозяинъ!

ПЛАТОНЪ МАКСИМОВЪ (выступить впередъ). У насъ, ваше благородіе, за день-то столько троекъ перебываетъ, что намъ и не въ домекъ таперь— о какихъ вы спрашиваете.

СТАНОВОЙ. Да ты-то кто такой?

ПЛАТОНЪ МАКСИМОВЪ. Я-съ — хозяйскій сынъ.

СТАНОВОЙ. Ну, я спрашиваю о проѣзжихъ на двухъ тройкахъ; подъ видомъ купцовъ ѣздить. Я часа три назадъ напалъ на ихъ слѣдъ, въ эту сторону поѣхали.

ПЛАТОНЪ МАКСИМОВЪ (какъ бы раздумывая, медленно). Какіе же это такіе купцы, на двухъ тройкахъ?.. Дай Богъ памяти... (Скоро, какъ бы вспомнивъ) Точно-точно, ваше благородіе, проѣзжали; это вѣрно.

СТАНОВОЙ (съ живостью). Давно-ли?

ПЛАТОНЪ МАКСИМОВЪ. Да какъ вамъ сказать — не соврать: вчерась, объ эту пору.

СТАНОВОЙ. Вчера-а-ась?.. А нынче не были?

ПЛАТОНЪ МАКСИМОВЪ. Были и нынче; толь-

ко, не купцы, а кажись, господа: по рѣчамъ видно.

СТАНОВОЙ. Они и есть. Давно ли?

ДЯДЯ-ИВАНЪ. Давно-о-о, ваше благородіе — часа съ два будетъ тому дѣлу.

СТАНОВОЙ (подозрительно оглядываетъ крестьянъ). Да вы не врете-ли, каналы?.. (Къ Максиму Федулову). Поди-ка сюда, старикъ. (Максимъ Федуловъ подходитъ). Тебѣ, такому старому, грѣшно врать-то. (Садится). Сказывай: были у васъ, недавно, проѣзжіе, на двухъ тройкахъ?

АКУЛИНА (жалобно). Ваше благородіе! онъ у насъ ста-а-аренькой, глу-у-хенькой... онъ ничего тебѣ не отвѣтитъ.

СТАНОВОЙ (очень громко). Сказывай, старикъ: были ли у тебя, недавно, проѣзжіе на двухъ тройкахъ?

МАКСИМЪ ФЕДУЛОВЪ (наклоняетъ голову). Ась?..

АКУЛИНА (тѣмъ же тономъ). Я тебѣ, ваше благородіе, сказываю: онъ у насъ глу-у-ухенькой, ста-а-аренькой...

СТАНОВОЙ. Молчать, баба! (во весь голосъ). Были ли проѣзжіе, на двухъ тройкахъ?

МАКСИМЪ ФЕДУЛОВЪ (киваетъ головой). Были, ваша милость, были.

становой. Когда? часа два назадъ, или раньше?

максимъ федоровъ. Такъ, такъ, ваше благородіе: дня два назадъ, были.

становой (плюетъ съ досадою). Тыфу ты, глухой дуракъ! (Къ остальнымъ). Всѣхъ васъ велю перевязать, коли не скажете правды, бестіи этакіе!

многіе. Воля ваша, ваше благородіе. (Кланяются).

становой (къ дядѣ Ивану). Поди ты сюда — рыжій! (Дядя Иванъ подходитъ). Говори: были проѣзжіе на двухъ тройкахъ?

дядя-иванъ. Были, ваше благородіе; я ужъ вамъ сказывалъ, что были; часа съ два назадъ. Дай, вотъ, Господи, захлебнуться!..

платонъ максимовъ. Вѣдь и я тоже говорю, что были.

становой. Въ какую сторону они поѣхали отсюда?

дядя-иванъ (обдумывая отвѣтъ). Въ какую сторону они поѣхали-то?

становой. Да, да, куда поѣхали?

дядя-иванъ. Кажись, на Анучино.

платонъ максимовъ. На какое тамъ Анучино?!.. Они, чай, на Дегтярново поѣхали, я

самъ видалъ, — взяли влѣво; я еще подумалъ: не въ тамошнему ли барину, молъ, — лѣсъ торговать?..

дядя-степанъ. Совсѣмъ нѣтъ, ваше благородіе! они поѣхали направо, на Малиново; выдѣ душа вонъ! — я, тоже, видалъ самъ. Я, этто, на дворѣ былъ, какъ они выходили; сѣли въ сани и приказали ямщикамъ: „гайдѣ на Малиново!..“ На моихъ глазахъ и поѣхали; а колокольчики такъ и залили-и-ись...

становой. Да они безъ колокольчиковъ ѣхали; что ты врешь, шельма!

дядя-степанъ. Здѣсь, видно, подвязали, ваше благородіе.

становой (раздумываетъ). Я самъ ѣхалъ отъ Малинова, а они на встрѣчу не попались.

молодой парень. Видно, они нарочно на Малиново-то поѣхали; а потомъ, и свернули на Дегтярново.

дядя-иванъ. Вѣрно вамъ сказываю, ваше благородіе, на Анучино поѣхали! Я самъ изъ окошка видалъ, какъ они и заворачивали-то. Лопни душа — на Анучино!

дядя-степанъ. Не бреши, дядя Иванъ! Я тебѣ сказываю — на Малиново поѣхали; съ мѣста не сойти!

дядя-иванъ. Анъ, вотъ, и врешь! я говорю, на Анучино. Лопни глаза!

дядя-степанъ. Ты самъ врешь, а не я,— вотъ што!.. Ты поди — проспись.

дядя-иванъ. Проспись-ка ты, дуракъ, лучше! пьяные-то зенки*) протри.

становой (топнувъ ногой). Цыцъ, вы, невѣжи! не ругаться при мнѣ!

платонъ максимовъ. Они путають, ваше благородіе, сами не знаютъ что. Отъ насъ, нонче подъ вечеръ-то, троекъ съ шесть выѣхало; — ну, извѣстно, — одни на Малиново поѣхали, другіе на Анучино... Вотъ, они и говорятъ, что видали.

становой (стукнувъ кулакомъ по столу). Экой вы народъ проклятый — безтолковый вакой! ничего у васъ и понять нельзя. (Раздѣвается. Къ Платону Максиму). Слушай: можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ, у васъ еще не были эти молодцы, которыхъ я разыскиваю; а если пріѣдутъ, сейчасъ же, потихоньку, пошлите въ деревню за сотскимъ и за народомъ — схватите ихъ, свяжите и живо представьте въ городъ. Пятнадцать цѣлковыхъ награды получите, если пой-

*) Зенки — глаза.

маете всѣхъ пятерыхъ: по три рубля за каждыяго.

ПЛАТОНЪ МАКСИМОВЪ. Слушаемъ-съ, безпремѣнно задержимъ.

СТАНОВОЙ. А примѣты ихъ слѣдующія. (Достаетъ изъ сюртука бумагу и читаетъ): „ростъ средній, лѣта неопредѣленные, глаза, носы и подбородки обыкновенные, особыхъ примѣтъ не имѣется...“ Стотрите, запомните хорошенько ихъ примѣты!

МНОГІЕ. Запомнимъ, ваше благородіе, безпремѣнно запомнимъ.

(Акулина уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ XXIII.

Тѣ же, безъ Акулины.

СТАНОВОЙ (къ проѣзжимъ крестьянамъ). Когда вы отсюда поѣдете, то и на другихъ постоялыхъ дворахъ, по дорогѣ, сообщайте всѣмъ примѣты этихъ молодцовъ; а если они прикатятъ на какой постоялый дворъ при васъ, то вы сейчасъ же объявите хозяину, что это мошенники — чтобы онъ ихъ задержалъ и послалъ бы за сотскимъ.

МНОГІЕ. Безпремѣнно объявимъ, ваше благородіе; только бы попались намъ!

дядя-иванъ. Ужь только наскочили бы!..
(Входитъ Акулина съ подносомъ, на которомъ водка и закуски, и ставитъ на столъ, около становаго).

ЯВЛЕНІЕ XXIV.

Тѣ же, и Акулина.

АКУЛИНА (клянясь). Откушай, ваше благородіе, съ дорожки-то.

СТАНОВОЙ. Пожалуй, можно. (Живо пьетъ и закусываетъ). Что это — рыжички?
(Сотскіе съ завистью слѣдятъ за процессомъ выпивки и закусыванья).

АКУЛИНА. Рыжички, ваше благородіе, рыжички; покушай на здоровье.

СТАНОВОЙ (ѣстъ). Хороши. Сама солила?

АКУЛИНА. Дочка у меня — Аринушка — этими дѣлами занимается.

СТАНОВОЙ (еще пьетъ и закусываетъ). Хороши рыжички, хороши. И водочка хороша. Рябиновая?

АКУЛИНА. Рябиновая, ваше благородіе, рябиновая, на двухъ настояхъ.

СТАНОВОЙ (пьетъ). Хороша. Тоже домашняя?

АКУЛИНА. Домашняя, батюшка, ваше благородіе; дочкино же руководѣлье.

СТАНОВОЙ. А гдѣ она у тебя?

АКУЛИНА. Въ шкапчикъ запираю, въ чуланчикъ, ваше благородіе.

СТАНОВОЙ. Да ты, видно, съ ума сошла — дѣвкѣ въ шкапчикъ запираешь!

АКУЛИНА (спохватившись). Не взыщи, батюшка, ваше благородіе: я думала, ты объ рябиновой водочкѣ спрашиваешь... А дѣвушка моя ушла на посидѣлки, разгуляться.

СТАНОВОЙ. Жаль. (Еще пьетъ). Ну, теперь довольно. (Встаетъ, сотскому.) Подай-ка трубку.

ПЛАТОНЪ МАКСИМОВЪ. У насъ, ваше благородіе, въ этой избѣ не курятъ.

(Одинъ изъ сотскихъ подаетъ трубку съ длиннымъ чубукомъ и табакъ).

СТАНОВОЙ (значительно). Такъ, такъ, понимаю... (Закуриваетъ). По старой, значитъ, вѣрѣ!... (Оглядывается на передній уголъ). Вонъ, и образа завѣшаны... Погодите, подтяну я васъ, — дайте срокъ! (Курить).

АКУЛИНА. Кадочку рыжичковъ-то не прикажешь-ли поставить тебѣ въ сани, батюшка, ваше благородіе?

СТАНОВОЙ (продолжаетъ говорить тѣмъ же угрожающимъ тономъ). Я васъ подтяну, голубчики... въ бараній рогъ согну!.. забудете вы у меня свои раскольничьи ереси!..

(Одѣвается при помощи сотскихъ).

АКУЛИНА. Не побрезгуй ужъ, ваше благородіе, и рябиновочки прими — отъ меня, старухи, на доброе здоровье.

СТАНОВОЙ (другимъ тономъ). Только, поживѣй, баба, не задерживай.

АКУЛИНА (убѣгая налѣво). Я живымъ духомъ, батюшка. Сама и въ саночки къ тебѣ поставлю. (Живо уходитъ).

СТАНОВОЙ (направляясь къ дверямъ). Ну, прощайте! Смотрите вы у меня — ухо держи востро!!.

МНОГІЕ. Прощайте, ваше благородіе! Счастливо!..

ДЯДЯ-ИВАНЪ. Дай вамъ Богъ, ваше благородіе, нагнать этихъ самыхъ мошенниковъ-то! Ежели, примѣрно, поѣдете на Анучино — пожалуйста, нагоните.

ДЯДЯ-СТЕПАНЪ. Поѣзжайте на Малиново, ваше благородіе, — дѣло вѣрнѣй будетъ!

ПЛАТОНЪ МАКСИМОВЪ. По дегтярновской дорогѣ, ваше благородіе, велите ѣхать, на Матрѣшкинъ оврагъ, — захватите ихъ, коли тихо ѣдутъ.

АКУЛИНА (быстро входитъ слѣва). Поставила, батюшка, сама — и кадочку, и бутылочки.

СТАНОВОЙ (въ дверяхъ). Ну, спасибо, баба, спасибо! (Громко, къ Максиму Федулову). Прощай, старикъ!

АКУЛИНА. Не слышитъ, ваше благородіе, ни одинаго словечка не слышитъ: онъ у насъ ста-а-аренькій, глу-у-хенькій...

(Становой уходитъ, сопровождаемый сотскими, Максимомъ Федоровымъ и Акулиною. Сотскіе, въ дверяхъ уже, живо пьютъ и закусываютъ. Имъ подносятъ Платонъ Максимовъ).

ЯВЛЕНІЕ XXV.

Платонъ Максимовъ, дядя Иванъ, дядя Степанъ, приказчикъ, странникъ, дѣдушка Алексѣй и молодой парень.

(Платонъ Максимовъ, дядя Иванъ и дядя Степанъ подходятъ къ окнамъ и смотрять, протирая руками замерзшія стекла).

ДЯДЯ-ИВАНЪ. Покати-и-иль!.. Куроцапъ!.. (Слышенъ звонъ удаляющагося колокольчика). Ищи, братъ, въ полѣ вѣтра!.. (свиститъ). Фю-ю-ю!.. (отходитъ отъ окна).

ДЯДЯ-СТЕПАНЪ (у окна еще). Куда онъ таперь поѣдетъ? на какія дороги?..

ПЛАТОНЪ МАКСИМОВЪ (отрываясь отъ окна). Къ барину нашему велѣлъ ѣхать, въ усадьбу, — ночевать, видно. Извѣстно, по тремъ-то дорогамъ за одинъ разъ не погонишь... А онъ у насъ недавно и служить-то: и деревень-то еще путѣмъ не знаетъ въ своемъ стану, и людей-то не вѣдаетъ.

ДЯДЯ-ИВАНЪ. Ловко мы ему нагородили тутъ!..

(Къ Платону Максимову). Да и твой старикъ, тоже, хитёръ: глухимъ прикинулся; грѣхъ на душу принимать — врать — не захотѣлъ.

дядя-степанъ. Да, братъ, наплели ему!..

(Входитъ Максимъ Федуловъ).

ЯВЛЕНІЕ XXVI.

Тѣ же, и Максимъ Федуловъ.

ПЛАТОНЪ МАКСИМОВЪ. Ну, что, батюшка, проводилъ?..

МАКСИМЪ ФЕДУЛОВЪ. Проводилъ — слава Богу! (Садится на лавку и опускаетъ голову). Соблазнъ одинъ съ вами — вотъ што!.. Вы и меня, на старости лѣтъ, въ грѣхъ ввели: несправедливыя слова говорилъ, правду утаилъ...

СТРАННИКЪ. Этотъ грѣхъ — во спасенье.

дѣдушка АЛЕКСѢЙ. Укрыть людей отъ лихихъ гонителей — это не грѣхъ.

МАКСИМЪ ФЕДУЛОВЪ (вдругъ вспомнивъ). Гдѣ она, эта грамота?.. бросьте ее въ печь! и книжки ихнія туда же.

ПЛАТОНЪ МАКСИМОВЪ. Книжки, батюшка, пожалуй, возьми, бросай, — а грамоту не отдадимъ.

дядя-иванъ. Грамоту зачѣмъ отдавать! — она отъ царя.

многіе. Грамоту не дадимъ!.. она отъ царя! Читать ее!.. читать! таперь читать!.. Эй, молодой хозяинъ, — читай!..

(Шумъ и общее движеніе на сценѣ).

максимъ федуловъ (встаетъ съ лавки). Я вамъ говорю, ребята, бѣда будетъ! не читайте! бросьте ее въ огонь!.. Послушайтесь меня, православные!..

многіе (шумятъ). Читать!.. читать!!

(Въ дверяхъ показывается работникъ).

дядя-иванъ (Максиму Федулову). А ты уйди, дѣдушка, не мѣшай лучше!..

многіе (шумятъ). Не мѣшайся, хозяинъ!.. не твое дѣло!.. отваливай!.. Начинайте!.. читайте!!!!

платонъ максимовъ (работнику). Бѣги, Петруха, запри ворота! Не пущай больше никого!..

(Работникъ уходитъ).

многіе. Ну, начинай съ Богомъ!..

(Платонъ Максимовъ развѣртываетъ грамоту и, перекрестясь, читаетъ. Многіе тоже крестятся. Максимъ Федуловъ, показавъ головой, отходитъ отъ нихъ, садится къ столу и опускаетъ голову на руки).

платонъ максимовъ (громко и нечасто, съ сильнымъ волненіемъ въ голосъ). „Божіею милостію, мы, Александръ Второй, императоръ и самодержецъ

всероссійскій, царь Польскій, великій князь Финляндскій, и прочая, и прочая, и прочая. Всѣмъ крестьянамъ даруется... земля... и воля..."

(Голосъ его дрожитъ и совершенно обрывается).

МНОГІЕ (шумно). Читай дальше!.. читай!!.. читай!!!..

ПЛАТОНЪ МАКСИМОВЪ. Постойте, братцы... дайте... вздохнуть маленько!..

(Руки его, съ грамотою, бессильно опускаются внизъ. Всѣ остаются безмолвны и недвижны).

ЗАНАВѢСЪ.

Воспоминанія въ Бѣлоруссіи.

1864—1870 гг.

(Изъ записокъ мирового посредника.)

Цѣль настоящихъ „Записокъ“ — сохранить въ памяти многія интересныя событія и явленія, которыхъ мнѣ довелось быть очевидцемъ, 20 лѣтъ тому назадъ. Не мало воды утекло съ того времени!.. Многіе спятъ уже непробуднымъ сномъ въ могилѣ; юноши становятся сѣдѣющими стариками; страсти улеглись и стихли... Но тѣ годы, какъ годы молодости, этой лучшей поры жизни человѣка, остались въ памяти на-вѣки, и теперь, повидимому, исполнѣ возможно не только „воспоминать“ то время и людей той эпохи, но и говорить о нихъ вслухъ.

Мои воспоминанія ограничиваются преимущественно Могилевскою губерніей, гдѣ я слу-

жилъ въ то время по крестьянскимъ учрежденіямъ. Я пріѣхалъ въ эту губернію послѣ уже затихнувшаго мятежа, но въ самый еще разгаръ страстей... На насъ, мировыхъ посредниковъ, легла очень серьезная обязанность — устроить бытъ несчастныхъ бѣлорусскихъ крестьянъ, обиженныхъ и почти обезземеленныхъ польскими мировыми посредниками, составившими неправильныя и недобросовѣстныя уставныя грамоты. На насъ же, посредникахъ, лежали обязанности и по дѣлу народнаго образованія, т. е. по учрежденію народныхъ училищъ, совершенно отсутствовавшихъ въ волостяхъ. Къ крайнему сожалѣнію, наша дѣятельность по устройству быта крестьянъ считалась въ то время, да, кажется, считается и теперь, „несимпатичною“: отчасти, можетъ быть, по недоразумѣнію, а главное, конечно, потому, что намъ въ то время, невольно, довелось причинять весьма чувствительный матеріальный ущербъ помѣщикамъ края, а такого ущерба потерпѣвшіе никогда не забываютъ и не прощаютъ; равно, не извиняютъ подобной дѣятельности и тѣ, кто, такъ или иначе, сочувствуетъ потерпѣвающимъ. За эту-то „дѣятельность“ мы и попали тогда въ „соціалисты“, и подверга-

лись нападенію и порицанію, одновременно, съ трехъ различныхъ сторонъ: со стороны высшей петербургской администраціи, въ направленіи которой наступила, въ 1866 году, реакція; со стороны крѣпостнической газеты „Вѣсть“ и, наконецъ, со стороны той части прессы, которая сочувствовала польскимъ помѣщикамъ по инымъ причинамъ — чисто политическимъ; эта часть печати видѣла въ польскомъ возстаніи то, чего въ немъ, въ сущности, вовсе не было, а именно — революціонно-демократическое движеніе, и не видѣла того, что въ немъ было въ дѣйствительности, т. е. своекорыстныхъ вождедѣній магнатовъ и ксендзовъ. Благодаря этой путаницѣ понятій и тому туману, который былъ, въ оное время, искусно напущенъ въ мотивы возстанія заграничною прессой, мы и находились между трехъ огней...

Собственно, къ полякамъ я не имѣлъ въ то время, какъ не имѣю и теперь, никакой антипатіи и ненависти; напротивъ, со многими изъ нихъ я сошелся въ то время гораздо ближе, чѣмъ съ русскими людьми, служившими въ краѣ, и до сихъ поръ вспоминаю ихъ съ уваженіемъ и любовью. Но, встрѣчая между ними массу людей умныхъ, образованныхъ, гуманныхъ и

крайне добрыхъ, я не встрѣтилъ, все таки, ни одного искренно расположеннаго къ Россіи... Я не считаю, конечно, ренегатовъ и перекрестовъ, принявшихъ православіе; дружба и ненависть такихъ людей одинаково сомнительны.

Этимъ я и закончу предисловіе къ моимъ „Запискамъ“. Если въ нихъ я впалъ въ какую нибудь неточность, что, за давностью времени, возможно, то буду очень благодаренъ тому, кто исправитъ эту неточность.

I.

Зачѣмъ я ѣхалъ. — Дорога до Вильны; вырубленные лѣса; обыскъ въ Динабургѣ. — Приѣздъ въ Вильну и первыя впечатлѣнія; гостинница; атака евреевъ-разносчиковъ; внѣшній видъ города и улицъ; Остробрамская часовня. — Молящіяся на улицѣ. — Первая встрѣча съ Муравьевымъ. — Русскій ресторанъ. — Разныхъ видовъ „пши“. — Люди идеи. — Сердечное согласіе „Вѣсти“ и „Отечественныхъ Записокъ“.

Въ началѣ іюня 1864 года, я выѣхалъ изъ Петербурга въ Вильну въ качествѣ одного изъ русскихъ людей, вызываемыхъ въ то время въ сѣверо-западный край, въ которомъ, желѣзною рукой М. Н. Муравьева, было только-что подавлено вооруженное польское возстаніе. Я былъ въ то время очень еще молодымъ человекомъ — мнѣ не было и 25-ти лѣтъ — край былъ

мнѣ совершенно незнакомъ, никакихъ предубѣжденій противъ поляковъ я не имѣлъ, и ѣхалъ я, поэтому, не безъ нѣкоторыхъ сомнѣній и колебаній въ душѣ, которыя, обыкновенно, сводились къ одному и тому же мучительному вопросу: въ силахъ ли я буду и съумѣю ли принести какуюнибудь пользу? Это — съ одной стороны. Съ другой же стороны — свойственная многимъ людямъ страсть „къ перемѣнѣ мѣстъ“, желаніе попасть въ край, въ которомъ никогда не былъ, и, наконецъ, главное — надежда послужить, по мѣрѣ разумѣнія и силъ, русскому дѣлу, влекли меня въ этотъ край...

Самая дорога до Вильны не походила на такую же точно, по разстоянію, дорогу отъ Москвы до Петербурга, по которой я незадолго передъ тѣмъ проѣхалъ: начиная отъ Антонополя, около Динабурга, и дальше, лѣса, по обѣ стороны желѣзной дороги, были вырублены на довольно значительное пространство. Это, какъ я узналъ изъ разспросовъ, было сдѣлано по распоряженію Муравьева — въ огражденіе поѣздовъ отъ выстрѣловъ изъ лѣсной чащи, со стороны бывшихъ здѣсь повстанцевъ, въ 1863 году.

Внѣшній видъ пассажировъ нашего поѣзда

носилъ на себѣ тоже довольно своеобразный характеръ: слышался гортанный еврейскій говоръ, тихій и осторожный шепотъ на польскомъ языкѣ, мелькало, порою, черное женское платье, съ бѣлою или свѣтлосѣрою широкою каймою у подола, что означало „жалдбу“, трауръ „по ойчизнѣ“, а можетъ быть, и по комъ нибудь изъ близкихъ, „крѣвныхъ“, утраченныхъ въ безумномъ мятежѣ; это возвращались изъ Петербурга польскія пани, пріѣзжавшія сюда ходатайствовать, въ большинствѣ случаевъ не безъ успѣха, въ высшихъ сферахъ о помилованіяхъ или смягченіяхъ суровой участи виновныхъ лицъ, осужденныхъ тогдашними военными судами, приговоры которыхъ конфирмовались Муравьевымъ.

Едва мы подъѣхали къ Динабургу, какъ убѣдились въ томъ, что находимся, дѣйствительно, въ краѣ, объявленномъ на военномъ положеніи: всѣ вагоны въ поѣздѣ были тотчасъ же заперты на ключъ. Минутъ черезъ десять, въ нашъ вагонъ вошли два жандармскихъ офицера въ сопровожденіи начальника станціи, военнаго коменданта вокзала и нѣсколькихъ жандармскихъ унтеръ-офицеровъ — и попросили насъ предъявить свои паспорта и виды на жительство. Формальность

эта продолжалась довольно долго; между пассажирами, не ожидавшими этого требованія, произошла обычная суматоха и замѣшательство: одни имѣли паспорта при себѣ, а у другихъ они были въ сакъ-вояжахъ и даже въ багажѣ, сданномъ еще въ Петербургѣ. Началось отдѣленіе овецъ отъ козлищъ: нѣкоторыхъ „подозрительныхъ“, особенно изъ числа имѣвшихъ заграничные паспорта, попросили „въ контору“; иныхъ, въ томъ числѣ и меня, оставили въ покоѣ; всѣхъ ѣдущихъ въ Варшаву осматривали съ большимъ вниманіемъ и подозрительностью. Очевидно, эти господа искали кого-то... Но какъ тяжела, мучительна и оскорбительна была эта мѣра! особенно, съ непривычки... Послѣ я узналъ, что досмотры эти, независимо отъ опредѣленной заранѣе цѣли найти когонибудь, дѣлаются на каждомъ поѣздѣ, вслѣдствіе личнаго распоряженія Муравьева, вызваннаго слѣдующими обстоятельствами. Многіе польскіе помѣщики, ускользнувшіе отъ отвѣтственности за свое участіе въ возстаніи и не успѣвшіе уѣхать своевременно за-границу, перебрались, ради своего спасенія, въ Петербургъ, гдѣ власть Муравьева была уже безсильна; тамъ они, по-осмотрѣвшись и устроившись съ своими денеж-

ными дѣлами, брали въ канцеляріи генералъ-губернатора князя Суворова заграничныя паспорта и отправлялись по варшавской желѣзной дорогѣ за границу. Нѣкоторые ѣхали даже съ паспортами, взятыми на чужое имя, то есть на имя такихъ лицъ польскаго же происхожденія, которые, живя въ Петербургѣ, ничѣмъ себя передъ правительствомъ не скомпрометтировали въ политическомъ отношеніи. Такъ какъ жандармерія у Муравьева была организована очень хорошо и обладала фотографическими карточками большинства скрывшихся революціонныхъ польскихъ дѣятелей, то ихъ очень часто и задерживали, вмѣстѣ съ ихъ заграничными паспортами. Впослѣдствіе, скрывающіеся поляки измѣнили свой маршрутъ и уже не рисковали проѣзжать за границу чрезъ районъ губерній, ввѣренныхъ Муравьеву: они стали уѣзжать моремъ — изъ петербургскаго и другихъ балтійскихъ портовъ.

По пріѣздѣ въ Вильну, я остановился на Нѣмецкой улицѣ, въ какой-то недорогой гостинницѣ, содержимой полякомъ. Кругомъ звучалъ нерусскій говоръ, въ которомъ преобладалъ польскій и еврейскій жаргонъ; вся прислуга въ гостинницѣ была польская, фактора—

евреи. И вотъ, еще не успѣлъ я какъ слѣдуетъ умыться и напиться чаю, какъ ко мнѣ въ номеръ нахлынула цѣлая толпа евреевъ — съ предложеніями всевозможныхъ товаровъ и услугъ; все это говорило ломанымъ полу-польскимъ, полу-русскимъ языкомъ. Мнѣ стоило не малыхъ усилій отдѣлаться отъ всей этой назойливости, не встрѣчающейся въ русскихъ городахъ: ни просьбы, ни приказанія оставить меня въ покоѣ не дѣйствовали; едва я выпроваживалъ какого нибудь разносчика за дверь и запиралъ ее подъ самымъ его носомъ, какъ онъ уходилъ на дворъ, подступалъ къ моимъ окнамъ, выходявшимъ въ какой-то очень узкій и вонючій переулокъ, и предлагалъ свой товаръ въ окно; а въ это время, въ дверь стучался уже другой — съ тѣми же самыми „мелкими и галантерейными“ товарами... У этихъ евреевъ имѣлось рѣшительно все, начиная отъ варшавской обуви и бѣлья и кончая косметиками, письменными принадлежностями и самыми неприличными фотографическими карточками.

Я рассчитывалъ явиться къ Муравьеву и прочему начальству на другой день, желая, прежде всего, отдохнуть съ дороги и осмотрѣть, хотя немного, незнакомый мнѣ городъ. Часу въ пер-

вомъ дня я вышелъ изъ гостинницы и отправился бродить по Вильнѣ...

Городъ оказался совсѣмъ непохожимъ на наши русскіе города: узкія улицы, высокіе дома, крытые черепицей, и множество роскошной, тѣнистой зелени и высокихъ, стройныхъ, пирамидальныхъ тополей, жалкое подобіе которыхъ, въ количествѣ двухъ-трехъ экземпляровъ, я видѣлъ въ Александровскомъ саду, въ Москвѣ. Каѳедральный польскій соборъ св. Станислава поражалъ своею величественною архитектурой; вблизи его видѣлась Замковая гора съ своею башнею и тѣми же пирамидальными тополями. Уличный людъ былъ тоже совсѣмъ иной: гладко остриженные головы съ длинными усами, еврейскія типичныя лица съ длинными пейсами, изрѣдка чамарки и кунтуши, на дамахъ — трауръ. Хотя этотъ трауръ, „жалоба“, и былъ воспрещенъ Муравьевымъ, но хитроумныя польки обходили это запрещеніе довольно искусно: при полномъ глубокомъ траурѣ, надѣвалась какая нибудь цвѣтная ленточка на шею, или цвѣтокъ на шляпку, и распорядженіе было выполнено: дама уже не была въ траурѣ...

Мнѣ надо было найти, для врученія письма,

„изъ Россіи“ — какъ говорили уже въ Вильнѣ — одного чиновника, служившаго въ губернскомъ присутствіи по крестьянскимъ дѣламъ; и вотъ, находившись вдоволь по Вильнѣ и налюбовавшись ею, я подошелъ къ первому полицейскому солдату на посту и спросилъ его, — какъ мнѣ поближе пройти на ту улицу, на которой жилъ мой знакомый? — Онъ сталъ объяснять мнѣ: идите прямо, а потомъ по такой-то улицѣ, потомъ по такой-то, пройдите черезъ площадь, „на которой всегда поляковъ вѣшаютъ“, и поверните налѣво... У меня, просто, морозъ пробѣжалъ по кожѣ, когда онъ выговорилъ эту фразу — „площадь, на которой всегда поляковъ вѣшаютъ“... И такъ спокойно сказалъ онъ эти слова, какъ будто рѣчь шла о площади, на которой всегда торгуютъ яблоками!..

Когда я возвращался въ гостинницу, мнѣ довелось проходить чрезъ Остробрамскую узкую улицу, и тутъ представилось моимъ глазамъ чрезвычайно оригинальное зрѣлище: начиная отъ самой Остробрамской часовни, заключающей въ себѣ чудотворную икону Божіей Матери, и вдоль улицы, внизъ на протяженіи по крайней мѣрѣ двухсотъ шаговъ, на каменныхъ тротуарахъ, по обѣимъ сторо-

намъ улицы, стояли на колѣняхъ сотни мужчинъ и женщинъ, многіе съ маленькими книжками въ рукахъ, и все это молилось... Солнце уже сильно палило, по улицѣ неслись тучи пыли, гремѣли и сновали экипажи, — а эта нѣмая толпа, состоящая преимущественно изъ элегантно одѣтыхъ во все черное дамъ, стояла на колѣняхъ, со сложенными на груди руками, и молилась, набожно глядя вверхъ, по направленію часовни... Нѣкоторые изъ молящихся лежали на землѣ „кршижемъ“ — т. е. крестомъ, съ распростертыми по землѣ руками и ногами... Это мѣсто и самая арка подъ Остробрамскою часовней считаются въ Вильнѣ, у поляковъ, такую же святыней, какъ, напримѣръ, Спаскія ворота въ московскомъ кремлѣ. Снявъ съ головы шляпу, я смотрѣлъ нѣсколько минутъ на эти черныя, неподвижныя фигуры... Какъ вдругъ, мое вниманіе было отвлечено другимъ явленіемъ: изъ-подъ арки, внизъ, на полныхъ рыскахъ, летѣла изящная карета, окруженная конвоемъ въ 6 казаковъ, съ офицеромъ впереди: все это мчалось подъ гору, страшно стуча по мостовой колесами и лошадиными копытами; шедшіе по тротуарамъ мужчины пугливо сторонились въ бокъ и быстро снимали съ головъ

шапки, а военные останавливались и дѣлали „фронтъ“. Когда карета поравнялась со мною, я увидѣлъ въ глубинѣ ея толстаго генерала съ сѣдыми, небольшими усами; я тотчасъ же, по портретамъ, узналъ его — это былъ Муравьевъ, полновластный диктаторъ Литвы, Бѣлоруссіи, Жмуди и части царства Польскаго, съ безапелляціонными полномочіями и правами на жизнь и смерть цѣлыхъ шести милліоновъ жителей ввѣреннаго ему края!.. Это онъ такъ проѣзжалъ по Вильнѣ, во избѣжаніе покушеній на его жизнь, до которой, дѣйствительно, такъ желали добраться польскіе жандармы-вѣшатели. Не нужно, впрочемъ, было читать объ этомъ въ тогдашнихъ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, а стоило только присмотрѣться къ тѣмъ молніеноснымъ взглядамъ, полнымъ безконечной злобы и ненависти, которыми провожали карету Муравьева всѣ эти проходящіе и молящіеся люди, принадлежавшіе, несомнѣнно, къ польской національности. Лица дамъ и дѣвицъ, полныя передъ этимъ религіознаго умиленія, мгновенно измѣнились, и всѣ онѣ, уступая чувству любопытства, оторвались на мигъ глазами отъ святой часовни и глядѣли на эту быстро мчавшуюся, ненавистную карету, въ

которой сидѣлъ ненавистный имъ, но властный и сильный человѣкъ... Прошло нѣсколько секундъ, и вновь начались молитвы, покиванія головами и паденія на землю „кршижемъ“.

Мой знакомый назначилъ мнѣ свиданіе въ ресторанѣ, вблизи театра, въ 4 часа, гдѣ мы и должны были вмѣстѣ отобѣдать. Ресторанъ этотъ оказался довольно опрятный и приличный и, вдобавокъ, недорогой; содержался онъ какимъ-то русскимъ, и главное его удобство состояло въ томъ, что здѣсь сходились воедино почти всѣ одинокіе и бездомные русскіе скитальцы, занесенные сюда на службу „изъ Россіи“; тутъ же можно было встрѣтить всегда и массу офицеровъ, всѣхъ родовъ оружія, армейскихъ и гвардейскихъ; здѣсь уже „пахло Русью“ и слышался повсюду „русскій духъ“ и русскій говоръ...

Не мало встрѣчалось въ этомъ ресторанѣ и искателей приключеній, занесенныхъ сюда единственно желаніемъ наживы, или погоней за карьерой; это была та „золотая молодежь“, которая являлась сюда изъ Петербурга съ рекомендательными письмами къ Муравьеву отъ

разныхъ высокопоставленныхъ лицъ, или съ просительными — отъ своихъ вліятельныхъ бабушекъ и тетюшекъ. Они составляли въ ресторанѣ свой особый кружокъ, у нихъ за обѣдомъ лилось шампанское, слышались циническіе рассказы, игривыя французскія пѣсенки... Русское дѣло, служеніе идеѣ, обрусѣніе терроризованнаго края — все это были для нихъ смѣшныя и непонятныя слова, не приносящія, вдобавокъ, никакого пока дохода... Этихъ господъ въ Вильнѣ было не мало; они считались или при (по-польски — пше) различныхъ канцеляріяхъ и присутственныхъ мѣстахъ, или же числились „состоящими въ распоряженіи генераль-губернатора“. Не мало зла впослѣдствіе причинили эти люди русскому дѣлу въ краѣ, не разъ они срамили и компрометтировали русское имя!.. Виленскіе чиновные поляки и окрестили ихъ, поэтому, весьма характернымъ названіемъ, состоящимъ всего изъ трехъ буквъ: „пши“... т. е. — *при* генераль-губернаторѣ; а такъ какъ этихъ „пши“ было въ Вильнѣ тьма-тьмущая и запомнить фамиліи ихъ не было никакой возможности, то ихъ, обыкновенно, и называли по нумерамъ — въ тѣхъ случаяхъ, если приходилось упоминать о нихъ.

— Вы слышали (говорилось, напр.), „пши“ № 15-й опять скандалъ учинилъ — побилъ содержательницу „пансіона“, Рахиль Лебензоншу?

Или:—А „пши“ № 29-й опять приглашался къ полиціѣ-мейстеру: травилъ собакою поляка портного, когда тотъ пришелъ къ нему со счетомъ...

И все въ томъ же родѣ... „Пши“ эти ровно ничего не дѣлали, фланировали по Вильнѣ, кутили и буянили. На нихъ, въ большинствѣ случаевъ, не было ни суда, ни управы, такъ какъ никакихъ мировыхъ судей въ то время еще не существовало, и жаловаться надо было въ ту же полицію. Тѣмъ не менѣе, этимъ господамъ шли чины, перепадали иногда и награды — „за отличіе“; а когда былъ открытъ пресловутый пяти-милліонный фондъ на покупку отъ польскихъ помѣщиковъ имѣній въ русскія руки и послѣдовалъ извѣстный указъ 10-го декабря 1865 года, то большинство этихъ „пши“ превратилось въ помѣщиковъ и заговорило объ „обрусѣніи“ края... Смѣнялись внослѣдствіи генераль-губернаторы, — и „пши“, подобно саранчѣ, поднимались вверхъ и куда-то улетали; но на ихъ мѣсто, съ пріѣздомъ новаго генераль-губернатора, прилетала и новая туча, вы-

глядывала конфискованныя и секвестрованные имѣнія, — на которыя и опускалась по оди-ночкѣ...

Чтобы покончить съ этими „пши“, я забѣгу нѣсколько впередъ. Въ 1869 году, мнѣ снова пришлось быть въ Вильнѣ, въ управленіе уже генерала Потапова. Велико было мое изумленіе, когда я, въ тучѣ многочисленной, попрже-нему, „пши“, встрѣтилъ множество поляковъ, съ гвардейскимъ штабсъ-ротмистромъ — графомъ Грабовскимъ во главѣ!.. Этотъ сіятельный „пши“, какъ извѣстно, покончилъ тѣмъ, что, пользуясь выгодами своего положенія при генералъ-гу-бернаторѣ, ликвидировалъ снокойнымъ образомъ свои дѣла по имѣніямъ, уѣхалъ „въ отпускъ“ за границу и уже назадъ къ намъ не возвра-тился, — сопричисливъ тамъ себя къ лику са-мыхъ „непримиримыхъ“ эмигрантовъ...

Другого такого „пши“, но уже изъ другой національности, я встрѣтилъ случайно, въ Грод-ненской губерніи, гораздо позже. Это былъ русскій нѣмецъ, съ сильною протекціей, про-шедшій огонь, воду и всѣ мѣдныя трубы петер-бургскихъ пріемныхъ, а также и ресторановъ Малой Морской, едва не попавшій на долж-ность директора московскихъ театровъ и за-

ѣхавшій, „на счастье“, въ Вильну къ генералу же Потапову. Въ Гродненской губерніи я встрѣтилъ его уже въ должности „обрусителя“ — владѣльцемъ огромнаго имѣнія и почетнымъ мировымъ судьей... Онъ успѣлъ уже извлечь изъ имѣнія всѣ выгоды и вытянуть всѣ соки, заложилъ и нерезаложилъ его, вырубилъ лѣсъ и подумывалъ уже о томъ, какъ бы поскорѣе „бросить“ имѣніе — на шею казнѣ и виленскому земельному банку...

Третьяго „пши“ я встрѣтилъ въ то же время, т. е. въ 1877 году, въ г. Гроднѣ. Совершенно необразованный и малограмотный Митрофанушка, онъ, при помощи протекціи, получилъ имѣніе, пролѣзъ въ члены крестьянскаго присутствія, слылъ столпомъ и, въ то же время, взяточникомъ — безъ вымогательства, впрочемъ. Получивъ самъ „домашнее воспитаніе“ — т. е. не получивъ никакого, — онъ былъ открытымъ врагомъ и гонителемъ всѣхъ чисто-русскихъ мировыхъ посредниковъ, маломальски образованныхъ, не желавшихъ ни еланяться ему, ни платить дань, которую онъ, обыкновенно, получалъ въ видѣ карточнаго выигрыша.

Продолжаю, затѣмъ, мой рассказъ. Въ томъ

же ресторана Вильны, въ маѣ мѣсяцѣ 1864 года, можно было встрѣтить и совсѣмъ иные типы и характеры. Это были тѣ русскіе люди, тѣ вѣрные — если можно выразиться — слуги Россіи, которые пріѣхали въ край во имя идеи, чтобы послужить русскому дѣлу, не рассчитывая на кресты и чины и еще менѣе на конфискованныя польскія имѣнія, — такъ какъ это были люди, по большей части, не бѣдные, люди старинныхъ дворянскихъ фамилій, жившіе, до этого, въ своихъ собственныхъ помѣстьяхъ. Они ѣхали въ край не за пріключеніями и наживой: ѣхали они сознательно, хорошо понимая положеніе дѣла, мирясь заранѣе съ той ненавистью, которую неминуемо должны были встрѣтить со стороны коренного польскаго населенія въ краѣ и преимущественно со стороны помѣщиковъ; Муравьевъ не былъ для нихъ знаменемъ, вокругъ котораго они собирались, — такъ какъ собирались они не на кличъ Муравьева, а непосредственно на призывъ самого правительства, по его приглашеніямъ. Большинство ихъ занимало тѣ же самыя должности и во внутреннихъ губерніяхъ Россіи — служило членами губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій, или ми-

ровыми посредниками, — живя у себя дома; многіе изъ нихъ пооставляли тамъ свои семейства, пріѣхали одни и стали жить, поневолѣ, на два дома. Со многими изъ нихъ мнѣ довелось впослѣдствіи встрѣтиться во время моей службы и сойтись близко, — и мнѣ, можетъ быть, придется еще говорить о нихъ болѣе обстоятельно и подробно.

Свѣтлыми полосами на темномъ фонѣ проходили эти сѣятели русскаго дѣла, — и немногимъ изъ нихъ посчастливилось уйти изъ края „вольной волею“: большинство ушло „нехотя“ — сначала, въ 1866 году, вслѣдъ за увольненіемъ К. П. Кауфмана, когда ихъ десятками увольняли отъ службы „для пользы службы“; а затѣмъ, въ 1868 году, тотчасъ же по назначеніи генералъ - губернаторомъ Потапова, который, иногда, увольняя отъ службы, выселялъ, въ то же время, изъ края уволенныхъ лицъ въ 24 часа. Именно такъ былъ уволенъ имъ и высланъ изъ Вильны коллежскій ассесоръ Л. Н. Антроповъ, занимавшійся впослѣдствіе литературою и написавшій извѣстную пьесу „Блуждающіе огни“. Вотъ подлинный рассказъ покойнаго Антропова объ этомъ увольненіи, слышанный мною отъ него лично, въ Москвѣ,

въ 1871 году, который я, кстати, и приведу здѣсь.

„Я служилъ въ Вильнѣ, въ канцеляріи генераль-губернатора — рассказывалъ Лука Николаевичъ, — и на меня, иногда, возлагались очень серьезныя и кропотливыя работы. Съ пріѣздомъ Потапова въ Вильну, когда систематически стали уничтожать все то, что было создано въ краѣ Муравьевымъ и Кауфманомъ, я, грѣшный человѣкъ, не стерпѣлъ — и сталъ, подѣ строжайшимъ инкогнито, подписывать въ „Голосъ“. Корреспонденціи мои производили въ Вильнѣ не малую сенсацію; начальство тщательно розыскивало автора, но найти не могло. Такъ шло дѣло мѣсяца два-три. Однажды, по случаю большого табельнаго дня, былъ у Потапова оффиціальныи обѣдъ, на который, въ числѣ другихъ, былъ приглашенъ и я. За этимъ обѣдомъ, генераль-губернаторъ, въ довольно громкомъ разговорѣ съ 3—ымъ, сталъ выражать свое *profession de foi* и свои взгляды по управленію краемъ; въ выраженіяхъ онъ, понятно, не стѣснялся, — такъ что, послѣ обѣда, мы, русскіе, ходили понуря голову, словно уличенные преступники, и подумывали только о томъ, какъ бы поскорѣе разойтись по домамъ;

бывшіе же на этомъ обѣдѣ поляки ходили, напротивъ, высоко задравъ носы и поглядывали на насъ самымъ оскорбительнымъ и вызывающимъ образомъ... Нѣсколько дней спустя послѣ этого позорища, я послалъ въ „Голосъ“ письмо „Изъ Сѣверо-Западнаго края“, которое редакція и помѣстила въ нижнемъ этажѣ газеты, фельетономъ. Въ этомъ злосчастномъ письмѣ, говоря о положеніи дѣлъ въ Литвѣ, я привелъ и взгляды Потапова; нѣкоторыя же подлинныя его фразы, сказанныя за обѣдомъ—самыя безцеремонныя,—я привелъ въ кавычкахъ, не указывая, конечно, высокопоставленнаго автора этихъ фразъ. Затѣмъ — я уже не могу сказать навѣрное, — самъ-ли я какъ нибудь сдѣлалъ по разсѣянности ошибку, или же редакція, въ которой хозяйничалъ тогда В. Леонтьевъ, но подъ фельетономъ появились двѣ буквы: Л. А... Фельетонъ этотъ былъ высланъ Потапову изъ Петербурга, какъ мнѣ потомъ передавали, министромъ внутреннихъ дѣлъ, генераломъ Тимашевымъ, подчеркнутый синимъ карандашемъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ стояли фразы Потапова въ роковыхъ кавычкахъ; требовались объясненія... Авторъ былъ розысканъ очень скоро: взяли списокъ приглашенныхъ къ обѣду, — и меня, раба Божьяго,

открыли... Однажды вечеромъ, я, ничего еще не знавшій объ этомъ открытіи, сидѣлъ въ своей квартирѣ и писалъ новую корреспонденцію въ „Голосъ“. Вдругъ, входитъ офицеръ, „пши“ № 12-й, и проситъ меня „пожаловать немедленно къ его высокопревосходительству“. Черезъ десять минутъ, я былъ уже во дворцѣ и проходилъ по заламъ, въ сопровожденіи того же самаго „пши“; передъ кабинетомъ меня остановилъ полковникъ Е—овъ, сухо поклонился мнѣ, не подавая руки, и пошелъ „доложить“. Я сейчасъ же догадался, что дѣло плохо: всѣ „пши“, толкавшіеся передъ кабинетомъ, или положительно отворачивались отъ меня, или же смотрѣли на меня такими глазами, какъ смотрятъ злые люди на преступника, ведомаго на казнь... Но вотъ, распахнулась дверь кабинета, показался Е—овъ и произнесъ беззвучное — „васъ просятъ!!!“ Войдя въ кабинетъ, я увидѣлъ Потапова бѣгающимъ своими маленькими шажками по ковру, съ какою-то бумажкою въ рукахъ. Онъ быстро направился ко мнѣ, остановился передъ самымъ моимъ носомъ и, потрясая рукою и бывшею въ ней бумажкою, спросилъ дрожащимъ отъ волненія и злобы голосомъ:

— Это что?...

Я взглянул на вырѣзку, узналъ нижній этажъ „Голоса“ — и отвѣтилъ: — Фельетонъ...

Потаповъ сверкнулъ на меня черезъ ринтепез глазами и почти задыхающимся голосомъ проговорилъ:

— Это вы писали? — и ткнулъ пальцемъ на инициалы моего имени...

Я всмотрѣлся — вижу стоятъ двѣ буквы — Л. А.. то есть, Лука Антроповъ... догадался, конечно, что это — мой фельетонъ, появленія котораго я ожидалъ, и, ничтоже сумняся, отвѣтилъ: — Я, ваше высокопревосходительство...

„Потаповъ, очевидно, никакъ не ожидалъ подобнаго откровеннаго отвѣта... Онъ отскочилъ отъ меня на нѣсколько шаговъ, словно ужаленный, потрясъ въ воздухѣ злополучнымъ фельетономъ и, почти съ пѣною у рта, проговорилъ:

— Милостивый государь! такіе поступки называются...

Тутъ онъ остановился, видимо, пріискивая слово... Вся кровь ударила мнѣ въ лицо: я боялся, что онъ скажетъ какое нибудь оскорбительное и неизвиняемое слово... Я инстинк-

тивно оглянулся — есть ли ктонибудь въ кабинетѣ; оказалось — никого...

— Такіе поступки... называются безтактствомъ!..

У меня полегчало на душѣ...

— Потрудитесь выѣхать изъ Вильны въ двадцать четыре часа и сейчасъ же подайте прошеніе объ отставкѣ!

Я молча поклонился, повернулся къ дверямъ — и вышелъ изъ кабинета. Когда я одѣвался въ передней, ко мнѣ подошелъ какой-то молодой жандармскій офицеръ и объявилъ, что ему поручено наблюдать за исполненіемъ приказанія генераль-губернатора относительно моей особы; то есть, говоря короче, онъ былъ приставленъ ко мнѣ на 24 часа... Мы вмѣстѣ пріѣхали на мою квартиру, вмѣстѣ пили чай, ужинали и вмѣстѣ укладывали мои вещи; ночевалъ этотъ офицеръ тоже у меня и терпѣливо ждалъ меня на другой день, когда я поѣхалъ подать прошеніе объ отставкѣ и кое съ кѣмъ проститься; онъ же очень любезно и проводилъ меня на вокзалъ желѣзной дороги и даже предупредилъ, чтобы я бралъ билетъ „подальше —

за черту виленскаго генераль-губернаторства *).

Точно также „нехотя“, хотя и не съ такою помпой и быстротою, былъ удаленъ изъ Вильны и Н. Н. Воскобойниковъ,—если не ошибаюсь, за свои корреспонденціи въ „Московскія Вѣдомости“. Я бы могъ насчитать дѣльные десятки очень почтенныхъ русскихъ людей, удаленныхъ изъ края самымъ оскорбительнымъ образомъ—за единственную ихъ вину, что они были русскіе, дѣйствовали въ русскомъ духѣ и не соглашались тянуть въ польскую¹ руку,—при измѣнившемся направленіи вѣтра во внутреннемъ управленіи этого несчастнаго Сѣверо-Западнаго края.

Иногда, при этихъ изгнаніяхъ русскихъ людей, случались и комическіе эпизоды. Въ 1868 году, мнѣ передавали въ Могилевѣ слѣдующій случай. Призываетъ, однажды, къ себѣ

*) Когда настоящія мои „Воспоминанія“ появились въ печати (въ „Историческомъ Вѣстникѣ“, въ 1884 году), то этотъ разсказъ объ Антроповѣ вызвалъ возраженіе со стороны нѣкаго г. Папроцкаго, утверждавшаго, что казусъ высылки изъ Вильны произошелъ съ нимъ, а не съ Антроповымъ. Я очень сомнѣваюсь въ этомъ—уже по одному тому, что г. Папроцкій, по его собственнымъ словамъ, служилъ въ то время въ полиціи, исправникомъ; а чины полиціи, какъ извѣстно, корреспонденцій не пишутъ и административнымъ высылкамъ не подвергаются.

Потаповъ почтеннаго Н. А. З—ова, на которомъ лежало крестьянское дѣло, и предлагаетъ ему подать въ отставку, прибавляя, между прочимъ, что обрусѣніе края, которому неутомимо служилъ З—въ, уже „отмѣнено“... З—овъ былъ человѣкъ флегматическій, говорилъ густымъ басомъ, медленно, обдумывая каждое свое слово.

— Ваше высокопревосходительство желаете, чтобъ я подалъ въ отставку?

— Да, желаю и даже требую этого отъ васъ.

З—овъ подумалъ.

— А я желаю служить и въ отставку не подамъ, ваше в—ство.

Потаповъ вспылилъ: — Я васъ выпшлю изъ Вильны!..

— За что же меня выслать, ваше в—ство?.. Я—статскій совѣтникъ, корреспонденцій въ газеты не пишу, дѣломъ своимъ занимаюсь усердно... Позвольте ужъ дождаться мнѣ въ Вильнѣ того времени, когда, въ свою очередь, ополченіе края будетъ „отмѣнено“, а обрусѣніе начнется сызнова...

Кончилось, однако, тѣмъ, что З—овъ былъ уволенъ отъ службы, такъ и не дождавшись отмѣны „ополченія“ края...

Страннѣе всего и, пожалуй даже, обиднѣе всего было то обстоятельство, что наша либеральная пресса того времени считала своимъ гражданскимъ долгомъ не только глумиться, но даже бросать грязью въ этихъ честныхъ борцовъ за русское дѣло, изгоняемыхъ генераломъ Потаповымъ изъ края, въ которомъ „обрусѣніе“ было такъ легкомысленно и неожиданно „отмѣнено“. Несчастные „патріоты“ очутились, вслѣдствіе этого, между двухъ огней: ихъ подвергали остракизму въ Вильнѣ и оплеванію въ Петербургѣ — со стороны либеральной печати. Но еще страннѣе и необычайнѣе было слѣдующее *qui pro quo* въ русской прессѣ того времени: упомянутые петербургскіе либералы вытаскивали лишь изъ огня каштаны — для газеты „Вѣсть“, издававшейся гг. Скарятинымъ и Юматовымъ... Тѣ и другіе пѣли въ унисонъ по вопросу о „патріотахъ“ Сѣверо-Западнаго края, хотя пѣли совершенно по разнымъ нотамъ. Но газета „Вѣсть“ ставила, по крайней мѣрѣ, вопросъ ребромъ, обвиняя насъ въ социализмѣ и коммунистическихъ дѣйствіяхъ; она прямо и откровенно „докладывала“ властямъ, потерявшимъ, послѣ извѣстнаго событія 4-го апрѣля, голову: „Тамъ (въ Сѣв.-Зап. краѣ) — съ одной сто-

роны мы видимъ массу голодныхъ пролетаріевъ, съ другой — отданное ей на жертву право собственности“. Между тѣмъ, надо было бы сказать слѣдующее: „Вся будущая судьба и имущественное благо почти шести милліоновъ крестьянъ, населяющихъ шесть губерній, устраиваются на вѣчныя времена на счетъ нѣсколькихъ тысячъ помѣщиковъ (въ числѣ которыхъ не мало русскихъ и нѣмцевъ), пользовавшихся, въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ, даровымъ трудомъ этихъ самыхъ шести милліоновъ“. А если эти комментарии продолжить, то можно бы было, пожалуй, прибавить слѣдующія мысли: „Крестьяне вознаграждались еще и за то, что не приняли участія въ мятежѣ и не обратили, такимъ образомъ, войну съ „москалями“ въ народную; помѣщики же (польскіе, преимущественно) наказывались „разореніемъ“, во-первыхъ, за открытое возстаніе, а во-вторыхъ, за свои недобросовѣстно составленныя—клонящіяся къ вѣчному порабощенію крестьянъ — уставныя грамоты; въ-третьихъ же, это мнимое „разореніе“ гарантировало для Россіи политическое спокойствіе въ краѣ, со стороны польскихъ помѣщиковъ, по крайней мѣрѣ лѣтъ на 30 — и ужъ во всякомъ случаѣ вплоть

до большой войны въ районѣ этого самаго края“.

Либеральныя „Отечественныя Записки“*), такъ горячо и неустанно проповѣдывавшія защиту и соціальное обезпеченіе „меньшихъ братій“ — т. е. крестьянъ же — стали выдать грязью въ насъ — „соціалистовъ“ (кличка, данная намъ „Вѣстью“), просто по одному подозрѣнію насъ въ „патріотизмъ“, чувствъ весьма консервативномъ, по ихъ мнѣнію, и въ которомъ мы, дѣйствительно, были немного грѣшны... Такъ или иначе, но я, вспоминая о томъ времени, невольно отмѣчаю этотъ фактъ замѣчательнаго единодушія между двумя столь различными направленіями тогдашней прессы и останавливаюсь надъ нимъ въ крайнемъ недоумѣніи... Ясно было, впрочемъ, одно: газета „Вѣсть“ хорошо и тонко знала — чтò она говоритъ, о чемъ и ради спасенія чего и кого; либеральный же журналъ, а за нимъ и нѣкоторыя газеты впоследствии, не знали и не понимали всей важности вопроса, о которомъ принялись разсуждать въ тонъ съ газетою гг. Скарятинъ и Юматова. Они не хотѣли знать дѣла, а видѣли

*) Настоящія „Воспоминанія“ были составлены въ 1883 г.

только людей и прежде всего Муравьева. При этомъ, ихъ поверхностный и близорукій петербургскій взглядъ видѣлъ лишь разные подонки и осадки русскаго приказнаго чиновничества, отъ которыхъ спѣшили освободиться многіе губернаторы-„патріоты“, начальствовавшіе во внутреннихъ губерніяхъ Россіи. Но Муравьевъ, обыкновенно, отправлялъ эти непригодные транспорты обратно, „въ Россію“, на счетъ доставившихъ ихъ губернаторовъ-„патріотовъ“. Понятно, что кое-что, не поддающееся уловленію на первыхъ порахъ, оставалось и въ краѣ; но все это, вмѣстѣ взятое, съ присоединеніемъ даже всей тучи „пши“, отъ которой не въ силахъ избавиться у насъ ни одинъ генералъ-губернаторъ и намѣстникъ, ни одинъ главнокомандующій (даже и такой, какъ на примѣръ, Черняевъ въ Сербіи),—все это не составляло собою тѣхъ русскихъ людей, которые явились въ край устроить бытъ и благо шестимилліоннаго крестьянскаго населенія, обнищавшаго, забитаго и низведеннаго панами на степень рабочаго скота, населенія, надъ православною вѣрою котораго глумились и надругались въ-явь, называя ее „хлѣпскою вірою“, населенія, въ жилахъ котораго отрицалась

даже человѣческая кровь, а допускалась лишь собачья—„пса крѣвь“... Насколько эти труженіи идеи выполнили свою великую задачу—я коснусь, отчасти, въ послѣдующихъ главахъ моего разсказа, въ которомъ теперь же прошу извинить нѣкоторую непослѣдовательность и неизбѣжныя забѣганія впередъ.

II.

Представленіе Муравьеву.—Его виѣшность и личность.—Легенды „о покушеніяхъ“ на него.—Дорога изъ Вильны до Борисова.—Еврейская „балагула“ и фурманъ-философъ.—Еврейская сила и эксплуатація.—Ріка ролоніса и крестьяне Минской губерніи.—Православное духовенство.—Крестьянскій хлѣбъ.—Городъ Борисовъ.—Легенда о Наполеонѣ.—Полковникъ Домбровскийъ.

На другой день, утромъ, я отправился во дворецъ, для представленія генералъ-губернатору Муравьеву. Въ первой большой залѣ я увидѣлъ массу различныхъ лицъ—чиновниковъ, военныхъ, духовныхъ, помѣщиковъ и дамъ; одни—представлялись, другіе были съ просьбами; не видно было ни одного крестьянина или крестьянки. Какой-то жандармскій полковникъ, кажется, г. Лосевъ, и поручикъ гвардейскаго стрѣлковаго баталіона Бибииковъ стали обхо-

дить всѣхъ собравшихся, спрашивать и записывать—кто и зачѣмъ? Затѣмъ началась сортировка: всѣхъ лицъ оффиціальныхъ и служащихъ попросили въ слѣдующую залу, называвшуюся „малиновою комнатою“, остальные остались въ этой, большой. Въ „малиновой комнатѣ“ насъ поставили по рангамъ и чинамъ, полукругомъ; сначала стали военные, а за ними гражданскіе чиновники; между послѣдними было нѣсколько человѣкъ въ придворныхъ мундирахъ — камергерскихъ и камеръ-юнкерскихъ. Все это ожидало Муравьева.

Не безъ нѣкотораго волненія ожидалъ я выхода и появленія этого—по описаніямъ и рассказамъ—страшнаго человѣка. Чего-чего только не говорилось въ то время о Муравьевѣ! какихъ ужасовъ не печатали о немъ въ заграничныхъ изданіяхъ и въ «Колоколѣ»!.. Въ одной изъ французскихъ газетъ, напримѣръ, рассказывалось, какъ о достовѣрномъ фактѣ, что поляковъ, политическихъ преступниковъ, подвергаютъ каждую ночь пыткамъ, въ присутствіи самого Муравьева; что, во время обѣда, ему ежедневно подаютъ красный борщъ, подкрашенный кровью пытаемыхъ преступниковъ... Весь этотъ и тому подобный вздоръ находилъ,

иногда, легковѣрныхъ читателей, которые вѣрили этому лганью безусловно.

Минуть десять мы стояли въ залѣ въ молчаливомъ ожиданіи; но вотъ, дверь слѣва, изъ кабинета, тихо отворилась и въ залу вошелъ Муравьевъ... Вся его внѣшность, дѣйствительно, производила не особенно пріятное впечатлѣніе: чрезвычайно полный и ожирѣвшій, съ короткою и толстою шеей, съ лицомъ безстрастнымъ и холоднымъ, на которомъ, подъ нависшими сѣдыми бровями, блестѣли недобрые, маленькіе глаза, устремлявшіеся, „какъ двѣ свинцовыя пули“, на того человѣка, съ которымъ онъ разговаривалъ... Сѣдые, коротко подстриженные усы и отвисшій жирный подбородокъ еще болѣе увеличивали тяжелое впечатлѣніе, производимое, на первыхъ порахъ, его внѣшностью. Въ pendant къ этому, отрывистыя фразы вопросовъ, металлическій тѣмбръ голоса и полуоборотъ къ каждому представляющемуся лицу бокомъ, вслѣдствіе глухоты на одно ухо...

Не болѣе пятнадцати минутъ было посвящено Муравьевымъ на всю эту церемонію. Выслушавъ обычную, казенную фразу представленія, онъ кивалъ головой, дѣлалъ какой ни-

будь короткій вопросъ въ родѣ: „гдѣ учились?“ „какой губерніи?“—и, шлепая мягкими сапогами по полу, переходилъ къ слѣдующему лицу. Ни для кого не нашлось у него ни теплаго слова, ни улыбки; я не замѣтилъ даже, чтобъ онъ подалъ кому нибудь руку, хотя въ числѣ представлявшихся было два-три генерала и нѣсколько придворныхъ, съ русскими и иностранными звѣздами и орденами. Самъ онъ одѣтъ былъ очень просто: въ обыкновенномъ сюртукѣ съ генеральскими погонами, на которыхъ былъ вышитъ номеръ той дивизіи, въ которой считался полкъ его имени; ни одного ордена не было на немъ. Въ правой рукѣ у него была толстая трость, на которую онъ сильно опирался. Вообще, онъ имѣлъ видъ совсѣмъ дряхлаго старика, разбитаго и болѣзнями, и годами, и надо было удивляться, какъ этотъ разслабленный старикъ могъ работать въ сутки по 18-ти часовъ, принимая доклады съ 5-ти часовъ утра!..

Когда онъ обошелъ весь нашъ полукругъ, мы думали, что онъ выйдетъ въ сосѣдній залъ, гдѣ ожидала его большая часть просителей, нуждавшаяся въ немъ, очевидно, больше нашего; но онъ круто повернулъ къ дверямъ ка-

бинета, пригласилъ, на ходу, какого-то генерала изъ числа представлявшихся и, вмѣстѣ съ нимъ, исчезъ изъ нашихъ глазъ. Когда мы проходили чрезъ большой залъ, то видѣли, что двое адъютантовъ Муравьева отбирали заготовленные ему прошенія; всей этой публикѣ было объявлено, что генералъ-губернаторъ, по немѣннѣю времени, не можетъ къ нимъ выйти... Тяжелое и жалкое чувство произвели на меня эти отверженные просители; между ними были сѣдые старики, масса дамъ, съ опухшими и красными отъ слезъ глазами, были и несчастныя дѣти... Все это держало въ дрожащихъ рукахъ „прошенія“—о помилованіи, о смягченіи участи виновныхъ, судившихся въ военныхъ судахъ, объ освобожденіи имѣній отъ наложенныхъ на нихъ конфискацій и секвестровъ...

Когда мы уже одѣвались въ передней, то большинство нашей публики (оффиціальной) утверждало, что Муравьевъ потому не вышелъ въ сосѣдній залъ, что, недѣли за двѣ передъ этимъ, тайная полиція Вильны пронюхала о новомъ, готовящемся, будто бы, на него покушеніи и предупредила его быть осторожнымъ. Насколько вѣренъ этотъ фактъ, я не знаю; но одно изъ штабныхъ при Муравьевѣ лицъ

передавало мнѣ на другой день, что подобное покушеніе, дѣйствительно, вещь очень возможная въ Вильнѣ, даже и теперь, по прошествіи почти года со времени подавленія мятежа въ краѣ; что мѣсяцевъ пять назадъ, въ числѣ просительницъ явилась молодая и изящно одѣтая дѣвушка-полька и, съ прошеніемъ въ рукахъ, ожидала Муравьева въ этомъ же большомъ залѣ; но одинъ изъ агентовъ полиціи далъ знать во дворецъ, всего за нѣсколько минутъ до выхода Муравьева въ залъ, что въ числѣ просительницъ имѣется новѣйшая Шарлота Кордэ.. Пригласили, по указанію агента, эту барышню въ особую комнату, обыскали ее и нашли при ней маленькій кинжалъ; но она не созналась въ готовящемся покушеніи и имѣніе при себѣ кинжала объяснила привычкою, усвоенною во время террора, носить при себѣ оружіе. Исторію эту я слышалъ въ послѣдствіе не разъ въ Могилевской и Минской губерніяхъ, изъ разныхъ источниковъ; по польскому варіанту, дѣвушка эта была повѣшена въ тюрьмѣ, по личному приказанію Муравьева. Это, конечно, ложь; но что ее не похвалили за ея „подвигъ“ — въ этомъ, понятно, не можетъ быть и сомнѣнія, если только, вообще, вся эта исторія не

легенда, раздутая русскими же изъ мухи въ слона.

Подобныхъ легендъ, связанныхъ съ именемъ Муравьева, ходило въ то время по устамъ не мало; фабриковались онѣ въ обоихъ лагеряхъ съ одинаковымъ усердіемъ и искусствомъ, хотя и съ совершенно разными цѣлями: одни видѣли въ этихъ легендахъ „о покушеніяхъ“ полезную для себя сенсацию, другіе — сочиняли ихъ по чувству понятной ненависти, изъ желанія смутить покой безстрашнаго врага...

Черезъ два дня я выѣхалъ изъ Вильны. Мнѣ надо было ѣхать въ Борисовъ, Минской губерніи. Желая поближе присмотрѣться къ краю, я рѣшилъ ѣхать не на почтовыхъ, а на долгихъ, и нанялъ въ Вильнѣ еврея-фурмана, оглядѣвъ, предварительно, его экипажъ и лошадей: лошади, пара, оказались очень хорошія, но экипажъ довольно подозрителенъ; это была „балагула“ — нѣчто въ родѣ русской телѣги, но гораздо длиннѣе ея и вся крытая... Скрѣпя сердце, я и мой человѣкъ усѣлись въ этотъ ковчегъ, наполнивъ его сначала вещами; сверхъ ожиданія, экипажъ этотъ оказался на-ходу очень спокойнымъ, т. е. сравнительно съ почтовой телѣжкой, и я въ первый же день путешествія

къ нему приновился и привыкъ. Мы ѣхали не особенно быстро; мой возница не пропускалъ ни одной корчмы, ни одного селенія и мѣстечка: онъ вездѣ останавливался, передавалъ свѣже добытыя новости Вильны, получалъ, за это, вза-мѣнъ, всѣ мѣстныя новости—и ѣхалъ дальше. Я нисколько не жалѣлъ, что не поѣхалъ на почтовыхъ: мнѣ, во-первыхъ, нужно бы было, съ вещами и человѣкомъ, брать двѣ телѣжки; а во-вторыхъ, летя на почтовыхъ, я не могъ бы ни видѣть, ни узнать обстоятельно и вблизи этого интересующаго меня края и народа. Мой фурманъ, какъ оказалось, занимался извозомъ болѣе 20-ти лѣтъ, родомъ онъ былъ изъ Минска, гдѣ у него имѣлся собственный домъ и семья; онъ хорошо зналъ свой край и народъ, но ко всѣмъ фактамъ и явленіямъ мѣстной жизни относился съ своей, чисто-еврейской точки зрѣнія и объяснялъ ихъ по-своему. Однажды, наприимѣръ, онъ слишкомъ много распространялся о бѣдности еврейскаго населенія; поэтому, я спросилъ его, указывая на работающихъ въ полѣ крестьянъ:

— Отчего же евреи не займутся хлѣбопашествомъ? ктò имъ мѣшаетъ работать и не

бѣдствовать (въ то время, я наивно полагалъ, что евреи, и въ самомъ дѣлѣ, бѣдствуютъ)...

Мой фурманъ обернулся всѣмъ корпусомъ, посмотрѣлъ на меня плутовскимъ взглядомъ и далъ мнѣ слѣдующій многознаменательный отвѣтъ, который отлично сохранился въ моей памяти, вслѣдствіе своей оригинальной логики и нѣкоторой доли цинизма.

— Теперь, отвѣтилъ фурманъ,—мужики пахутъ землю и ѣдятъ хлѣбъ съ мякиной и лебедой, а евреи не пахутъ землю и ѣдятъ хлѣбъ чистый. Если же евреи станутъ пахать землю, то кто же тогда будетъ ѣсть чистый хлѣбъ?!..

Евреи разсуждали очень вѣрно. Зачѣмъ имъ пахать землю, когда для того есть мужикъ, трудъ котораго они привыкли эксплуатировать въ самыхъ широкихъ размѣрахъ? Польскіе помѣщики тоже находятся въ ихъ цѣпкихъ рукахъ: ни одинъ панъ ничего не продастъ и не купитъ безъ посредства еврея. Возстаніе еще болѣе способствовало евреямъ затянуть покрѣпче мертвую петлю, закинутую ими на помѣщичью шею; девять десятыхъ помѣщиковъ оказалось въ неоплатныхъ долгахъ у евреевъ; сначала деньги брались „на офяру“, т. е. на возстаніе, а потомъ для того, чтобы выпутаться какъ ни-

будь изъ бѣды, выйти сухими изъ воды; наконецъ, деньги нужны были и на жизнь тѣмъ, которые уцѣлѣли, и тѣмъ, которые были сосланы. Въ банкахъ же и приказахъ общественнаго призрѣнія денегъ подъ имѣнія нельзя было достать уже, потому что $\frac{2}{3}$ имѣній были заложены еще раньше, до возстанія. И вотъ началась отдача въ еврейскія руки, въ аренду, на долгіе сроки, земель и всѣхъ доходныхъ статей въ имѣніяхъ—корчемъ, мельницъ, заводовъ, и все это за полцѣны, а иногда и того менѣе; началась вырубка и опустошеніе лѣсовъ, отдача луговъ въ аренду на тѣхъ же долгосрочныхъ условіяхъ... Въ еврейскія же руки перешла и вся почти помѣщичья движимость. Часто, по дорогѣ, я встрѣчалъ въ корчмахъ старинную дорогую мебель изъ краснаго дерева, зеркала въ золоченыхъ рамахъ, дорогіе ковры, массивные бронзовые подсвѣчники; — все это покупалось корчмарями за безцѣнокъ у помѣщиковъ или на аукціонахъ. Забравъ въ свои руки всѣ имѣнія, евреи, понятно, подчинили себѣ и крестьянъ, живущихъ при этихъ имѣніяхъ, и очень естественно, что имъ не было нужды пахать землю и ѣсть „нечистый“ хлѣбъ... Въмѣсто „обрусѣнія“, которое, какъ извѣстно, въ концѣ

концовъ не удалось, край ожидался, если можно такъ выразиться, и довольно успѣшно и быстро... Недоставало только права евреямъ покупать имѣнія на свое имя; но и это право было имъ впослѣдствіи дано. А когда потомъ послѣдовало вновь воспрещеніе евреямъ покупать имѣнія на свое имя, то они стали подыскивать подставныхъ лицъ и обходили законъ самымъ отличнымъ образомъ... А крестьяне, между тѣмъ, изъ помѣщичьей кабалы попали въ еврейскую, еще болѣе худшую и безжалостную. Мнѣ потомъ, по должности мирового посредника, приходилось не разъ вчинать войну противу этой кабалы, и всегда евреи выходили побѣдителями... Но объ этомъ мнѣ доведется, можетъ быть, говорить ниже, и въ свое время.

Едва только я переѣхалъ изъ Виленской губерніи въ Минскую, какъ внѣшняя фізіономія народа быстро измѣнилась: вмѣсто Литвы, начиналась Бѣлоруссія, этотъ забытый Богомъ и забытый людьми край.... Въ первый разъ въ жизни, я увидѣлъ людей съ колтунами на головахъ. Это — страшная и отвратительная болѣзнь волосъ (*plika polonika*), свойственная лишь этой мѣстности; колтунъ встрѣчается въ Минской и Могилевской губерніяхъ очень часто, въ каж-

домъ почти мѣстечкѣ и селеніи; въ Витебской губерніи его можно встрѣтить гораздо рѣже. Избавиться отъ этой ужасной болѣзни невозможно, коль скоро разъ она началась. Подъ Минскомъ, въ корчмѣ, во время кормленія лошадей, я встрѣтилъ одного отставного чиновника казенной палаты, еще не стараго, потерявшаго совершенно зрѣніе: онъ рѣшился срѣзать колтунъ, т. е. остричься, и ослѣпъ; а иногда, послѣ произвольнаго снятія колтуна, отнимаются ноги, или руки; самъ онъ сваливается съ головы очень рѣдко, и то лишь спустя долгіе годы.

Крестьяне Минской губерніи поражали меня своимъ испитымъ, болѣзненнымъ видомъ, малымъ ростомъ, бѣлаго сукна рубищами, въ которыя были одѣты. Избы ихъ всѣ курныя, темныя, сырыя; лошади ихъ ростомъ не больше обыкновенныхъ годовыхъ жеребятъ въ нашихъ внутреннихъ губерніяхъ; земля—или сплошныя болота въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, или „подзѣлица“, родящая при удобреніи самъ-другъ и рѣдко самъ-третей. Недаромъ, покойный Добролюбовъ замѣтилъ, что бѣлоруссы совсѣмъ измелъчавшая и забитая человѣческая раса, мало похожая на обыкновенныхъ людей...

По дорогѣ, когда приходилось кормить ло-

шадей въ селеніяхъ, гдѣ были православныя церкви, я шель, обыкновенно, въ домъ священника и знакомился. Духовенство это жило бѣдно и принижено; во время возстанія они натерпѣлись не мало страху и обидъ отъ повстанцевъ; нѣсколько священниковъ Минской губерніи были даже повѣшены за свою преданность русскому правительству. Деревянныя церкви въ селеніяхъ были тоже очень бѣдны и ветхи; рѣдкія изъ нихъ имѣли паникадилы. Даже въ Борисовѣ, городѣ большомъ и населенномъ, православный соборъ былъ деревянный и очень бѣдный; единственное украшеніе его снаружи состояло изъ старыхъ, громадныхъ, пирамидальныхъ тополей. Какъ бы въ противоположность православнымъ храмамъ, всегда по близости ихъ стоялъ грандіозный польскій костелъ, непременно красивый, каменный, просторный, съ каменными же постройками для ксендзовъ (плебанствомъ), съ роскошнымъ садомъ. Все было рассчитано на эффектное преимущество передъ православіемъ, насажденномъ здѣсь лишь со времени обращенія уніатовъ, при митрополитѣ виленскомъ Іосифѣ Сѣмашко; но православіе это пришлось не ко двору Литвѣ и Бѣлоруссіи, и съ теченіемъ времени неофиты опо-

лячивались попрежнему; іезуитско - польская пропаганда дѣлала свое дѣло искусно и успѣшно, и край, мало-по-малу, утрачивалъ свой русскій обликъ... Не случись возстанія, то чрезъ какіе нибудь десять-двадцать лѣтъ, великое дѣло Сѣмашки погибло бы безслѣдно. Доходило уже до того, что сами священники говорили съ своими прихожанами, въ большинствѣ случаевъ, по-польски. Если крестьянинъ приходилъ въ домъ священника съ какою нибудь требой, то первую его фразой, послѣ поклона, было обычное: „Нѣхъ бѣндзе похваленный Езусъ Христусъ!“ —на что священникъ отвѣчалъ обыкновенно: „Амен!..“ Паны и экононы внушали крестьянамъ, что „ксендза плебана потшѣба для пана, а пѡпа для жаднѣго хлѡпа“, и крестьяне, смущаемые этимъ догматическимъ изреченіемъ, подтверждавшимся дѣйствительностью, тянули въ костелъ, а не въ церковь. Православные храмы пустѣли: польскіе же костелы были полны народу, преимущественно крестьянъ. И это въ мѣстечкахъ; о городахъ уже и говорить нечего. Тогда, нѣкоторые православные священники, изъ бывшихъ уніатовъ, чтобы удержать за собою разбѣгающуюся паству, прибѣгли къ слѣдующему малодушному приему: въ русскихъ

церквахъ они, понемногу, стали вновь вводить обряды прежняго уніатскаго богослуженія... Еще въ 1864 году, т. е. спустя годъ послѣ возстанія, я, во время пребыванія въ Борисовѣ, встрѣтилъ въ православномъ соборѣ, во время все-нощной, употребленіе колокольчиковъ, и священникъ, при земныхъ поклонахъ, падалъ на землю „вршижемъ“...

Подъ Борисовымъ верстъ за десять, мы остановились въ маленькой деревнѣ, чтобы дать усталымъ лошадямъ вздохнуть немного. Такъ какъ корчмы тутъ никакой не было, то я послалъ достать хлѣба для себя, къ завтраку, у крестьянъ. Человѣкъ мой ходилъ очень долго и вернулся ни съ чѣмъ: говорить — хлѣба во всей деревни ни у кого нѣтъ... Въ одной только хатѣ онъ нашелъ полхлѣба, но не рѣшился купить его:

— Вы не станете кушать этотъ хлѣбъ, добавилъ онъ:—очень ужъ плохъ...

Я велѣлъ ему купить хотя бы и этого, плохого хлѣба. Черезъ нѣсколько минутъ, онъ принесъ кусокъ, фунта въ два, чернаго, какъ земля, хлѣба. Попробовали мы нарѣзать его и ѣсть; но это оказалось выше силъ: первый же кусокъ, положенный въ ротъ, ободралъ и иско-

лолъ мнѣ все нѣбо, и я такъ и не могъ проглотить его; вкусъ этого хлѣба былъ тоже отвратительный—кислый, прѣлый, съ запахомъ гнили и плѣсени. Какіе именно суррогаты входили въ составъ этого ядовитаго вещества — осталось для меня неизвѣстнымъ. Въ другихъ дворахъ той же деревни, какъ я сказалъ, и такого даже хлѣба не было: крестьяне давно уже питались злаками — щавелемъ, грибами, ягодами...

При самомъ въѣздѣ въ Борисовъ, у отлично устроеннаго подъемнаго моста черезъ рѣку Березину, насъ остановилъ военный караулъ: унтеръ-офицеръ потребовалъ мой „видъ“, осмотрѣлъ его и меня, — и тогда только пропустилъ въ городъ. Какъ оказалось, порядки эти были установлены, во время возстанія, во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ и сохранились еще пока въ Борисовѣ, гдѣ уѣзднымъ военнымъ начальникомъ былъ командиръ Малоярославскаго полка, 'полковникъ Домбровскій, воспитывавшійся въ бывшемъ Дворянскомъ полку, отбывшій нѣсколько компаній, раненый нѣсколько разъ и имѣвшій всѣ, возможные въ его чинѣ, ордена.

Самый городъ оказался похожимъ на всѣ

уѣздные еврейскіе города и мѣстечки; рѣдко-рѣдко гдѣ виднѣлось каменное строеніе; посреди площади бродили еврейскія козы и коровы, ряды и лавки на площади были деревянные. Вокругъ города, по ту сторону Березины, сохранились еще „батареи“ — т. е. насыпи бывшихъ здѣсь батарей, устроенныхъ въ 12-мъ году, при отступленіи французовъ изъ Россіи. Какъ извѣстно, Наполеонъ съ остатками своей арміи переправился ниже Борисова, верстъ на десять; еще живы были два старика, свидѣтели этой переправы, въ то время бывшіе молодыми парнями. О самой переправѣ французовъ сохранилась на мѣстѣ слѣдующая легенда. Когда стали подходить ихъ войска къ Борисову, и маршаламъ сдѣлалось извѣстно, что вблизи моста черезъ рѣку Березину устроены батареи, тогда вся французская армія взяла влѣво, ниже Борисова; но когда подошли къ Березинѣ, то не рѣшались идти по льду, изъ опасенія, что ледъ не выдержитъ артиллеріи. Тогда, будто бы, Наполеонъ, встрѣтивъ какого-то старика крестьянина, обласкавъ его я, чрезъ поляка-переводчика, спросилъ, — въ какомъ мѣстѣ, черезъ рѣку, возятъ крестьяне сѣно съ той стороны? Старикъ и указалъ бродъ че-

резъ рѣку, гдѣ она была очень мелка; черезъ этотъ бродъ и спасены были остатки французской артиллеріи; а крестьянинъ, за свое указаніе, получилъ отъ Наполеона нѣсколько золотыхъ монетъ. Легенда эта, какъ извѣстно, не совсѣмъ вѣрна исторически, но, тѣмъ не менѣе, она сохранилась между крестьянами въ такой именно редакціи.

У подгородныхъ крестьянъ и у борисовскихъ мѣщанъ сохранилось множество французскаго оружія, найденнаго ими на мѣстѣ переправы и боя и вытащеннаго впослѣдствіи, весною 13-го года, изъ рѣки Березины. Одинъ крестьянинъ продалъ мнѣ ружье, кремневое, съ очень длиннымъ стволомъ, доставшееся ему отъ отца, который нашелъ это ружье на мѣстѣ переправы французовъ. Сабли французскія сохранились тоже у многихъ крестьянъ и переходятъ, какъ и ружья же, отъ отца къ сыну, какъ память событія; во время минувшаго возстанія, оружіе это покупали, иногда, поляки, но дѣйствовать этимъ оружіемъ противъ русскихъ войскъ имъ пришлось очень мало: полковникъ Домбровскій ловилъ и уничтожалъ банды повстанцевъ въ Борисовскомъ уѣздѣ при самомъ ихъ появленіи и первыхъ дѣйствіяхъ, и навелъ

такой паническій страхъ на поляковъ, что они трепетали при одномъ его имени и, за-глаза, называли его обыкновенно, „дикимъ вепремъ“ и „перекрестомъ“, между тѣмъ какъ Домбровскій былъ только честнымъ офицеромъ, не измѣнившимъ присягѣ, и даже оставался, по прежнему, католикомъ.

III.

Воровская шайка въ Борисовскомъ уѣздѣ. — Разбойничья шайка пятидесятихъ годовъ. — Поимка атамана и его смерть. — Еврей Носонъ. — Постройки Борисова. — Начавшіеся поджоги и пожары. — Три пожара 10-го мая. — Ночь послѣ этихъ пожаровъ и утро 11-го мая. — Приѣздъ губернатора Шелгунова. — Наступившій голодъ и дороговизна хлѣба. — Помощь горѣльцамъ.

Въ Борисовѣ мнѣ довелось пробыть почти годъ — именно до начала мая 1865 года, — и, въ это время я былъ очевидцемъ страшнаго бѣдствія, постигнаго этотъ несчастный городъ. Постараюсь рассказать все по порядку.

Всю зиму, съ 1864 на 1865 годъ, въ Борисовскомъ и въ сосѣднихъ съ нимъ уѣздахъ дѣйствовала какая-то весьма искусная и опытная воровская шайка, сформированная и организованная довольно правильно: она ловко

хоронила концы и, не смотря на всѣ усилія мѣстныхъ властей, не могла быть ни открыта, ни переловлена. По поводу этой шайки была даже образована, зимою, въ Борисовѣ особая комиссія, — которая, къ сожалѣнію, ничего не открыла. Впрочемъ, съ наступленіемъ весны, воровства и грабежи въ уѣздѣ не много утихли, но зато начались новыя бѣдствія—пожары, — и именно въ Борисовѣ...

Здѣсь мнѣ приходится прервать, ненадолго, нить своего разсказа о бѣдствіи, постигшемъ Борисовъ, и перенестись за нѣсколько лѣтъ назадъ, къ событіямъ, имѣвшимъ, какъ увидятъ читатели, нѣкоторую связь съ пожарами. Событія эти напоминаютъ собою главу изъ какого нибудь французскаго уголовнаго романа, но, тѣмъ не менѣе, они происходили въ дѣйствительности.

Въ концѣ сороковыхъ годовъ, въ Минской губерніи, въ Игуменскомъ и Борисовскомъ уѣздахъ, въ лѣсахъ дѣйствовала смѣлая разбойничья шайка, открыто нападавшая на проезжающихъ. Долго ловили эту шайку, но изловить все-таки не могли; однажды, отрядъ инвалидныхъ солдатъ изъ борисовской команды захватилъ было шайку на мѣстѣ ея ночлега въ

лѣсу, въ шалашахъ, но шайка оказала вооруженное сопротивленіе: на выстрѣлы инвалидовъ отвѣчала трескотней изъ винтовокъ, — и почтенное инвалидное воинство отступило, а шайка благополучно скрылась. Но когда, вслѣдъ за тѣмъ, ограблена была денежная почта, идущая изъ Минска, то для поимки шайки командированы были двѣ роты армейскаго полка изъ Минска, которымъ, наконецъ, послѣ долгихъ поисковъ, и удалось-таки настичь шайку и разбить ее на-голову; большинство разбойниковъ, отбивавшихся очень отчаянно, легло на мѣстѣ, остальные были ранены и взяты въ плѣнъ; самая незначительная часть — два-три человека — успѣли пробиться черезъ цѣпь атакующихъ и скрылись въ лѣсу; въ числѣ ихъ былъ и атаманъ шайки, родомъ еврей. Его долго искали по лѣсамъ и по мѣстечкамъ Минской губерніи, и даже объявлена была денежная награда, въ 500 рублей, тому, кто его доставитъ. Но, однако, никто не указалъ и не доставилъ ловкаго атамана властямъ, — и рѣшено было, что онъ скрылся за границу. Такъ какъ его шайка имѣла въ каждомъ городѣ своего агента, то и въ Борисовѣ былъ тоже агентъ — еврей Носонъ, ускользнувшій отъ слѣдствія и суда.

И вотъ, разъ, темною осеннею ночью, мѣсяца два уже спустя послѣ уничтоженія шайки, въ двери Носона тихо постучался атаманъ и попросилъ укрыть его, въ погребѣ, дня на два, на три; но, прежде чѣмъ укрыться, атаманъ показалъ Носону небольшой ящичекъ, въ родѣ шкатулки, наполненный деньгами и золотыми вещами; затѣмъ они оба отправились, тою же ночью, за рѣку Березину, въ сосновый лѣсъ, расположенный за бывшими, въ 12-мъ году, нашими батареями, — и тамъ атаманъ закопалъ свое сокровище, взявъ клятву съ Носона, что въ случаѣ, если какъ-нибудь его, атамана, изловятъ, то чтобы ящикъ этотъ былъ переданъ его женѣ и дѣтямъ, проживавшимъ гдѣ-то подъ Пинскомъ. Носонъ далъ клятву—и они оба возвратились въ Борисовъ; здѣсь атаманъ былъ спрятанъ въ погребъ, а Носонъ отправился вновь въ лѣсъ, вырылъ ящикъ, закопалъ его въ другое мѣсто и, возвратившись въ Борисовъ, явился къ исправнику съ сообщеніемъ, что въ его погребъ, находящійся на дворѣ, спрятался какой-то неизвѣстный человѣкъ... Атамана-разбойника взяли, судили военнымъ судомъ и приговорили къ прогнанію сквозь строй, чрезъ тысячу человѣкъ, 12 разъ. Вскорѣ послѣ этого

страшнаго наказанія, онъ и умеръ въ больницѣ. Догадавшись, конечно, что онъ былъ предательски выданъ Носономъ, атаманъ, во время слѣдствія, разсказалъ исторію съ ящикомъ, а также и о томъ, что Носонъ былъ въ Борисовѣ агентомъ ихъ шайки. Ящика, понятно, не нашли—оказалась только свѣже взрытая земля на томъ мѣстѣ,—но Носонъ былъ все-таки преданъ суду за принадлежность къ шайкѣ. Минская уголовная палата оставила его „въ сильномъ подозрѣніи“; но общество борисовскихъ евреевъ составило приговоръ о нежеланіи своемъ принять его къ себѣ и ходатайствовало о выселеніи его въ Сибирь. Благодаря ловкости Носона, а можетъ быть, и „ящику“, доставшемуся ему, приговоръ этотъ былъ найденъ незаконнымъ и неправильно составленнымъ,—и Носонъ вновь явился на жительство въ Борисовъ... Здѣсь онъ устроилъ кузницу и началъ, повидимому, скромную и труженическую жизнь. Съ обществомъ борисовскихъ евреевъ онъ избѣгалъ всякихъ сношеній и сторонился отъ нихъ; они ему платили, конечно, тѣмъ же, хотя всѣ сильно побаивались его — чтобы онъ не отомстилъ имъ какъ-нибудь за ихъ приговоръ о ссылкѣ. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Когда

началось польское возстаніе, Носонъ заперъ наглухо свою кузницу и занялся политическими доносами — преимущественно на борисовскихъ евреевъ, такъ или иначе помогавшихъ повстанцамъ и чѣмъ-либо прикосновенныхъ въ мятежу. За годъ возстанія, онъ успѣлъ отомстить многимъ своимъ врагамъ и навелъ паническій страхъ на остальныхъ. Но ему всего этого казалось еще мало...

Какъ только, въ концѣ апрѣля и въ началѣ мая 1865 года, начались въ Борисовѣ пожары, то всѣ тотчасъ же убѣдились, что пожары эти происходятъ не отъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ, а отъ поджоговъ. Затѣмъ, народная молва стала прямо указывать на Носона, какъ на главнаго и единственнаго виновника этихъ пожаровъ... За нимъ стали присматривать и строго слѣдить каждый его шагъ; онъ узналъ, конечно, объ этомъ и принялъ свои мѣры: почти нигде не выходилъ изъ дома, кромѣ базара и синагоги; арестовать его, поэтому, не было никакой причины. Пожары, между тѣмъ, продолжались по прежнему — горѣло почти каждый день гдѣ нибудь... Уѣздный военный начальникъ Борисова, полковникъ Домбровскій, командовавшій въ то время Малоаро-

славскимъ пѣхотнымъ полкомъ, принялъ при тушеніи этихъ пожаровъ самыя энергическія мѣры: добылъ новыя пожарныя трубы изъ Вильны, учредилъ ночные патрули и караулы, являлся на пожаръ всегда однимъ изъ первыхъ, и проч., но все это, къ сожалѣнію, не могло спасти Борисова...

Весна въ то время стояла, какъ нарочно, сухая—съ половины апрѣля не было ни капли дождя; дни были холодные и съ сильными вѣтрами. Главною же бѣдой Борисова, какъ и всякаго еврейскаго уѣзднаго города, было его неправильное распланированіе и сплошныя деревянные, крытыя гонтомъ и даже соломой, постройки. Евреи обыкновенно строятся въ уѣздныхъ городахъ и мѣстечкахъ такъ: получивъ разрѣшеніе выстроить деревянный домъ, въ пять или меньше оконъ на улицу, съ обязательствомъ покрыть его деревомъ (гонтомъ), еврей-хозяинъ, онъ же самъ и архитекторъ, выстроить непременно еще двѣ-три лачуги на дворѣ, крытыя соломой, къ дому пристроить какуюнибудь лавочку, затѣмъ, на томъ же дворѣ, выстроить сарай для склада товаровъ, и застроить такимъ образомъ всю площадь своей усадьбы сплошными деревянными постройками, крытыми

гонтомъ и соломою. Сосѣдъ его устраиваетъ у себя то же самое, и т. д., подъ-рядъ... Во всемъ городѣ было всего лишь два каменныхъ строенія: казначейство, крытое желѣзомъ, помѣщавшееся на площади, и костель, крытый деревомъ, выстроенный внизу Минской улицы, спускавшейся къ рѣкѣ Березинѣ. Надо было, просто, удивляться тому обстоятельству, что Борисовъ, представлявшій такую сплошную пищу огню и систематически при этомъ поджигаемый, ежедневно, съ конца апрѣля мѣсяца, продержался кое-какъ цѣлыхъ двѣ недѣли...

Но вотъ наступило роковое 10-е мая. Наканунѣ, вечеромъ, я былъ въ гостяхъ у полковника Домбровскаго; кромѣ меня, тамъ были и мѣстные городскія власти. Запелъ, понятно, разговоръ о пожарахъ. Исправникъ обратился къ Домбровскому.

— Пока, Ромуальдъ Эдуардовичъ, вы не арестуете Носона, до тѣхъ поръ пожары у насъ не прекратятся.

— Арестовать его по однимъ подозрѣнiямъ, отвѣчалъ Домбровскій, — нельзя; а во-вторыхъ, вы всѣ убѣждены, что Носонъ не одинъ, что у него есть товарищи; слѣдовательно, его арестъ нисколько не поможетъ дѣлу.

Разговоръ на эту тему продолжался довольно долго, и было рѣшено, насколько припоминаю, арестовать Носона лишь въ томъ случаѣ, если этого потребуетъ само еврейское общество. Едва мы ушли въ тотъ вечеръ за ужинъ, какъ подъ самыми окнами квартиры Домбровскаго затрещалъ барабанъ, бившій тревогу... Понятно, мы всѣ побѣжали на пожаръ, случившійся тутъ же на площади; горѣлъ нежилой сарай при домѣ какого-то еврея... Солдаты Малоюрославскаго полка и тысячи евреевъ, быстро сбѣжавшіеся на пожаръ, потушили его въ каіе-нибудь полчаса. Была тихая, майская ночь, и огонь поэтому не успѣлъ охватить сосѣднихъ строеній. Почти до разсвѣта мы всѣ, гости Домбровскаго, и онъ самъ пробыли на этомъ пожарѣ. Къ нашей группѣ, помню, подходили и евреи, и польскіе помѣщики, проживавшіе въ Борисовѣ, и всѣ единогласно говорили, что виновникомъ всѣхъ этихъ пожаровъ Носонъ... Почему? этого никто не объяснялъ толково и обстоятельно. Евреи прямо заявляли Домбровскому, что они хотятъ выбираться изъ города за Березину, въ сосновый лѣсъ, со всѣмъ своимъ имуществомъ и скарбомъ. Мы разошлись по квартирамъ въ самомъ тяжеломъ рас-

положеніи духа: поджигаютъ, въ самомъ дѣлѣ, городъ каждый день, и нѣтъ возможности прекратить эти злодѣйства!..

Утромъ, 10-го мая, едва только мнѣ подали самоваръ, какъ въ соборѣ зазвонили въ набатъ; вслѣдъ затѣмъ заиграли тревогу военные рожки и забили барабаны... Я выскочилъ на крыльцо гостинницы, въ которой остановился, и увидѣлъ шагахъ въ въ трехстахъ маленький дымокъ; живо добѣжавъ туда, я засталъ пожаръ почти уже потушеннымъ: евреи и солдаты залили огонь до прибытія пожарныхъ трубъ. Оказалось, что это былъ несомнѣнный поджогъ: въ стѣну нежилого сарая были воткнуты обмазанныя фосфоромъ и смолою небольшія лучинки; тутъ же лежала залитая водою пакля и рогожа. Сарай примыкалъ къ дому ботатаго еврея-купца, который былъ однимъ изъ главныхъ виновниковъ составленія общественнаго приговора о ссылке Носона въ Сибирь. Евреи по окончаніи пожара обступили Домбровскаго и вновь стали указывать ему на Носона.

— Обратитесь ко мнѣ черезъ вашихъ кагалныхъ выборныхъ, и я тогда только его арестую, отвѣчалъ имъ Домбровскій.

— Мы зѣразъ, пане пулковнику, зѣразъ,

отвѣчали евреи, и хлынули въ сторону, по направленію къ ратушѣ...

— Сегодня долженъ быть въ Борисовѣ губернаторъ, сообщилъ намъ Домбровский: — и я этому очень радъ; онъ мнѣ развяжетъ руки: заставлю городъ купить еще десять пожарныхъ трубъ и завести настоящую пожарную команду.

Въ это время, часовъ около 10-ти, начинался уже рѣзкій и холодный сѣверо-восточный вѣтеръ; пыль носилась по улицамъ Борисова столбами и залѣпляла глаза. Мы собирались было расходиться съ этого пожара по домамъ, какъ вдругъ увидѣли цѣлую толпу евреевъ, идущую по площади со стороны Березины; въ толпѣ былъ какой-то мальчуганъ, лѣтъ 12-ти, со связанными назади руками. Оказалось, по словамъ евреевъ, что онъ будто бы хотѣлъ поджечь цѣпной мостъ черезъ рѣку Березину и уже разводилъ огонь внизу подъ мостомъ... Мальчикъ трясся какъ въ лихорадкѣ и упорно молчалъ. Его арестовали, конечно. Пока происходила эта исторія съ мальчикомъ, другіе евреи вернулись изъ ратуши, и въ лицѣ своихъ выборныхъ просили Домбровскаго объ арестованіи Носона. Полковникъ согласился, и, въ каче-

ствѣ военнаго уѣзднаго начальника, предложилъ судебному слѣдователю произвести этотъ арестъ. Когда пришли къ Носону арестовать его, онъ мирно работалъ на своей кузницѣ и сдѣлалъ очень удивленное лицо, узнавъ, зачѣмъ къ нему явились власти. Какъ только его отвели къ острогу, всѣ евреи сейчасъ же успокоилились: — Хвала Богу! хвала Богу! злапали злодія...

Однако, въ 2 часа дня, въ городѣ вновь раздались зловѣщіе звуки церковнаго набата, барабаны и рожки. Загорѣлся небольшой складъ дровъ, вблизи площади, на одной изъ плотно застроенныхъ улицъ. Поджигатели, очевидно, рассчитывали на этотъ горючій матеріалъ, что онъ дружно вспыхнетъ и обратится въ громадный пожаръ. Этого можно было ожидать еще и потому, что сильный вѣтеръ, начавшійся послѣ второго пожара, превратился въ настоящую бурю. Но надежды эти на тотъ разъ не оправдались: евреи какъ муравьи облѣпили загорѣвшіяся дрова, затушили ихъ и раскидали по полѣну въ разные стороны. Любо было смотрѣть на нихъ, какъ они работали!.. Пожаръ этотъ, все-таки, поразилъ всѣхъ своею неожиданностью, такъ сказать: только что аресто-

вали Носона, главнаго, по общему гласу народа, виновника пожаровъ, а они начались crescendo — второй случай въ одинъ день...

Къ пяти часамъ дня, буря усилилась еще больше: словно ураганъ носился по улицамъ города непрерывно; черныя тучи пыли, просто, залѣпляли глаза, — и я съ трудомъ добрался изъ table d'hôte, отъ памятнаго мѣста пана Юзефа, гдѣ обѣдалъ, въ свой номеръ гостиницы, гдѣ жилъ. Только что, было, прилегъ я отдохнуть немного, какъ услышалъ новый колокольный набатъ... Выйдя на улицу, я увидалъ не только дымъ, но уже и сильный огонь въ сторонѣ перваго пожара, бывшаго въ 9 часовъ утра. Черезъ двѣ-три минуты я былъ на мѣстѣ пожара. Полковникъ Домбровскій лихо распоряжался уже тамъ и отстаивалъ сосѣдній домъ; оказалось, что загорѣлся какъ разъ тотъ самый сарай въ томъ же домѣ, гдѣ былъ пожаръ утромъ... Въ то время, какъ евреи и солдаты употребляли самыя неимоверныя усилія отстоять сосѣдній съ пылавшимъ сараемъ домъ и не дать распространиться огню далѣе, къ Домбровскому подбѣжалъ какой-то унтеръ-офицеръ и крикнулъ ему задыхающимъ голосомъ:

— Ваше в—дiе! еще въ двухъ мѣстахъ горить!!..

Я машинально оглянулся назадъ, — и увидѣлъ длинные огненные языки въ двухъ, совершенно противоположныхъ отъ насъ, концахъ, но на той же базарной площади...

Всѣ, понятно, бросились бѣгомъ по своимъ квартирамъ — спасать вещи... Но пока я добѣжалъ до гостинницы, правая сторона площади была вся уже въ огнѣ; сухія, деревянные и соломенные крыши вспыхивали моментально, а буря, еще болѣе усилившаяся съ началомъ пожара, быстро переносила огонь съ крыши на крышу, съ улицы на улицу... Евреи, сидѣвшіе въ лавкахъ, по обыкновенію, съ дѣтьми, бросились въ свои дома; въ лавкахъ же, которыя не успѣли запереть, оставили дѣтей — чтобы они караулили ихъ и, кстати, не мѣшали бы матерямъ и отцамъ спасать изъ своихъ домовъ вещи. Нѣкоторыя изъ этихъ несчастныхъ дѣтей сгорѣли впоследствии — когда неожиданно вспыхнули и всѣ эти лавки, занимавшія середину площади...

Вскорѣ пожаръ превратился въ одно безграничное, бушующее огненное море... Воздухъ накалился до такой степени, что становилось

тяжело дышать; искры били въ лицо какъ острыя иглы; солнце совсѣмъ померкло отъ огня и дыма и казалось въ небѣ какимъ-то тусклымъ, краснымъ пятномъ... Вещи и мебель, вынесенныя на площадь, вспыхивали отъ сыпавшихся искръ и просто отъ нестерпимой жары; двѣ пожарныя трубы, очутившіяся въ улицѣ внезапно вспыхнувшей съ обѣихъ сторонъ, не могли уже выбраться изъ огня: солдаты кое-какъ спаслись, а лошади и самыя трубы сгорѣли... Сгорѣла также масса скота, изъ того, который былъ не въ стадѣ; на другой день, я видѣлъ цѣлыя десятки лошадей, свиней и козъ, лежавшихъ посреди улицъ и на дворахъ, совсѣмъ обуглившихся, распухшихъ отъ жара... По официальнымъ донесеніямъ, сгорѣло $\frac{9}{10}$ всего тогдашняго Борисова... Сгорѣли цѣлыя улицы, всѣ присутственные мѣста (кромѣ казначейства), православный деревянный соборъ, единственная въ городѣ аптека, всѣ трактиры и гостинницы, всѣ еврейскія синагоги, и пр.; отъ улицъ остались однѣ аллеи каменныхъ трубъ, да груды мусора и угля—и только!.. Помню тотъ моментъ, когда глухо загудѣли и рухнули колокола съ пылавшей колокольни православнаго собора...

потомъ послѣдовали взрывы ротныхъ цейхаузовъ, откуда не успѣли выхватить солдатскіе патроны, взрывы складовъ спирта, керосина и пр... Губернаторъ Шелгуновъ подѣхалъ къ Борисову со стороны Минска, переѣхалъ цѣнной мостъ черезъ Березину, но далѣе уже не могъ двигаться—передъ нимъ была сплошная масса огня... Онъ повернулъ назадъ, въ предмѣстье, пріютился у какого-то мельника, за рѣкой, и только часа два спустя по приѣздѣ могъ дать знать въ городъ о своемъ прибытіи... Уже поздно ночью, когда огонь, за неимѣніемъ пищи, сталъ утихать, полковникъ Домбровский пробрался окольными путями къ мосту, переѣхалъ за Березину и явился къ губернатору съ рапортомъ, что городъ Борисовъ — былъ... Нечего, конечно, и говорить о томъ, что всю эту ночь никто не спалъ въ городѣ... Рано утромъ, 11-го мая, когда только-что стало всходить солнце, я и мой добрый другъ П. А. Рахманинъ отправились бродить по городу... Страшныя картины разрушенія и смерти были на каждомъ шагу; люди, какъ тѣни, ходили по своимъ пепелищамъ, наклонялись, раскапывали горячую золу руками и искали чего-то... Еврейки, съ распущенными волосами и съ ли-

цами, искаженными отъ горя и ужаса, розыскивали своихъ потерянныхъ дѣтей... Я встрѣтилъ офицера, подполковника Бѣлослюдова, который шелъ въ кафтанѣ своего кучера; въ началѣ третьяго пожара, онъ спалъ и выскочилъ на улицу въ одномъ бѣльѣ; потомъ, выхватилъ изъ горѣвшаго уже дома своихъ дѣтей, а самъ такъ и остался безъ платья — у него сгорѣло буквально все. У одного молодого офицера Малоярославскаго же полка, Зацѣпина, сгорѣлъ ручной медвѣженосъ, — и онъ ходилъ по пожарищу и плакалъ о своемъ воспитанникѣ. Такъ ужъ, должно быть, ведется въ мірѣ: трагическое идетъ рука-объ-руку съ смѣшнымъ...

У пятидесяти тысячнаго населенія города, спасагося отъ огня за Березину и въ противоположную сторону, т. е. въ поле, и собравшагося на другой день опять въ несуществующій уже городъ, не было самаго главнаго — хлѣба. Всѣ запасы погорѣли; изъ деревень подвезено еще не было... И вотъ, тутъ я имѣлъ возможность вдоволь надивиться на еврейское гешефтмахерство и корысть: часамъ къ 9-ти утра, на площади сидѣли уже евреи и еврейки съ вѣсами въ рукахъ и торговали разными

продуктами — маленькими ржаными хлѣбами, гречневою крупой, солью, пшеномъ и проч.; цѣны у нихъ были страшныя на все: такъ, напримѣръ, маленькій черный хлѣбъ, вѣсившій $\frac{1}{2}$ фунта, стоилъ 5 — 6 коп., фунтъ крупы — 17 и 20 коп., и пр. П. Н. Шелгуновъ сильно возмущенъ всѣмъ этимъ барышничествомъ жидовъ, явившихся, какъ оказалось, изъ-за рѣки Березины, т. е. изъ той слободы Борисова, гдѣ не было пожара, — и тотчасъ же, совместно съ Домбровскимъ, принялъ мѣры къ прокормленію многотысячнаго голоднаго населенія: посланы были гонцы во всѣ сосѣднія селенія и мѣстечки для закупки хлѣба и прочихъ продуктовъ, — и все, что удалось достать, было, къ вечеру того же 11-го мая, привезено въ Борисовъ и раздавалось неимущимъ людямъ, безъ различія, конечно, вѣроисповѣданій, бесплатно. Хищные жида съ площади были изгнаны, установлены были таксы на всѣ продукты, и пр.

Я уѣхалъ изъ Борисова черезъ два дня послѣ этого страшнаго пожара, и не знаю, поэтому, что стало съ евреемъ Носономъ, такъ жестоко отомстившимъ городу и обще-

ству за свой остракизмъ *). Я знаю только, что въ Борисовѣ была учреждена какая-то чрезвычайная комиссія, подъ предсѣдательствомъ жандармскаго штабъ-офицера, для разслѣдованія всѣхъ этихъ поджоговъ и раскрытія виновныхъ. Затѣмъ, я знаю, что великій князь Николай Николаевичъ (Старшій) пожертвовалъ бѣднѣйшимъ жителямъ Борисова, на постройку домовъ, лѣсъ изъ своего сосѣдняго имѣнія, а покойный государь оказалъ значительную денежную помощь всѣмъ погорѣльцамъ города безъ изъятія; офицеры Малоярославскаго полка получили отъ имени Государя половину всей стоимости сгорѣвшаго у нихъ имущества. Самъ же я, лично, понесъ въ этомъ пожарѣ весьма чувствительную и невознаградимую потерю: какой-то солдатикъ выхватилъ изъ огня мой дорожный, небольшой сундукъ съ бумагами, который я всегда возилъ съ собой, и поста-

*) О печальной судьбѣ этого еврея я узналъ лишь нѣдѣлю, изъ письма борисовскаго уѣзднаго исправника, къ которому я обратился съ вопросомъ по этому поводу. Еврей Носонъ (по прозвищу Косой) былъ вскорѣ послѣ пожара освобожденъ изъ-подъ ареста, по неизвѣстнѣму уликъ; но, спустя два-три года, онъ былъ застрѣленъ, вечеромъ, изъ ружья, пулею, въ окно его дома; имя убійцы осталось неизвѣстно.

И. З.

вилъ его на площади, вблизи лавокъ; остальные мои вещи, попавшія на другую часть площади, были спасены, а сундучекъ этотъ сгорѣлъ до-тла. Въ немъ было до десяти большихъ тетрадей народныхъ пѣсенъ, записанныхъ мною въ различныхъ губерніяхъ Россіи, гдѣ мнѣ, до этого, доводилось странствовать; тамъ же была и сгорѣла еще болѣе дорогая для меня вещь — рукопись моего покойнаго отца, описавшаго, въ качествѣ очевидца, бунтъ въ Черниговскомъ пѣхотномъ полку.

IV.

Могилевскій губернаторъ Беклемишевъ. — Характеристика населенія Могилевской губерніи. — Капитанъ генеральнаго штаба Людвигъ Жвиржовскій (Тѣпоръ). — Горыгорецкій земледѣльческій институтъ. — Взятіе и разграбленіе повстанцами Горокъ. — Дальнѣйшая судьба шайки Тѣпора и его казнѣ.

Изъ Борисова я уѣхалъ въ городъ Могилевъ (на Днѣпрѣ). Въ Могилевской губерніи, гдѣ мнѣ суждено было потомъ прожить и прослужить шесть лѣтъ, при разныхъ генераль-губернаторахъ, начальникомъ губерніи былъ въ это время Александръ Петровичъ Беклемишевъ, сынъ, если не ошибаюсь, бывшаго шталмей-

стера при императорѣ Николаѣ, лишившагося службы и дальнѣйшей карьеры вслѣдствіе извѣстнаго несчастія съ государемъ, подъ городомъ Чембаромъ Пензенской губерніи *). Это былъ единственный гражданскій губернаторъ изъ всѣхъ шести губернаторовъ Сѣверо-Западнаго края, подвѣдомаго Муравьеву. На губернаторскій постъ онъ былъ назначенъ въ 1858 году; при немъ ввелось положеніе 19-го февраля, при немъ же началось и окончилось польское возстаніе, захватившее своимъ чернымъ размашистымъ крыломъ и часть Могилевской губерніи — преимущественно уѣзды Горецкій, Рогачевскій и Оршанскій, — при чемъ повстанцы взяли, разграбили и сожгли уѣздный городъ Горки. О губернаторѣ Беклемишевѣ — этомъ честномъ, добромъ и выдающемся по своему уму человѣкѣ **) — мнѣ придется въ своихъ запискахъ упомянуть не разъ, впослѣдствіи. Теперь же, я прямо перейду къ Могилевской гу-

*) При паденіи и ломкѣ дорожной кареты, государь, какъ извѣстно, вывихнулъ себѣ руку и долго лечился въ Чембарѣ. Вина и отвѣтственность за это событіе легли на шталмейстера Беклемишева.

И. З.

**) А. П. Беклемишевъ умеръ въ 1878 году, въ Петербургѣ, членомъ совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ.

И. З.

берніи вообще и, затѣмъ, къ тому событію, которое надѣлало въ свое время такъ много шума въ Россіи и заграницей—т. е. взятію повстанцами города Горокъ. Это, какъ извѣстно, былъ единственный городъ, который имъ удалось взять и разграбить за все время возстанія 1863 года. Ни въ Литвѣ, ни въ царствѣ Польскомъ они не взяли болѣе ни одного города, ни даже мѣстечка.

Могилевская губерніи и часть Витебской считаются настоящею уже Бѣлоруссіей, болѣе чѣмъ Минская губернія, гдѣ въ числѣ народонаселенія есть литва и татары (последніе имѣютъ даже въ Минскѣ свою мечеть). Могилевская губернія—одна изъ самыхъ бѣднѣйшихъ и несчастнѣйшихъ губерній въ Россіи: бѣднѣйшая—по качеству своей земли, несчастнѣйшая—по тому количеству евреевъ, которое въ ней проживаетъ. По оффиціальнымъ даннымъ, это племя вампировъ проживаетъ въ Могилевской губерніи въ количествѣ 120-ти тысячъ; но, въ дѣйствительности, ихъ вдвое, если не втрое, больше; въ одномъ Шкловѣ, громаднѣйшемъ мѣстечкѣ Могилевского уѣзда, расположенномъ по обоимъ берегамъ Днѣпра, прожи-

ваетъ ихъ тѣма тѣмущая*). „Поляковъ“, собственно, въ Могилевской губерніи совсѣмъ нѣтъ; католиковъ же считается 38 тысячъ обоюго пола; тутъ и помѣщики и чиновники, и шляхта и ополченные дворовые крестьяне — т. е. лакейство и прочая дворня. Костеловъ въ Могилевской губерніи, сравнительно, очень много: въ одномъ Могилевѣ ихъ насчитывалось семь, да 33 по уѣздамъ. И вотъ, въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ насчитывалось большее число костеловъ — этихъ сущихъ гнѣздъ повстанья, — тамъ прежде всего и началось, въ началѣ 1863 года, политическое броженіе умовъ — среди помѣщиковъ и мелкой шляхты; такъ, напримѣръ, Рогачевскій и Оршанскій уѣзды, въ которыхъ приходилось по шести костеловъ въ каждомъ, первые подняли знамя мятежа. Ксендзы фанатизировали женщинъ, а эти, въ свою очередь, электризовали сыновей, мужей и братьевъ, посылая ихъ въ лѣсъ, въ повстанье. Такимъ образомъ, въ Могилевской губерніи и сформировалось нѣсколько бандъ, изъ коихъ одна, подъ начальствомъ капитана генеральнаго штаба Людвига

*) Всѣхъ евреевъ въ Россіи считается 1.800,000 — по официальнымъ цифрамъ; въ дѣйствительности же ихъ больше, конечно, чѣмъ вдвое.

Жвиржовскаго (подъ псевдонимомъ Тѣпора), напала, въ ночь на 24-е апрѣля 1863 года, на уѣздный городъ Горки и взяла его.

Губернаторъ Беклемишевъ, не смотря на весь свой обширный и дальновидный умъ, ничего не въ силахъ былъ тутъ подѣлать и предотвратить: онъ былъ окруженъ плотною стѣною польскаго дворянства, съ губернскимъ предводителемъ княземъ Любомірскимъ во главѣ, и столь же плотною стѣною польскаго чиновничества, наполнявшаго рѣшительно всѣ канцеляріи и присутственныя мѣста... Войскъ въ Могилевской губерніи было въ то время очень немного, — такъ что, на примѣръ, въ Горкахъ, кромѣ обыкновенной инвалидной команды, никого не было. Этимъ обстоятельствомъ и воспользовались повстанцы при ночномъ нападеніи на беззащитный и спокойно спавшій городъ.

Дѣло это было такъ *):

Капитанъ Жвиржовскій, проживавшій въ началѣ 1863 года въ Петербургѣ, былъ назначенъ „воеводою Могилевской губерніи“, по распоряженію изъ Варшавы, со стороны ржонда.

*) Разсказъ написанъ со словъ очевидцевъ и по officialнымъ донесеніямъ
И. З.

Онъ успѣшилъ прибыть на свое воеводство и, съ фальшивымъ паспортомъ на имя офицера Велички, преспокойно проживалъ, до поры до времени, въ Рогачевскомъ уѣздѣ, у одного изъ посвященныхъ въ дѣло ойчизны польскихъ помѣщиковъ. Между тѣмъ въ Горкахъ, въ стѣнахъ тамошняго земледѣльческаго института, среди студентовъ - поляковъ (между которыми было немало уроженцевъ изъ царства Польскаго), шла подготовительная работа: нѣкто студентъ Висковскій, назначенный, распоряженіемъ ужъ Жвирждовскаго, „начальникомъ“ Горы-Горокъ, формировалъ втихомолку шайку — изъ студентовъ, гимназистовъ, молодыхъ польскихъ чиновниковъ и изъ недорослей-дворянъ — и набралъ, такимъ образомъ, болѣе ста человѣкъ... У всѣхъ у нихъ были кое-какія ружья, по большей части охотничьи, былъ порохъ, пули, различныхъ фасоновъ и временъ сабли; все это было, конечно, припрятано въ укромныхъ мѣстахъ, преимущественно въ стѣнахъ института. Наконецъ, когда всѣ нужныя приготовленія были сдѣланы, дано было знать Жвирждовскому-Топору, въ Рогачевскій уѣздъ, что все де готово — что ему стоитъ лишь придти и взять беззащитный городъ.

Тѣпоръ, получивъ это увѣдомленіе Висковскаго, соблазнился возможностью легкой и дешевой побѣды и далъ знать, что 23-го апрѣля прибудетъ въ Горки, „съ войскомъ“... Войско это онъ живо набралъ въ Рогачевскомъ, Оршанскомъ и Могилевскомъ уѣздахъ, изъ среды помѣщиковъ, чиновниковъ и шляхты, и, выступивъ въ лѣсъ, какъ будто „на охоту“ (такъ говорилось православной прислугѣ), вся эта банда, въ количествѣ, тоже, ста съ чѣмъ-то человѣкъ, вооруженныхъ охотничьими ружьями и пистолетами, собралась на ночлегъ въ имѣніе князей Любомірскихъ, гдѣ встрѣтила самый радушный приемъ. Ночью они послали лазутчика въ Горки, узнать у Висковскаго — все ли готово, и, по полученіи утвердительнаго отвѣта, выступили, передъ разсвѣтомъ, въ походъ...

Городъ Горы-Горки спалъ спокойнымъ и безмятежнымъ сномъ, не подозрѣвая и не ожидая ничего. Исправника въ городѣ не было; представитель военной власти, старичокъ инвалидный капитанъ, ничего не опасаясь, крѣпко почивалъ на своей постели...

Рано утромъ, повстанцы вошли въ городъ съ соблюденіемъ строжайшей тишины; къ нимъ на встрѣчу, въ той же тишинѣ, вышла банда

Висковскаго, и когда обѣ шайки соединились подъ общимъ начальствомъ Тѣпора, то все это, съ громкими криками и ружейною пальбою, ринулось въ городъ... Отъ пальбы и запылавшаго, вслѣдъ затѣмъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ пожара, испуганные жители и инвалидные солдаты повывскакивали, въ чемъ попало, на улицу и не сразу, конечно, сообразили въ чемъ дѣло... Повстанцы же, первымъ долгомъ, окружили уѣздное казначейство и обрушились, всѣми своими силами, на единственнаго часового, охранявшаго это зданіе; у инвалида-часового ружье заряжено не было, патроновъ при немъ тоже не имѣлось... Но онъ долго и отчаянно защищался штыкомъ, пока, наконецъ, студентъ Доморацкій не выстрѣлилъ въ него, почти въ упоръ, изъ пистолета; часовой повалился мертвымъ, и казначейство, такимъ образомъ, было взято. Повстанцы накинута на деньги. 15 тысячъ, принадлежавшія горы-горецкому институту, лежали въ особомъ небольшомъ деревянномъ ящикѣ; ящикъ этотъ разбили и деньги вынули и передали „довудцѣ“ Тѣпору; но съ казеннымъ большимъ сундукомъ повстанцы ничего не могли подѣлать: разбить желѣзный

сундукъ они были не въ силахъ, а ключей не было — они были у казначея, который такъ искусно спрятался, что его искали по всему городу, но найти не могли. Тогда сундукъ вытащили изъ казначейства на улицу и положили его на особую фуру*).

Пока шелъ этотъ грабежъ въ казначействѣ, шайка повстанцевъ, доходившая, въ общемъ, до двухъ-сотъ слишкомъ человекъ, безчинствовала въ городѣ. Запаливъ его въ нѣсколькихъ мѣстахъ разомъ, мелкая шляхта принялась за грабежъ въ домахъ. Жители стали было тушить пожаръ, но повстанцы открыли пальбу по тѣмъ, кто тушилъ, — и такимъ образомъ, одного обывателя убили, а пятерыхъ ранили. Сгорѣло въ то утро всего болѣе 70-ти домовъ. Жвирждовскій страшно сердился и бранился за поджоги и грабежъ, но остановить свою распущенную вольницу былъ не въ силахъ: недисциплинированная и неприученная

*) Сундукъ этотъ былъ увезенъ, потомъ, въ Горы-Горетскій институтъ, гдѣ повстанцы желали попить и отдохнуть; но, вслѣдствіе внезапной тревоги, выступивъ изъ института второпяхъ, они не взяли съ собой этого драгоценнаго сундука и онъ былъ, поэтому, возвращенъ въ казначейство въ цѣлости. Уздникъ казначей получилъ въслѣдствіе ордена Станислава 3-й степени.

къ повиновенію банда не хотѣла его ни знать, ни слушать... Интересно при этомъ еще слѣдующее обстоятельство. Довудца Жвирждовскій-Тѣпоръ, во все время нападенія на Горки, былъ одѣтъ не въ кунтушъ или чамарку, а въ мундиръ капитана генеральнаго штаба, въ эполетахъ и съ аксельбантами черезъ плечо...

Покончивъ съ казначействомъ и грабежомъ, шайка устремилась на инвалидный цейхаузъ; тутъ инвалидные солдаты оказали было нѣкоторое сопротивленіе, но такъ какъ ихъ было очень мало и они были безъ ружей, то цейхаузъ скоро былъ взятъ. При этомъ было убито 8 человекъ солдатъ, а со стороны повстанцевъ былъ убитъ студентъ Доморацкій. Оказалось, что солдаты потому были безъ ружей, что вся ихъ амуниція и все оружіе, съ ротнымъ барабаномъ вмѣстѣ, сложены были въ этомъ самомъ цейхаузѣ и заперты казеннымъ замкомъ, а ключъ находился у инвалиднаго капитана; солдаты, безъ приказанія начальника, не осмѣлились разбить, въ началѣ тревоги, замокъ и снять часового, — и поплатились за эту ненаходчивость жизнью. Между тѣмъ, ихъ старичокъ-командиръ, застигнутый въ постели, во время сладкаго сна, былъ давно

уже взять въ плѣнъ и, какъ военный трофей, торжественно былъ переданъ доводцѣ, который и сдалъ его подъ караулъ своей банды. Въ ротномъ цейхаузѣ повстанцы тотчасъ же разбили двери и отыскиали солдатскія ружья, патроны, барабанъ и прочій казенный скарбъ; все это было, конечно, разграблено, а частью поломано и перепорчено. Особому ожесточенію со стороны нападавшихъ подвергались наши двуглавые орлы, красовавшіеся на нѣкоторыхъ присутственныхъ мѣстахъ; ихъ срывали и съ яростью топтали и ломали...

Только одно казенное зданіе въ городѣ не подверглось нападенію: это былъ острогъ, въ которомъ караулъ, подъ начальствомъ инвалиднаго унтеръ-офицера, преспокойно занималъ свой постъ. Жвирждовскій, какъ военный, хорошо зналъ, что солдаты караулятъ острогъ не съ пустыми руками; что у нихъ есть и ружья и патроны,—и потому, вѣроятно, не повелъ свою банду на штурмъ этого укрѣпленнаго пункта. Онъ отрядилъ, съ частью банды, нѣкоего помѣщика Маргулеса въ Горы-Горецкій земледѣльческій институтъ съ приказаніемъ „взять“ и арестовать директора и приготовить „встрѣчу“ шайкѣ; а самъ, между

тѣмъ, приказалъ собрать на площадь „народъ“, желая объяснить ему все происшедшее.

И вотъ, повстанцы стали сгонять силою всѣхъ встрѣчныхъ на площадь, близъ русской церкви, — и когда, такимъ образомъ, собрали нѣсколько десятковъ человѣкъ перепуганныхъ и ограбленныхъ обывателей, Жвирждовскій выѣхалъ къ нимъ, верхомъ, въ своемъ русскомъ мундирѣ, и сталъ держать рѣчь: онъ громкогласно объявилъ, что власть русскаго государя въ этомъ краѣ прекратилась, что отнынѣ Могилевская губернія принадлежитъ царю польскому, состоящему подъ покровительствомъ императора французовъ, войска котораго должны будутъ вступить сюда; что отъ нихъ, обывателей, требуется вѣрность въ служеніи ихъ новому правительству, которое не оставитъ облегчить ихъ нынѣшнія государственныя тяготы, наложенныя на нихъ московскимъ царемъ, и предоставить имъ всякія льготы — и волю, и землю, и свободу торговли и промысловъ, и т. д. Народъ, бывшій, за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ, свидѣтелемъ жестокихъ и бесполезныхъ убійствъ, грабежа и пожара, истребившаго въ городѣ болѣе 70-ти обывательскихъ домовъ, — въ угрюмомъ молчаніи слушалъ разглагольствованія

оратора о наступившихъ „лучшихъ временахъ“ и не отвѣчалъ ему ничего... Тогда, раздосадованный доудца, прервавъ рѣчь, отправился, съ большею частью шайки, въ институтъ.

Въ институтѣ, гдѣ инспекторъ Жабенко (полякъ) успѣлъ уже приготовить „встрѣчу“, Жвирждовскій былъ принятъ съ большимъ почетомъ. Затѣмъ, приступили къ похоронамъ убитаго студента Доморацкаго: трупъ его завернули въ богатый коверъ, вырыли въ институтскомъ саду могилу и, съ ружейною пальбою, опустили и закопали покойника въ землю. Послѣ этого началось большое пиршество и угощеніе. Многіе изъ студентовъ—русскіе—не принимали вовсе участія ни въ пиршествѣ, ни въ похоронахъ.

Но и въ институтѣ дѣло не обошлось безъ убійства—столь же безцѣльнаго и жестокаго, какъ и свершенныя въ Горкахъ. По распоряженію Жвирждовскаго, шайка стала забирать казенныя телѣги, принадлежавшія институту, и впрягать въ нихъ институтскихъ лошадей. Какой-то старикъ сторожъ, отставной солдатъ, вздумалъ защищать казенную собственность и не давать телѣгъ; повстанцы накинудись на старика, долго его мучили и, въ концѣ, убили-таки.

Богъ вѣсть, сколько времени пропировала бы шайка въ гостепріимномъ институтѣ; но случилось слѣдующее, неожиданное и весьма непріятное для нея обстоятельство. Пока повстанцы угощались и безчинствовали въ Горы-Горецкомъ институтѣ, жители города опомнились, вооружились чѣмъ попало и напали на бродившихъ и грабившихъ по Горкамъ мятежниковъ, оставшихъ отъ главныхъ силъ шайки и не попавшихъ въ институтъ. Произошла схватка, во время которой четырехъ повстанцевъ убили, двухъ ранили, а четырехъ схватили, связали и сдали подъ караулъ въ острогъ. Уцѣлѣвшіе повстанцы прибѣжали въ институтъ и принесли съ собою эту неожиданную вѣсть... Произошелъ страшный переполохъ — шайка Жвирждовскаго быстро начала собираться къ выступленію и, второпяхъ, не успѣла забрать съ собою ни институтскихъ телѣгъ съ казенными лошадьми, ни даже сундука съ деньгами казначейства, который такъ и остался неотпертый, брошенный среди институтскаго двора. Одного лишь старика, инвалиднаго капитана, какъ живой трофей, мятежники увели съ собою. Въ 4 часа дня (24-го апрѣля), шайка быстро выступила изъ института и, не заходя

въ Горки, направилась по дорогѣ на имѣніе Дрибино, помѣщика Тихановецкаго, куда, часамъ въ 8-ми вечера, и пришла на ночлегъ. Тихановецкій встрѣтилъ „побѣдителей“ съ отверзтыми объятіями, и здѣсь шло, до поздней ночи, разливанное море.

Между тѣмъ, горецкій исправникъ, находившійся, во время нападенія на городъ, въ уѣздѣ, узнавъ, что Горки взяты и разграблены, поскакалъ въ Могилевъ и далъ знать губернатору Беклемишеву обо всемъ случившемся. Весь городъ поднялся на ноги; евреи волновались больше всѣхъ, — разчитывая, что шайка Жвирждовскаго непременно придетъ въ Могилевъ, возьметъ его и подвергнетъ участи Горокъ, т. е. — огню и мечу...

Беклемишевъ, не будучи человѣкомъ военнымъ, распоряжался, однако, очень энергически и умѣло. Онъ собралъ у себя нѣчто въ родѣ военнаго совѣта и, разложивъ топографическія карты Могилевской губерніи на столѣ, живо составилъ надлежащія военныя инструкціи, которыя и разослалъ начальникамъ отдѣльныхъ военныхъ частей, расположенныхъ по сосѣдству съ горецкимъ уѣздомъ, предписывая имъ немедленно атаковать шайку Тѣпора и унич-

тожить. Но — благодаря тому обстоятельству, что самъ губернаторъ Беклемишевъ (какъ я уже упомянулъ выше) былъ окруженъ польскими чиновниками, всѣ его распоряженія дѣлались извѣстны полякамъ и тотчасъ же сообщались въ шайки. Такъ произошло и въ данномъ случаѣ.

Въ Могилевѣ проживалъ нѣкій докторъ Оскерко, человѣкъ очень общительный, неглупый и ловкій. Вращаясь во всѣхъ сферахъ города Могилева, онъ учредилъ, ко времени возстанія, въ своей квартирѣ нѣчто въ родѣ военно-политическаго бюро, куда и должны были доставляться всѣ секретныя распоряженія, дѣлаемые губернаторомъ и получаемыя изъ Вильны. Такимъ образомъ, и всѣ распоряженія Беклемишева по преслѣдованію шайки Жвирждовскаго-Топора были сообщены доктору Оскерко очень скоро. Жвирждовскій, на другой же день, т. е. 25-го апрѣля, имѣлъ у себя точныя копіи всѣхъ военныхъ распоряженій, сдѣланныхъ относительно преслѣдованія его шайки. Поэтому, онъ, выступивъ изъ Дрибина, направился съ своею шайкою на юго-западъ, рассчитывая попасть въ минскія лѣса, гдѣ онъ легче могъ укрыться и, наконецъ, соединиться съ какою нибудь дру-

гою пайкою, изъ бродившихъ въ Минской губерніи. Онъ шелъ довольно быстро, останавливаясь лишь въ околицахъ у шляхты для короткаго отдыха и вербованія новыхъ повстанцевъ; но шляхта шла въ банду неохотно и плохо вѣрила въ близкую помощь польскаго короля и французскихъ войскъ. Еще большее fiasco претерпѣлъ Жвирждовскій во время подобныхъ же приглашеній, обращенныхъ къ православнымъ бѣлорусскимъ крестьянамъ Могилевской губерніи: крестьяне упорно отмалчивались и, по уходѣ повстанцевъ, считали ихъ за одурѣлыхъ: „наши паны сдурѣли“, — говорили крестьяне между собою...

Наконецъ-таки, шайка Жвирждовскаго была настигнута въ Быховскомъ уѣздѣ, при переправѣ черезъ рѣку Проню, близъ мѣстечка Пропойска, русскимъ маленькимъ отрядомъ, состоявшимъ всего изъ одной роты и двухъ артиллерійскихъ орудій, подъ общимъ начальствомъ подполковника Богаевского. Но Жвирждовскій распорядился въ это время очень искусно: послѣ переправы черезъ Проню всей шайки, онъ тотчасъ же зажегъ паромъ, на которомъ переправлялись повстанцы, — такъ что, когда подполковникъ Богаевскій подо-

шелъ къ рѣкѣ, то увидѣлъ горѣвшій паромъ и „утекающую“, по ту сторону рѣки, шайку. Онъ сдѣлалъ по ней два выстрѣла картечными гранатами; первый выстрѣлъ разорвался надъ самыми головами повстанцевъ, и они разсыпались во всѣ стороны. Жвирждовскій потомъ собралъ ихъ кое-какъ воедино и двинулся-было съ своею шайкою дальше; но въ это время къ нему явился курьеръ изъ Могилева отъ доктора Оскерко, привезшій весьма печальное извѣстiе о томъ, что всѣ остальные шайки Могилевской губерніи (оршанская, сѣнинская и черноручкая) разбиты и уничтожены, а предводители ихъ взяты въ плѣнъ и будутъ судимы полевымъ военнымъ судомъ... Въ той же депешѣ, Оскерко совѣтовалъ Жвирждовскому немедленно прибыть въ Могилевъ, одному—гдѣ онъ, лично, будетъ болѣе безопасенъ, чѣмъ въ томъ случаѣ, если станетъ укрываться по лѣсамъ и помѣщичьимъ фальваркамъ.

Жвирждовскій рѣшился воспользоваться этимъ благоразумнымъ совѣтомъ, — тѣмъ болѣе, что уже кругомъ поднимались крестьяне Могилевской губерніи и начинали ловить и хватать неосторожно отдѣлявшихся отъ шайки одиночныхъ повстанцевъ. Довудца собралъ шайку,

держалъ къ ней рѣчь, свалилъ вину неудачи на запоздавшія французскія войска и совѣтовалъ спасаться всѣмъ кто какъ можетъ; затѣмъ, простился съ повстанцами и, въ сопровожденіи лишь одного человѣка, уѣхалъ отъ шайки. Онъ прѣблагополучно пріѣхалъ въ Могилевъ, на почтовыхъ лошадяхъ, которыхъ бралъ на станціяхъ по казенной подорожной на имя капитана Величко,—и здѣсь его укрылъ тотъ же докторъ Оскерко. Немного времени спустя, когда первые горячіе поиски за Жвирждовскимъ-Тѣпоромъ стихли, онъ, искусно загримированный, выѣхалъ изъ Могилева и пробрался въ Минскую губернію, гдѣ, въ послѣдствіе, былъ схваченъ и казненъ.

Повстанцы, проводивъ своего доудца и выругавъ его „шпегомъ“, рѣшили воспользоваться объявленнымъ, незадолго до того, манифестомъ объ амнистіи всѣмъ добровольно являющимся изъ лѣсовъ повстанцамъ, — и, выбравъ изъ своей среды нѣсколькихъ уполномоченныхъ, послали ихъ, 30-го апрѣля, въ мѣстечко Пропойскъ, къ тамошнему становому приставу, съ заявленіемъ, что они сдаются въ руки русскихъ властей „добровольно“ и просятъ лишь о томъ, чтобы становой прибылъ „какъ можно

скорѣе“ — въ видахъ огражденія ихъ отъ нападений крестьянъ, которые, въ то время, начинали уже подниматься поголовно противу повстанцевъ. Становой приставъ, въ сопровожденіи сотскихъ и нѣсколькихъ десятковъ чловѣкъ сформированной тогда по деревнямъ сельской стражи, прибылъ тотчасъ же въ лѣсъ, въ мѣсторасположеніе шайки, взялъ въ плѣнъ, безъ войска, 140 чловѣкъ и привелъ весь этотъ сбродъ въ Пропойскъ... На другой день, крестьяне-добровольцы, отправившись по сосѣднимъ лѣсамъ на поиски, привели въ становую квартиру еще 30 чловѣкъ повстанцевъ этой же шайки — изъ числа тѣхъ, которые не пожелали, или просто опасались сдаться, накануне, добровольно.

Такимъ образомъ, окончила свое существованіе эта шайка, причинившая столько бѣдъ и надѣлавшая такъ много шума въ Россіи и заграницей — взятіемъ уѣзднаго города Горы-Горокъ. Она окончила, сравнительно съ другими шайками той же Могилевской губерніи, очень счастливо — т. е. безъ встрѣчи и сраженія съ нашими войсками и, слѣдовательно, безъ массы убитыхъ, раненыхъ и искалѣченныхъ на всю жизнь людей...

Остальные шайки Могилевской губерніи испытали болѣе тяжелую участь. Такъ, на-
примѣръ, оршанская шайка, оказавшая сопро-
тивленіе при встрѣчѣ съ нашимъ небольшимъ
отрядомъ, находившимся подъ начальствомъ
храбраго и рѣшительнаго В. Ф. Савицкаго*),
потеряла въ схваткѣ много убитыхъ и ране-
ныхъ, пока, наконецъ, не была взята въ плѣнъ.
Чернорудкая шайка тоже имѣла трагическій
конецъ, при схваткѣ съ нашимъ отрядомъ въ
лѣсу; а такъ какъ она почти вся состояла
изъ помѣщиковъ и дворянъ, то всѣ они лиши-
лись, вдобавокъ, и своихъ имѣній.

V.

Отношенія губернатора Беклемишева къ польскому и кре-
стьянскому вопросамъ. — Персоналъ чиновниковъ Могилевской
губерніи. — Могилевскій съѣздъ мировыхъ посредниковъ. —
Политическій хвостунъ. — Польскія уставныя грамоты. — Учас-
тіе графа Муравьева въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса
въ Бѣлоруссіи. — Повѣрка уставныхъ грамотъ въ натурѣ. —
Добровольныя соглашенія и составленія выкупныхъ актовъ. —
Результаты нашего „соціализма“ — Польское губернскае при-
сутствіе и подполковникъ Носовичъ. — Е. Е. Королевъ. —
Взаимная вражда помѣщиковъ и крестьянъ. — Польскій панъ и
бѣлые сухари.

Дворянство Могилевской губерніи должно быть
обязано чувствомъ вѣчной признательности быв-

*) Валерьянъ Филипповичъ Савицкій, артиллерійскій под-
полковникъ, былъ въ то время оршанскимъ исправникомъ.

шему губернатору этой губерніи А. П. Беклемишеву. Благодаря своимъ связямъ, а главное, вслѣдствіе своей близости съ тогдашнимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, П. А. Валуевымъ, Беклемишевъ отстоялъ Могилевскую губернію отъ назначенія въ нее такъ-называемыхъ „повѣрочныхъ комиссій“, дѣйствовавшихъ въ трехъ литовскихъ губерніяхъ, въ Минской и въ нѣсколькихъ уѣздахъ Витебской. Разрѣшеніе крестьянскаго вопроса и окончательное земельное устройство крестьянъ было возложено здѣсь на обыкновенные съѣзды мировыхъ посредниковъ; посредники, каждый въ своемъ участіи, дѣлали повѣрку уставныхъ грамотъ, составленныхъ, ранѣе, польскими мировыми посредниками, и, затѣмъ, обращали эти грамоты въ выкупные акты. Такимъ образомъ, какъ назначеніе служащихъ лицъ по крестьянскимъ учрежденіямъ, такъ и самое дѣло это было непосредственно подчинено здѣсь губернатору — не то, что въ повѣрочныхъ комиссіяхъ, имѣвшихъ въ своемъ составѣ особыхъ членовъ отъ министерства финансовъ и очень мало зависѣв-

Человѣкъ этотъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ въ губерніи за свою честность и доброту характера.

шихъ отъ начальниковъ губерній. Да, наконецъ, и эта мѣра — т. е. распространеніе на Могилевскую губернію указа 1-го марта 1863 года объ обязательномъ выкупѣ — была принята здѣсь вопреки всетаки желанію и согласію Беклемишева, съ которымъ соглашался въ то время, безусловно, и министръ внутреннихъ дѣлъ: обязательный выкупъ крестьянскихъ земель въ этой губерніи совершился лишь по инициативѣ и настоянію генераль-губернатора Муравьева, и только благодаря ему крестьяне несчастной Могилевской губерніи освободились, тогда же, отъ обязательныхъ отношеній къ своимъ панамъ. Останавливаюсь на этомъ фактѣ, какъ на живомъ доказательствѣ силы и обаянія польскаго вліянія, отразившагося даже на такомъ замѣчательно умномъ и честномъ русскомъ человѣкѣ, какимъ былъ Беклемишевъ. Назначенный, какъ я уже упомянулъ, на должность губернатора въ Могилевъ въ 1858 году, онъ, за пять лѣтъ, предшествовавшихъ возстанію, невольно подчинился окружавшей его польской средѣ и вліянію, — и его миролюбивые и оптимистическіе взгляды на польскій вопросъ не въ силахъ былъ поколебать даже открытый мятежъ, въ лицѣ нѣсколькихъ шаекъ, сформировавшихся въ то время.

рованных панами, весною 1863 года, въ Могилевской губерніи...

Въ то время, къ которому относятся мои воспоминанія, большинство чиновниковъ въ Могилевской губерніи состояло все еще изъ поляковъ, между которыми была масса лицъ числящихся православными; это были мѣстные уроженцы — „бѣлоруссы“, какъ они стали называть себя послѣ усмиреннаго возстанія. Въ сущности же, это были истые поляки, рожденные отъ смѣшанныхъ браковъ, носившіе даже польскія фамиліи, предпочитавшіе для молитвы костелы церквамъ и вспомнившіе о своемъ православіи лишь случайно — то есть тогда, когда это сдѣлалось выгоднымъ. Они занимали въ губерніи очень видныя должности, потворствовали на каждомъ шагу полякамъ и вредили, на сколько только могли, русскому дѣлу. Беклемишева они окружали довольно плотною стѣною. Въ Могилевской губерніи было даже одно вѣдомство — министерство финансовъ, — чиновники котораго, въ большинствѣ, состояли изъ католиковъ-поляковъ: не только уѣздные казначеи, но даже губернской казначей былъ полякъ, и очень заядлый, нѣкто Кунцевичъ. Нѣкоторыя полицейскія должности были заняты

польскими чиновниками еще и въ 1866, 1867 и 1868 годахъ— до времени увольненія Беклемишева. Онъ, обыкновенно, принималъ этихъ чиновниковъ на свою личную отвѣтственность передъ генераль-губернаторомъ, — и они продолжали служить, вредя русскому дѣлу, мстя, гдѣ только можно, крестьянамъ—за ихъ участіе въ подавленіи мятежа, и намъ—за нашъ незванный „наѣздъ“ на службу... И вотъ, среди этихъ-то всѣхъ различныхъ теченій, вліяній и національностей, приходилось намъ, русскимъ мировымъ посредникамъ, служить и дѣйствовать.

Сѣздъ (Могилевскаго уѣзда), куда я былъ назначенъ, въ началѣ, кандидатомъ мирового посредника, состоялъ изъ слѣдующихъ лицъ: предсѣдателемъ сѣзда былъ у насъ нѣкто А. А. Э—тъ, богатый помѣщикъ Смоленской губерніи, занимавшій тамъ, ранѣе, должность мирового посредника; это былъ чисто-русскій человѣкъ, честный и добрый, типъ богатаго барича стараго времени, близко, однако, знакомый съ бытомъ крестьянъ и ихъ нуждами; не смотря на все свое барство, человѣкъ этотъ зналъ порученное ему дѣло, любилъ крестьянъ и трудился

иногда безъ утомленія. Мировыхъ посредниковъ въ Могилевскомъ уѣздѣ было трое: князь Крапоткинъ, мѣстный номѣщикъ К—ичъ и бывший учитель могилевской семинаріи Р—скій. Мнѣ довелось работать, совершенно самостоятельно, въ участіѣ перваго изъ этихъ посредниковъ — князя Н. С. Крапоткина, въ Шепелевичской волости, въ страшной глуши, на самой границѣ съ Минской губерніей. Вся эта волость, цѣликомъ, принадлежала двумъ братьямъ Шанявскимъ, изъ коихъ одинъ, старшій, былъ посланъ въ Тобольскъ за преступленіе, квалификацію котораго невозможно найти въ Уложеніи о наказаніяхъ — за политическое хвастовство... Такъ, по крайней мѣрѣ, охарактеризовалъ преступленіе Шанявскаго самъ губернаторъ Беклемишевъ, мотивируя необходимость высылки изъ Могилева этого хвастуна, вся вина котораго состояла въ слѣдующемъ. Проживая въ Могилевѣ и ничего не дѣлая, онъ, обыкновенно, фланировалъ, съ утра, по лавкамъ, магазинамъ и по своимъ знакомымъ и сообщалъ имъ самые невѣроятные слухи, имѣющіе политическій характеръ, выдаваемые имъ какъ бы за свершившіеся уже факты. То, на примѣръ, онъ увѣрялъ всѣхъ, подъ честнымъ

словомъ, что генераль-губернаторъ Муравьевъ уже отравленъ въ Вильнѣ, но что это умышленно лишь скрываютъ; на другой день, онъ объѣгалъ весь городъ и сообщалъ о переходѣ трехъ французскихъ корпусовъ черезъ русскую границу и о поголовномъ, вслѣдствіе этого, возстаніи шляхты въ царствѣ Польскомъ; затѣмъ, онъ, добывъ гдѣ-то карту рѣонда народоваго съ новыми границами Польши „отъ моря до моря“, преспокойно раскладывалъ эту карту въ какомъ нибудь бойкомъ и людномъ магазинѣ и объяснялъ публикѣ границы „Могилевскаго воеводства“, — сообщая при этомъ, къ слову, что онъ, Шанявскій, въ качествѣ будущаго начальника такого-то повята (уѣзда), будетъ имѣть свою резиденцію въ такомъ-то вотъ городѣ... Вранье это шло, съ каждымъ днемъ, crescendo, такъ что, наконецъ, даже терпѣніе добраго Беклемишева лопнуло, и онъ, снесся съ Муравьевымъ, распорядился выслать этого болтуна изъ Могилева въ Тобольскъ. Впослѣдствіи, именно въ 1868 году, Шанявскій былъ возвращенъ на родину и мнѣ довелось съ нимъ встрѣтиться и познакомиться. Оказалось, что это былъ очень добрый малый и жуиръ большой руки, но хвасталъ онъ попрежнему, — и съ

этой стороны Тобольскъ нисколько его не вылечилъ.

Младшій Шанявскій, съ которымъ мнѣ, на первыхъ порахъ моей дѣятельности по крестьянскому вопросу, пришлось имѣть дѣло, былъ типомъ совсѣмъ въ иномъ родѣ. Бывшій студентъ медикъ Кіевскаго университета, поспѣшившій, ко времени возстанія, оставить храмъ науки и явиться въ свой майонтокъ, онъ, наученный, можетъ быть, опытомъ брата, былъ совершенною его противоположностью — сдержанъ, молчаливъ, остороженъ, очень угодливъ и хитеръ. Впрочемъ, угодливость эта была лишь на первыхъ порахъ — пока мы не столкнулись съ ними на дѣлѣ, при повѣркѣ уставныхъ грамотъ.

По положенію 19-го февраля, крестьяне Могилевской губерніи должны были быть надѣлены землею, въ количествѣ 4¹/₂ десятинъ на душу удобной земли. Но польскіе мировые посредники, при введеніи уставныхъ грамотъ, отводили иногда крестьянамъ, во-первыхъ, вмѣсто указанной въ законѣ десятины (2,400 кв. саж.), мѣстный моргъ, который былъ много меньше десятины; а во-вторыхъ, подъ видомъ удобной земли, у крестьянъ въ надѣлѣ, при

повѣркѣ, оказывалась всяческая земля — и удобная, состоящая изъ пашни и луговъ, и совершенно никуда негодная и ничего нестоющая земля — изъ овраговъ, дорогъ, болотъ и песчаныхъ или каменистыхъ участковъ и клочковъ, которые немислимо было удобрять, а слѣдовательно, и что либо сѣять на нихъ. Между тѣмъ, крестьяне, по уставной грамотѣ, обязывались платить полный, 9-ти рублевый оброкъ за эти свои, на половину неудобные, надѣлы. Предстояло разобратся во всей этой путаницѣ, лжи и документальныхъ обманахъ и подлогахъ... Самое количество душъ въ селеніяхъ показано было, по уставнымъ грамотамъ, въ преувеличенномъ числѣ, съ тѣмъ, конечно, расчетомъ, чтобы получать большій оброкъ, а впослѣдствіе — большую выкупную ссуду. Отъ этого, недоимки на крестьянахъ успѣли уже образоваться весьма значительныя, — и Богъ-вѣсть, чѣмъ бы окончилось это систематическое ограбленіе крестьянъ въ Бѣлоруссіи, еслибы „не сдурѣли паны“ и не учинили мятежа. Но и тутъ, злая судьба бѣлоруссовъ едва-было не погубила ихъ окончательно. Дѣло въ томъ, что какъ въ Могилевской губерніи, такъ и въ сосѣднихъ съ нею губерніяхъ Витебской и Минской, есть

значительныя имѣнія, принадлежащія русскимъ лицамъ, носящимъ извѣстныя русскія и нѣмецкія фамиліи, какъ, напримѣръ, Чернышевы-Кругликовы, князья Голицыны и Паскевичи, Львовы, Витгенштейны и пр.; всѣ эти важные господа въ имѣніяхъ своихъ никогда не жили, конечно, и держали управляющихъ — поляковъ и нѣмцевъ. Уклонившись отъ контрибуцій, платимыхъ лишь польскими помѣщиками, эти патріоты пожелали уклониться и отъ обязательнаго выкупа, при которомъ, какъ извѣстно, дѣлается скидка въ 20⁰/о съ выдаваемой помѣщику выкупной ссуды; но такъ какъ дѣлать для нихъ исключеніе, въ данномъ случаѣ, было бы не только неудобно, но даже и не безопасно (со стороны крестьянъ), и, вдобавокъ, несправедливо, то они стали доказывать въ Петербургѣ, что обязательный выкупъ для Бѣлоруссіи совсѣмъ излишенъ и что въ ней де могутъ быть сохранены прежнія отношенія временно-обязанныхъ крестьянъ къ своимъ отцамъ-благодѣтелямъ, бѣлорусскимъ помѣщикамъ... Бывшій въ то время министръ внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуевъ отнесся къ этой идеѣ очень благосклонно и, заручившись представленіями и ходатайствами въ этомъ именно желаемомъ

смыслѣ со стороны двухъ мѣстныхъ бѣлорусскихъ губернаторовъ, могилевскаго и витебскаго, едва не провелъ-было эту мѣру. Энергическій отпоръ явился со стороны М. Н. Муравьева, который и добился-таки примѣненія обязательнаго выкупа и къ Бѣлоруссіи. Такимъ образомъ, несчастное и многострадальное бѣлорусское населеніе было избавлено покойнымъ Муравьевымъ отъ окончательнаго и вѣчнаго порабощенія помѣщиками, порабощенія болѣе даже горшаго, чѣмъ оно было до отмѣны крѣпостнаго права, такъ какъ, до 19-го февраля 1861 года, надѣлы крестьянъ были совсѣмъ въ иныхъ границахъ: земли у нихъ, въ большинствѣ селеній, было достаточно, помѣщичья земля нигдѣ не подходила подъ самыя крестьянскія усадьбы — какъ это стало во многихъ деревняхъ послѣ введенія уставныхъ грамотъ, — и, вдобавокъ, кромѣ барщины, крестьяне не знали никакихъ иныхъ повинностей и поборовъ и имъ не приходилось платить „оброкъ за землю“, отведенную имъ по грамотѣ и не стоящую и половины назначенныхъ за нее денежныхъ взносовъ.

Въ томъ участіѣ, гдѣ я занимался, мировымъ посредникомъ былъ, до мятежа, нѣкто помѣ-

щикъ Позднякъ, сосланный, въ 1863 году, въ Сибирь за открытое и вооруженное участіе въ возстаніи: онъ былъ взятъ въ чернорупцкой шайкѣ, въ Могилевскомъ уѣздѣ. Уставныя грамоты, составленныя этимъ посредникомъ, поражали насъ своею недобросовѣстностью. Пріѣдешь, бывало, съ землемѣромъ въ селеніе, соберешь домохозяевъ, пригласишь сосѣднихъ нѣсколько человѣкъ, въ качествѣ „добросовѣстныхъ“ или понятыхъ, и начинаешь „обходить границы“, и всегда почти въ сопутствіи самого помѣщика. Значится, наприимѣръ, на планѣ, что крестьяне этой деревни имѣютъ лугу, положимъ, сорокъ десятинъ.

— Ведите насъ на вашъ лугъ, — обращаюсь, бывало, къ крестьянамъ.

— Да у насъ, пандѣчку, нѣма ни яеого сѣножатыя, — отвѣчаютъ они, низко кланаясь.

— Да вотъ же, въ такомъ-то мѣстѣ, около кустарника, у васъ показано лугу 40 десятинъ. Туда и ведите.

— Нѣма, пандѣчку, нѣма! тамъ болото... Тамъ тилько птушка перелетить; а ни человіку, ни коню тамъ не можно пройти.

— Все равно, ведите.

Идемъ. Помѣщикъ, сильно сконфуженный и

недовольный, идетъ, хотя и неохотно, вмѣстѣ съ нами. Онъ начинаетъ заводить рѣчь на тему о дождливомъ лѣтѣ, что теперь де луга вездѣ позаливало водою и т. д.; крестьяне, между тѣмъ, пользуются случаемъ поговорить о своемъ горькомъ житьѣ-бытьѣ и о томъ порядкѣ, который существовалъ у нихъ при введеніи уставной грамоты: оказывается, что за ихъ упорство и несогласіе подписать грамоту всѣ они, поголовно почти, были высѣчены.

— Но вы всетаки подписали же эту уставную грамоту? — говорю я имъ, — вотъ и подпишъ ваша...

— Ни. Не подписали. Посредникъ забравъ печатку отъ старосты и тамъ, въ паньскомъ домѣ, хтось (кто-то) за насъ подписавъ...

— Брешете вы, пся крѣвь! — огрызается на нихъ не стерпѣвшій панъ...

Приглашаю пана, чтобъ онъ въ моемъ присутствіи не бранился и былъ спокойнѣе, и идемъ дальше. Приходимъ, наконецъ, къ „лугу“... Растетъ какая-то осока, рѣжущая руки; подальше отъ краевъ — топь и трясина, поросшая мелкимъ верескомъ... Идемъ дальше, и чувствуемъ, что почва подъ нами трясется и понемногу опускается внизъ: очевидно — это бо-

лото, можетъ быть даже и торфяное, но уже никакъ не „лугъ“. Крестьяне, изъ опасенія провалиться сквозь землю, отказываются идти дальше и предостерегаютъ о томъ же насъ:

— Не швидко, пандчки, не швидко (не шибко)! ту не можно и выратовать васъ (спасти).

— Гдѣ же лугъ, гдѣ онъ? — спрашиваю у помѣщика.

— А это же и есть лугъ. Въ сухое лѣто здѣсь превосходный сѣнокосъ...

Крестьяне и сосѣдніе „добросовѣстные“ начинаютъ, конечно, доказывать противное—что здѣсь и въ сухое лѣто „гибнуть вѣдн и чело-вѣку пройти не можно; только птицы летаютъ и выводятся журавли“...

Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ оказывается обыкновенно слѣдующее. До 1861 года, у крестьянъ этой деревни были луга совсѣмъ въ иномъ мѣстѣ — „вонъ, за тѣмъ гаемъ“, — отрѣзанные теперь помѣщику. Частью этихъ луговъ крестьяне пользуются и теперь — арендуютъ нѣсколько десятинъ, и за это отработываютъ, въ рабочую пору, по нѣскольку дней съ души.

Съ луговъ затѣмъ идемъ на пашню, потомъ

въ „дровяной лѣсѣ“, отведенный крестьянамъ на отопленіе, и вездѣ почти повторяется та же исторія: пашня — плохая, качество ея — подзолица, или съ мелкимъ камнемъ на поверхности; а вмѣсто лѣсу оказывается хворостъ; помѣщичья земля подошла подъ самыя усадьбы и, чтобъ не платить постоянныхъ штрафовъ, крестьяне арендуютъ эту землю подъ выгонъ и за нее также отработываютъ барщину — нѣсколько дней мужскихъ и женскихъ. Въ концѣ концовъ оказывается, что несчастные мужики и оброкъ за землю вносятъ въ казначейство, и барщину отработываютъ почти въ прежнемъ размѣрѣ...

Идемъ, всей компаніей, въ деревню и приступаемъ къ такъ-называемому добровольному соглашенію. Приходится предлагать помѣщику одно изъ двухъ: или согласиться на прирѣзку въ крестьянскій надѣлъ всѣхъ тѣхъ земель и угодій, которыми они пользовались въ моментъ изданія манифеста 19-го февраля, или же — примириться съ значительнымъ пониженіемъ выкупныхъ платежей, а, слѣдовательно, и выкупной ссуды. На эту ожидаемую ссуду большинство помѣщиковъ возлагало большія упованія: ею предстояло погасить долгъ сохранной казнѣ,

а на остатки — жить и поддерживать разорявшееся хозяйство и имѣніе.

Нелегко иногда приходилось добиваться этихъ „соглашеній“!.. Случалось собирать крестьянъ по пяти и болѣе разъ, пока, наконецъ, удавалось составить выкупной актъ. Иногда, мѣшала этому просто вражда между помѣщикомъ и крестьянами, ихъ религіозная рознь, старые счеты; иногда, одно какое нибудь рѣзкое слово, сказанное крестьяниномъ, уничтожало труды нѣсколькихъ тяжелыхъ часовъ. При всемъ своемъ незлобіи и при всей забитости, бѣлорусскіе крестьяне не въ силахъ были иногда воздержать свой языкъ и не кинуть въ лицо своему бывшему пану и повелителю жесткое слово, которое не всегда удавалось предупредить и остановить вовремя. Помню, напримѣръ, разъ такой случай. Покончивъ повѣрку уставной грамоты въ одномъ небольшомъ имѣніицѣ, принадлежавшемъ двумъ старосвѣтскимъ польскимъ помѣщицамъ, сестрамъ Сипайло, я, не утруждая ихъ приглашеніемъ въ селеніе, во дворъ старосты, поѣхалъ къ нимъ самъ, вмѣстѣ съ землемѣромъ и старшиною; это было не болѣе версты отъ селенія, такъ что крестьяне шли за нами почти слѣдомъ, а

мы нарочно ѣхали шагомъ. Подобные пріемы были необходимы, и я тщательно всегда избѣгалъ видѣться съ помѣщикомъ, до окончанія дѣла, безъ посторонняго присутствія крестьянъ. Издѣсь, съ старыми пани, я поступилъ такъ же: добылъ столъ, устроился кое-какъ на дворѣ, пригласилъ помѣщицъ и, къ крайнему удовольствію, покончилъ-было уже все дѣло въ какія нибудь четверть часа. Оставалось лишь подписаться обѣимъ сторонамъ. И вотъ, когда одна изъ сестеръ только что было стала копировать свою подпись, сдѣланную для нея русскими буквами волостнымъ писаремъ, какъ вдругъ одинъ изъ крестьянъ, желая сказать имъ, очевидно, комплиментъ, громко проговорилъ:

— Наши пани—добрыя; тѣлько дюже стрекочать — якъ сорѣки...

— Какъ?! мы сороки?!.. закричали разомъ обѣ пани и, расплакавшись, тотчасъ же ушли „до покоя“, въ домъ. Дѣйствительно, обѣ пани говорили чрезвычайно быстро, громко, словно горохъ сыпали—„якъ сороки“, да еще обѣ въ одно и то же время и обѣ одномъ... И вотъ, пришлось идти уговаривать ихъ — простить дерзкаго виновника и забыть обиду... Пани

долго плакали, но, наконецъ, простили все-таки своего оскорбителя и подписали выкупной актъ. Какъ у Гоголя, изъ-за слова „гусакъ“ вышла цѣлая исторія между двумя добрыми людьми, такъ и здѣсь едва не рушилось серьезное дѣло изъ-за одного только слова — „сороки“ ...

Другой случай окончился болѣе неудачно и имѣлъ очень печальный исходъ. Въ одномъ селеніи (Кунцы), мнѣ очень долго пришлось уговаривать и помѣщика, и крестьянъ, чтобы они пришли между собою къ какому нибудь соглашенію; наконецъ, когда все уже, новидимому, было окончено и оставалось лишь составить актъ этого соглашенія съ обозначеніемъ границъ новаго крестьянскаго надѣла и геодезическимъ описаніемъ, на сходку явился старикъ-бѣлоруссъ, высокаго роста, сѣдой, какъ лунь, и слѣпой. Послушавъ нѣсколько минутъ переговоры своихъ односельцевъ съ помѣщикомъ, онъ вдругъ началъ протестовать, шумѣть и обратился къ крестьянамъ съ рѣчью, въ которой доказывалъ, что съ паномъ, какъ съ „мятежникомъ“, ни въ какія соглашенія входить не слѣдуетъ, что панъ въ концѣ концовъ ихъ непременно обманетъ; затѣмъ, онъ напо-

нилъ сходеѣ, что отецъ этого пана былъ крайне жестокъ съ ними: „меня онъ высѣкъ 15 разъ“, добавилъ старикъ... Слова эти были искрой, брошенной въ порохъ. Я сидѣлъ въ это время въ избѣ старосты и составлялъ актъ соглашенія; когда, заслышавъ шумъ, я вышелъ къ сходеѣ, происходившей, какъ и всегда, подъ открытымъ небомъ, то все уже было покончено: крестьяне отказались отъ состоявшагося соглашенія съ помѣщикомъ и ни за что не хотѣли подписать акта. Пришлось поневолѣ ограничиться сбавкою выкупныхъ платежей. Это уменьшеніе выкупныхъ взносовъ представлялось для крестьянъ, на первыхъ порахъ, очень соблазнительнымъ: меньше земли—меньше и платы; но въ будущемъ, о которомъ они иногда не хотѣли и знать, эта мѣра была для нихъ положительнымъ разореніемъ: при прогрессивномъ увеличеніи народонаселенія, безъ увеличенія, въ то же время, и земли, крестьяне неминуемо должны были бѣдствовать и закабаляться въ отработки за ту же самую землю, отъ которой они при составленіи выкупного акта отказались *).

*) Какъ я узналъ впоследствии, крестьяне Могилевской губерніи, отказавшіеся отъ прибавки земли, попали, дѣйстви-

Совсѣмъ иное происходило тогда, когда удавалось добиться соглашенія крестьянъ и уступокъ со стороны помѣщика, и мы, мировые посредники, были иногда такъ счастливы, что видѣли воочию плоды своихъ скромныхъ трудовъ и усилій въ этомъ дѣлѣ. Случалось такъ, что, послѣ повѣрки уставной грамоты, въ иномъ селеніи не только прекращалась всякая барщина на пана—въ видѣ отработковъ за угодыя и арендуемую землю,—но даже крестьяне въ теченіи лѣта успѣвали зарабатывать у того же самаго помѣщика значительныя суммы, которыя исполнѣ и покрывали слѣдующіе съ нихъ выкупные платежи въ казну.

Бывали и такіе случаи. Послѣ нашей повѣрки, помѣщики, которые имѣли огромное количество рогатаго скота и лошадей, покупали, въ концѣ зимы, кормъ у своихъ же крестьянъ, у которыхъ этотъ кормъ оставался, вслѣдствіе очень малаго количества скота. Вотъ эти-то наши дѣйствія, надо полагать, и служили поводомъ къ тому, что приснопамятная скарятинская „Вѣсть“ обзывала насъ „соціа-

тельно, въ страшную кабалу къ помѣщикамъ. Ихъ выручилъ и спасъ учрежденный, почти двадцать лѣтъ спустя, Крестьянскій Поземельный Банкъ.

листами“, а петербургскіе враги графа Муравьева поставили ему этотъ нашъ мнимый социализмъ въ главную вину, трубили о немъ въ высшихъ сферахъ, стѣснѣли смутить даже государя, и въ концѣ добились-таки того, что графъ Муравьевъ пожелалъ удалиться отъ должности генераль-губернатора умиротвореннаго имъ края.

Предвидя въ будущемъ все громадное экономическое значеніе земли для крестьянъ, въ которой заключался весь жизненный для нихъ и ихъ потомства вопросъ и всѣ условія будущаго благосостоянія, мы, понятно, употребляли всѣ зависящія отъ насъ мѣры для приведенія въ исполненіе этой великой идеи, указанной изъ Вильны графомъ Муравьевымъ. Но иногда мы встрѣчали непреодолимые препятствія въ своихъ хлопотахъ—и не со стороны однихъ помѣщиковъ, но и губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, гдѣ, въ 1865 году, членами были одинъ полякъ и два помѣщика-бѣлорусса съ польскими же взглядами на это дѣло; во главѣ ихъ стоялъ богатый польскій панъ К—скій, губернскій предводитель дворянства, и секретарь присутствія Г—скій. Предсѣдатели съѣздовъ, дѣйствовавшіе въ русскомъ духѣ, въ пользу

крестьянъ, встрѣчали иногда серьезныя противодѣйствія,—и только личное вмѣшательство Беклемишева, который любилъ крестьянъ и желалъ имъ добра, улаживало дѣло, не доводя его до Вильны. Въ началѣ 1866 года, при назначеніи членомъ могилевскаго присутствія подполковника С. И. Носовича, дѣла пошли лучше и члены сразу перестали играть въ польскую руку. Но, къ сожалѣнію, свѣтлая и энергичная личность Носовича оказалась одинокимъ воиномъ въ полѣ,—и его, въ концѣ того же 1866 года, по донесенію жандармскаго полковника Коцебу, уволили отъ должности, какъ соціалиста. Три года затѣмъ это присутствіе пополнялось различными авантюристами и искателями карьеръ и конфискованныхъ имѣній,—и лишь въ 1869 году, когда въ члены попалъ Е. Е. Королевъ, дѣла въ губернскомъ присутствіи стали рѣшаться безпристрастно и справедливо. Я не знаю въ настоящее время—живъ ли Ефимъ Ефимовичъ и гдѣ онъ. Этотъ хорошій человекъ оставилъ послѣ себя хорошій слѣдъ—не въ одной Могилевской губерніи, но и въ русской драматической литературѣ: его комедіи „Карьера“, „Скользкій Путь“ и др. до сихъ поръ держатся на репертуарѣ провинціальныхъ театровъ.

Польскіе помѣщики противодѣйствовали намъ, при составленіи выкупныхъ актовъ, лишь въ двухъ случаяхъ: или когда ихъ имѣнія не были заложены въ сохранной казнѣ, и они, слѣдовательно, не особенно боялись пониженія выкупныхъ платежей; или же когда они имѣли съ своими бывшими крестьянами личные счета по бывшему мятѣжу. Тутъ уже ничего нельзя было подѣлать. Въ послѣднихъ случаяхъ паны не желали входить съ „быдломъ“ ни въ какіе переговоры, — и рѣдко удавалось смягчить ихъ и какъ нибудь урезонить: „нѣ хце“, — и баста!..

Чтобы объяснить эти чувства помѣщичьей злобы на крестьянъ, слѣдуетъ припомнить, что крестьяне, дѣйствительно, были иногда жестоки и безпощадны къ своимъ панамъ, участвуя, вмѣстѣ съ войсками, въ подавленіи возстанія. Они хватали помѣщиковъ не только въ лѣсахъ, но и въ ихъ собственныхъ имѣніяхъ и домахъ, хватали на дорогахъ, связывали — и представляли въ Могилевъ, въ качествѣ мятежниковъ, пойманныхъ, будто бы, въ лѣсу. При революціонномъ террорѣ въ краѣ и въ Могилевской губерніи и при всеобщей паникѣ властей, некогда, конечно, было разбирать — насколько дѣйствительно виноваты привезенный

панъ-ляхъ; его безъ церемоніи сажали въ острогъ, а экипажъ и лошадей отдавали въ полную собственность крестьянъ, доставившихъ „мятежника“. Весною 1863 года, нѣйтычанки, коляски и фэтоны продавались въ Могилевѣ отъ 5-ти до 25-ти рублей, не дороже; ихъ покупали у крестьянъ жида, — и потомъ, когда страсти улеглись и порядокъ былъ возстановленъ, продавали въ десятеро дороже тѣмъ же помѣщикамъ и русскимъ чиновникамъ.

Интересно, при этомъ, слѣдующее обстоятельство. Крестьяне рѣдко брали своего помѣщика; они очень дипломатично поступали такимъ образомъ: крестьяне пана А. забирали и везли въ Могилевъ пана Б., а крестьяне этого послѣдняго являлись очень спокойно въ фольваркѣ пана А., связывали ему руки и ноги, выбирали самый лучшій экипажъ въ каретномъ сараѣ и самыхъ лучшихъ лошадей въ конюшнѣ, — и ѣхали въ губернский городъ. Безобразіе и своеволіе было большое, но предотвратить этого власти не могли: мятежъ ударилъ надъ ихъ головами какъ неожиданный громъ, они его не ждали — войскъ было очень мало, по лѣсамъ бродили и грабили шайки, — и власти были не притворно рады, что крестьяне явились имъ на

подмогу—стали ловить и представлять въ Могилевъ безпокойныхъ польскихъ пановъ, надѣлавшихъ всю эту кутерьму и „замѣшанье“. Впослѣдствіи военно-судныя комиссіи освободили болѣе двухъ третей привзенныхъ крестьянами помѣщиковъ, за недостаткомъ уликъ; но отъ этого, понятно, освобожденнымъ было не легче...

При разборѣ всѣхъ этихъ арестованныхъ, происходили, иногда, сцены очень комическія. Такъ, напримѣръ, когда комиссія приступила къ дѣлу помѣщика С — ло, обвинявшагося въ изготовленіи для повстанцевъ сухарей, вызвала крестьянъ, доставившихъ его, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, въ Могилевъ, и стала опрашивать ихъ въ качествѣ свидѣтелей — при какихъ обстоятельствахъ и за что именно былъ взятъ С — ло, то крестьяне отвѣчали, что взяли его за то, что онъ дѣйствительно пѣкъ сухари.

— Черные сухари?—спросилъ одинъ изъ презусовъ комиссіи.

— Ни, бѣлые. Ёнъ богатый, черныхъ не ѣстъ.

— Ну, и что же,—доставлялъ онъ эти сухари мятежникамъ, въ шайки?

— Бронь Боже! ёнъ такіи недобрый, скуный...

— Для чего же онъ ихъ пѣкъ?

— Самъ ѣлъ,—спокойно и наивно отвѣчали крестьяне...

А между тѣмъ, этотъ панъ, за свою любовь къ бѣлымъ сухарямъ, отсидѣлъ уже, пока о немъ вспомнили, нѣсколько мѣсяцевъ въ острогѣ,—откуда его, конечно, тотчасъ же и выпустили.

И вотъ, когда при повѣркѣ уставныхъ грамотъ приходилось имѣть дѣло съ подобнымъ паномъ, пострадавшимъ отъ крестьянъ, то никакія убѣжденія и мѣры не могли уже привести его къ добровольному соглашенію съ ними: — Нѣ хце!—и баста... Приходилось, по-неволѣ, составлять выкупной актъ безъ согласія помѣщика, понижая при этомъ выкупные платежи до мінімум'а, если крестьянскіе надѣлы нельзя было сдѣлать удобными, то-есть если и во время изданія манифеста 19-го феврала ихъ земельное владѣніе не представляло никакихъ выгодъ и возможности прокормиться и вносить ежегодно выкупные платежи. Въ томъ и въ другомъ случаѣ на наши головы сыпались со стороны пановъ всевозможныя нареканія, проклятія, клеветы и всяческія поношенія; все это, въ общемъ, способствовало

тому, что за рьянымъ мировымъ посредникомъ устанавливалась прочная репутація „соціалиста“ и ежеминутная возможность (впоследствии, послѣ увольненія покойнаго генералъ-губернатора К. П. Кауфмана) быть удалену отъ должности — „для пользы службы“.

Эти мнимые „соціалисты“, выжитые, вскорѣ, изъ Могилевской губерніи, разсѣялись по всему лицу земли русской, оставивъ послѣ себя добрую память лишь у крестьянъ, для блага которыхъ они потрудились. Нѣкоторыхъ изъ этихъ моихъ сослуживцевъ я и теперь вспоминаю съ истиннымъ удовольствіемъ и съ уваженіемъ. Помню я быховскаго предводителя дворянства, инженеръ-капитана А. М. Лоренцевича, горькаго — князя А. М. Дондукова-Корсакова; мировыхъ посредниковъ: князя Н. С. Крапоткина, графа Цукато, Каргопольцева и В. Е. Качурина, предсѣдателей съѣздовъ: могилевскаго — А. А. Энгельгардта, чаусовскаго — Мясоѣдова, членовъ крестьянскаго присутствія Носовича, Королева *) и др. Многихъ изъ нихъ давно уже нѣтъ и на свѣтѣ: Лоренцевичъ, напримѣръ, за-

*) Королевъ — авторъ извѣстныхъ пресъ „Карьера“, „Скользскій путь“ и др.

стрѣлился, Каргопольцевъ, служившій потомъ въ Туркестанѣ мировымъ судьей, былъ убитъ, въ ссорѣ, барономъ Меллеромъ-Закомельскимъ... Изъ живыхъ, нѣкоторые служатъ и теперь и остаются, повидимому, вѣрны разъ усвоенному ими, въ Сѣверо-Западномъ краѣ, принципу и взглядамъ на служебное дѣло: такъ, напримѣръ, С. И. Носовичъ ведетъ, судя по газетамъ (1882 года), войну съ неправдой въ Сибири, гдѣ онъ занимаетъ постъ иркутскаго губернатора. Замѣчательно, что всѣ эти лица—какъ и другія имъ подобныя—не пожелали воспользоваться, въ свое время, въ Могилевской губерніи ни однимъ вершкомъ земли изъ раздаваемыхъ тогда щедрою рукою конфискованныхъ и секвестрованныхъ польскихъ имѣній, на льготныхъ условіяхъ 37-ми-лѣтней уплаты денегъ за эти имѣнія въ казну. Все это, вмѣстѣ съ орденами и чинами, хватали въ свои хищническія, цѣпкія руки различные проходимцы, пролазы и авантюристы, которые не имѣли, да и не могли имѣть съ нами ничего общаго.

VI.

Основаніе народныхъ училищъ въ Сѣнинскомъ уѣздѣ. — Противодѣйствіе этому дѣлу со стороны евреевъ и самихъ крестьянъ. — Пожары въ училищахъ. — Содѣйствіе духовенства. — Участіе дирекціи народныхъ училищъ и попечителя П. Н. Батюшкова. — Учитель, преподающій маршировку и ружейные приемы. — Ученикъ по найму.

Въ предыдущей главѣ я обрисовалъ положеніе того дѣла, для котораго собственно мы и были призваны въ край—т. е. повѣрку уставныхъ грамотъ и составленіе выкупныхъ актовъ. Этимъ же дѣломъ мнѣ довелось въ слѣдующемъ 1866 году заниматься и въ Быховскомъ уѣздѣ, куда я былъ назначенъ мировымъ посредникомъ, и въ Сѣнинскомъ, куда я, годъ спустя, былъ переведенъ на ту же должность и гдѣ пробылъ четыре года. Вездѣ приходилось встрѣчаться съ одними и тѣми же условіями: съ поражающею бѣдностью крестьянъ, съ недоброжелательствомъ помѣщиковъ и съ уставными грамотами, составленными самымъ обманнымъ и недобросовѣстнымъ образомъ... Но, занимая самостоятельную уже должность мирового посредника, мнѣ довелось знакомиться и со всѣми другими разнообразными условіями мѣстной жизни, среди которыхъ надо было жить, слу-

жить и дѣйствовать. На первомъ планѣ — по крайней мѣрѣ для меня — стояли народныя училища и главные дѣятели и труженики этихъ училищъ — народные учителя и сельскіе священники.

Въ эти годы, которыхъ касаются мои „воспоминанія“, дѣло народнаго образованія въ Могилевской губерніи было въ самомъ печальномъ положеніи. Такъ, напримѣръ, во 2-мъ участкѣ Быховскаго уѣзда, куда я, въ январѣ 1866 года, былъ назначенъ посредникомъ, было, въ пяти волостяхъ, всего одно училище, въ мѣстечкѣ Пропойскѣ, да и то не было вовсе обезпечено въ матеріальномъ отношеніи; а въ 3-мъ участкѣ Сѣннинскаго уѣзда, куда я, годъ спустя, былъ переведенъ, въ семи волостяхъ, составлявшихъ участокъ, не было ни одного училища.

Бывшіе мировые посредники этихъ участковъ, изъ поляковъ и мѣстныхъ помѣщиковъ-бѣло-руссовъ, относились къ дѣлу народнаго образованія крайне индифферентно: они, подобно многимъ помѣщикамъ того времени, находили, что грамотность для крестьянина, какъ для простой рабочей силы, по меньшей мѣрѣ бесполезна. Сами крестьяне были, повидимому, того же мнѣнія и всячески отлынивали отъ постройки и, во-

обще, отъ учрежденія и основанія у нихъ училищъ. Вначалѣ это пассивное противодѣйствіе крестьянъ было для меня чистою загадкою; но потомъ дѣло разъяснилось. Оказалось, что между крестьянами — въ Сѣннинскомъ, на примѣръ, уѣздѣ — установилось твердое убѣжденіе, что всѣ мальчики, которые только обучатся грамотѣ, будутъ впослѣдствіи непременно взяты въ „москали“, т. е. солдаты. Первыми авторами и, затѣмъ, распространителями этой умысленной лжи являлись евреи, которые, болѣе чѣмъ кто либо, боялись и не желали развитія грамотности между крестьянскимъ населеніемъ края, между населеніемъ, которое они эксплуатировали совершенно безнаказанно и въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, благодаря, главнымъ образомъ, его темнотѣ и безграмотности. Евреи отлично понимали, что пока бѣлорусскій крестьянинъ неразвитъ, забитъ и тупъ, до тѣхъ поръ онъ всецѣло находится въ ихъ цѣпкихъ рукахъ; до тѣхъ поръ все его достояніе, весь заработокъ и излишекъ будетъ переходить въ его, еврея, карманъ... Мнѣ, поэтому, стоило иногда неимоверныхъ усилій и терпѣнія, чтобы добиться отъ волостного схода согласія и приговора на устройство при волости училища. При

первыхъ же моихъ словахъ, крестьяне, обыкновенно, заводили рѣчь о своей бѣдности и немѣннѣи средствъ для постройки и поддержанія училища... Въ этихъ случаяхъ я прибѣгала иногда къ маленькой хитрости. Замѣтивъ особенно сильныхъ крикуновъ, я вызывалъ ихъ впередъ и начиналъ урезонивать—каждаго порознь. Всегда оказывалось одно изъ двухъ: или крикунъ имѣлъ нѣсколькихъ сыновей, за которыхъ боялся, что ихъ всѣхъ заберутъ „въ москали“, или же это былъ какой нибудь горчайшій пьяница, кричавшій на сходѣ съ голосу своего ворчмаря Ицеи, у котораго онъ состоялъ въ неоплатномъ долгу. Въ послѣднемъ случаѣ, приходилось вести съ этимъ крикуномъ слѣдующій, примѣрно, діалогъ:

— Такъ ты, Остапъ, рѣшительно не хочешь, чтобы въ вашей волости было училище?

— Не хѣчу.

— Почему же именно?

— Не ма грѣшей.

— Да вѣдь тутъ немного нужно: въ вашей волости двѣ тысячи слишкомъ душъ; лѣсъ у васъ найдется свой, работники и плотники — тоже свои, и придется вамъ дать не болѣе какъ по злоту (15 к.) съ души на всю постройку

и обзаведеніе; затѣмъ, составите второй приговоръ, что будете, при взносѣ мірскихъ суммъ, добавлять каждый годъ по 10 к. или 12 к.— на добавочное жалованье учителю и сторожу; начальство же изъ Могилева (дирекція) будетъ давать жалованье учителю и батюшкѣ отъ себя и будетъ, вдобавокъ, высылать въ училище книжки бесплатно.

На все это слѣдуетъ одинъ и тотъ же отвѣтъ:

— Не ма грдшей!..

— Даже и злота не имѣешь на училище?

— Не ма и жаднѣго злота.

— Ну, хорошо. Теперь, скажи, сколько злотовъ ты пропиваешь въ годъ?

Въ отвѣтъ — молчаніе и видимый конфузъ...

— Можетъ быть, ты забылъ? или тебѣ трудно счесть?.. Тогда, скажи лишь, сколько ты пропилъ въ прошлое воскресенье?..

Пристыженный крикунъ понижаетъ тонъ, и дѣло, мало по малу, улаживается самымъ благополучнымъ образомъ: тутъ же, при мнѣ, составляется приговоръ, тутъ же онъ подписывается крестьянами и утверждается мною. Именно такого рода сцена, почти буквально, происходила у меня въ Мошканскомъ волостномъ правленіи Сѣнинскаго уѣзда, осенью 1877 года, гдѣ мѣст-

ный корчмарь-еврей употреблялъ всѣ возможные отъ него средства и силы для недопущенія устройства училища. Въ концѣ, онъ добился-таки своего: училище это, хотя и было выстроено и вполне заведено, но, въ слѣдующемъ же году, отъ неизвѣстной причины, сгорѣло до-тла; а новое училище въ этой же волости крестьяне пожелали выстроить совсѣмъ уже въ другомъ селеніи и при другой церкви, настоятель которой (священникъ Сорокалѣтовъ) пользовался у крестьянъ большою любовью и уваженіемъ. Желаніе ихъ было, конечно, исполнено, — и довольно большое селеніе Мошканы такъ и осталось безъ училища.

Точно также, и при тѣхъ же самыхъ условіяхъ, въ Сѣнинскомъ уѣздѣ, въ моемъ участкѣ, было сожжено неизвѣстною рукою народное училище въ мѣстечкѣ Островнѣ, существовавшее всего нѣсколько мѣсяцевъ. Учитель этого училища, студентъ семинаріи Потаповичъ, отправился вмѣстѣ съ сторожемъ въ баню, заперевъ училище на замокъ. Спустя полчаса, училище пылало уже со всѣхъ сторонъ и нельзя было даже узнать впослѣдствіи, въ какомъ мѣстѣ начался пожаръ... Евреи мѣстечка Островны подавали даже ко мнѣ, ранѣе,

формальное прошеніе, въ которомъ ходатайствовали, чтобы предполагавшееся училище было выстроено не въ мѣстечкѣ Островнѣ, а въ сосѣднемъ селеніи Дорогокуповѣ. Прошеніе это было оставлено мною безъ послѣдствій, и въ результатѣ произошелъ пожаръ „отъ неизвѣстной причины“... Такъ какъ училища эти были застрахованы, то на долю крестьянъ и мою выпадали одни лишь новые хлопоты и труды, безъ матеріальныхъ убытковъ. Ученіе дѣтей, конечно, прекращалось на нѣкоторое время; но тѣмъ не менѣе, постройки шли такъ быстро, что въ теченіе двухъ мѣсяцевъ оба сгорѣвшія училища были отстроены вновь.

Главную помощь и содѣйствіе въ училищномъ дѣлѣ оказывали, обыкновенно, мѣстные священники — эти почти безкорыстные труженники въ дѣлѣ народнаго образованія въ Бѣлоруссіи. Получая въ сущности ничтожные гроши (25 руб. въ годъ) за свое законоучительство, священники Сѣнинскаго уѣзда (о которомъ, собственно, и идетъ теперь рѣчь) полагали всю душу свою въ эти скромныя и жалкія волостныя училища. Только благодаря содѣйствію и вліянію духовенства, мнѣ удалось разсѣять въ крестьянахъ существовавшія у нихъ предубѣжденія противъ

училищъ, внушенныя евреями, и поселить въру въ полезность этихъ училищъ. Священники же, главнымъ образомъ, руководили и учителями — молодыми людьми, совершенно неопытными, попадавшими на мѣста прямо со школьной семинарской скамьи. А когда тѣ же самые священники составляли потомъ изъ учениковъ народныхъ училищъ небольшіе церковные хоры, замѣнившіе собою раздирательное пѣніе дьячковъ и отставныхъ солдатъ, то дѣло училищъ въ своемъ участіи я считалъ упроченнымъ навсегда: крестьяне, видя воочию результаты обученія, не только не уклонялись отъ участія въ поддержаніи своихъ училищъ, но, напротивъ, сами иногда на волостныхъ сходахъ заводили рѣчь о необходимости той или другой мѣры, въ видахъ улучшенія училищнаго дѣла; затѣмъ перестали скрывать своихъ дѣтей отъ обученія, опредѣлили небольшіе (въ 5 коп.) штрафы съ родителей за каждый пропущенный ребенкомъ классъ, каковыя деньги шли на поддержку тѣхъ же училищъ; наконецъ — и это было самое главное — крестьяне всѣхъ трехъ волостей участка, гдѣ мною были основаны училища — Мошванской, Островенской и Латыговской — согласились на устройство при этихъ учили-

щахъ, какъ они называли, конвиктовъ, т. е. стола и постелей для дѣтей изъ отдаленныхъ отъ мѣста училищъ деревень и селеній. На эту мѣру крестьяне долго не соглашались, отзываясь все тѣмъ же неимѣніемъ „грѣшей“; но когда, однажды, въ латыговское волостное училище явились двое мальчиковъ, пришедшихъ въ классъ за шесть верстъ, въ двадцатиградусный морозъ, съ отмороженными пальцами и ушами, я собралъ волостные сходы и, при содѣйствіи священниковъ, добился-таки приговоровъ крестьянъ на устройство этихъ конвиктовъ: положено было собирать въ училища, въ началѣ каждой осени, ржаную муку, крупу и пшено, картофель, сало и соль, и пр., и, кромѣ того, съ каждой ревизской души по двѣ или по три копѣйки на наемъ стряпухи и покупку кухонной посуды. Такимъ образомъ, дѣло училищъ въ участкѣ Богъ помогъ мнѣ поставить прочно и основательно. Дѣти отдаленныхъ деревень стали отдаваться родителями въ училища гораздо охотнѣе, чѣмъ прежде: имъ не нужно уже было ходить каждый день за нѣсколькими верстами, полемъ и лѣсомъ, въ классъ, и число учащихся дѣтей стало, вслѣдствіе этого, значительно увеличиваться.

Теперь, слишкомъ патнадцать лѣтъ спустя, я вспоминаю обо всемъ этомъ съ особеннымъ, сердечнымъ удовольствіемъ, и ради одного только этого дѣла охотно забываю всѣ тѣ огорченія и непріятности, начиная съ незаслуженныхъ обвиненій въ „соціализмъ“ и кончая бывшею у меня, позднѣе, войною съ полиціей и губернской администраціею, которыя потомъ пришлось пережить и испытать... Съ неменьшимъ отраднымъ удовольствіемъ я вспоминаю свѣтлыя и симпатичныя личности моихъ усердныхъ помощниковъ въ этомъ серьезномъ и благомъ дѣлѣ — священниковъ Зубова и Сорокалѣтова, трудившихся, не покладая рукъ и гораздо болѣе моего въ дѣлѣ обученія. Первый изъ нихъ былъ бѣднымъ приходскимъ священникомъ въ Латыговской волости, въ селеніи Ходцахъ, отчего и самое училище называлось у крестьянъ Ходчанскимъ. Этотъ священникъ положилъ всю душу свою въ училище, отдавая ему и все свое свободное время отъ пастырскихъ трудовъ, и остатокъ отъ своихъ скудныхъ матеріальныхъ средствъ — покупая, часто, дѣтямъ сапоги, шапки, угощая ихъ чаемъ и сластями. Шесть лѣтъ назадъ, въ 1877 году, проѣзжая по московско-брестской дорогѣ, я

встрѣтился на станціи Толочинъ съ однимъ изъ сѣннинскихъ мировыхъ судей, бывшимъ въ Могилевской губерніи, въ мое время, мировымъ посредникомъ, и узналъ отъ него, что священникъ Зубовъ умеръ отъ чахотки, оставивъ свою семью безъ всякихъ средствъ къ жизни; его вдова едва добилась мѣста просвири при ходчанской церкви...

Не мало также обязано было процвѣтаніе основанныхъ училищъ и дирекціи. Всѣ наши заявленія и просьбы исполнялись охотно; дирекція высылала намъ достаточное количество учебныхъ пособій и матеріаловъ, мѣняла иногда учителей, если они оказывались почему-либо неудобными. Попечителемъ Виленскаго учебнаго округа былъ въ то время родной братъ извѣстнаго покойнаго поэта, П. Н. Батюшковъ, зорко слѣдившій за дѣломъ народнаго образованія въ округѣ, отлично понимавшій весь серьезный смыслъ и значеніе этого образованія въ будущемъ сѣверо-западнаго края и дѣлавшій, поэтому, для народныхъ школъ все, что онъ могъ и что въ силахъ былъ сдѣлать. У меня сохранилось два письма Помпея Николаевича ко мнѣ, писанныя въ 1869 году, гдѣ онъ выражалъ мнѣ свою искреннюю признательность

за скромные труды въ дѣлѣ народнаго образованія, и я берегу письма эти, какъ лучшее воспоминаніе лучшихъ лѣтъ моей жизни, какъ самую дорогую и въ сущности единственную награду, которую я получилъ въ то время за свои труды.

Богъ вѣсть, въ какомъ теперь положеніи эти училища и цѣлы ли они?... *) Можетъ быть, они въ положеніи еще лучшемъ. Дай Богъ. Но я и многіе мои сотоварищи — такіе же „соціалисты“ — твердо убѣждены, что какъ въ дѣлѣ училищъ, такъ и въ устройствѣ земельного быта крестьянъ, мы трудились не напрасно и оставили по себѣ замѣтный слѣдъ, который не въ силахъ были замести никакіе послѣдовавшіе, часто измѣнявшіеся, вѣтры „внутренней политики“ сѣверо-западнаго края...

*) О судьбѣ народныхъ училищъ въ Могилевской губерніи я узналъ послѣ уже появленія моихъ „Воспоминаній“ въ печати, почти годъ спустя, въ Вильнѣ, отъ бывшаго въ мое время въ Могилевѣ инспектора этихъ училищъ, А. Н. П—ова. Онъ сообщалъ мнѣ слѣдующее: одинъ изъ могилевскихъ губернаторовъ, желая отличиться, началъ взыскивать недоимки и при этомъ разорилъ до-тла все крестьянское населеніе губерніи. Отличаясь дальше, онъ уничтожилъ всѣ ночлежные пріюты и „конvikты“ при училищахъ, — и на эти средства пооткрывалъ сельскія больницы, въ которыя, однако, никто изъ крестьянъ не шелъ.

тѣни прошлаго.

Какъ при повѣркѣ уставныхъ грамотъ, такъ и въ дѣлѣ училищъ не обходилось иногда безъ непріятностей и курьезовъ. О непріятностяхъ, въ видѣ двухъ пожаровъ, я уже говорилъ; курьезы же бывали въ такомъ родѣ. Въ Мошванское народное училище присланъ былъ, однажды, изъ Могилева учителемъ совсѣмъ малограмотный человѣкъ и, вдобавокъ, большой жуиръ. Нѣсколько недѣль спустя по его прибытіи, ко мнѣ пріѣхалъ волостной старшина и сообщилъ, что дѣти постоянно находятся одни, безъ учителя, что на уроки ходитъ одинъ „батюшка“, а учитель, взявъ впередъ жалованье, ѣздитъ по всему околотку на крестьянскихъ лошадяхъ и ищетъ себѣ подходящую невѣсту.

— Учить ли онъ, по крайней мѣрѣ, чему-нибудь рябятишекъ?—спрашиваю старшину.

— А якъ-же—учить... Уставить въ рядъ, якъ москалей, та ѣ учить.

Объяснилось, что учитель вздумалъ учить дѣтей совсѣмъ не тому, чему слѣдовало бы,—что учить онъ ихъ ружейнымъ приѣмамъ и маршировкѣ... Самъ онъ оказался отставнымъ юнкеромъ какого-то пѣхотнаго полка, не одолѣвшимъ премудрости юнкерскаго училища, оставившимъ, вслѣдствіе этого, службу и за-

стрявшимъ въ Могилевѣ. Такъ какъ онъ былъ землякомъ и дальнимъ родственникомъ одного изъ инспекторовъ народныхъ училищъ, то его, ничто же сумняся, и отправили обучать юношество... Дѣло выходило очень щекотливое. Я жилъ съ дирекціей въ большомъ ладу, а тутъ, по-неволѣ, нужно было заводить непріятную переписку и подвергать остракизму только-что присланнаго дирекціей педагога. Дѣлать нечего, велѣлъ на другой же день заложить лошадей и поѣхалъ въ это училище, отстоявшее отъ меня въ 15-ти верстахъ. Приѣзжаю — и застаю все въ лучшемъ видѣ: вездѣ чистота, порядокъ, полы выскоблены, всѣ дѣти подстрижены подъ гребенку... Въ классѣ засѣдаетъ самъ учитель, очень молодой человѣкъ, одѣтый франтомъ; идетъ классъ ариѳметики. Начинаетъ онъ вызывать учениковъ къ доскѣ и задавать имъ задачи; дѣти отвѣчаютъ плохо, нерѣшительно и ничего почти не знаютъ.

— Вызовите лучшихъ учениковъ, — прошу учителя.

Онъ вызываетъ двухъ мальчиковъ и тѣ отвѣчаютъ бойко и хорошо, знаютъ сложеніе и вычитаніе. Учитель вздумалъ-было тутъ-же объяс-

нять имъ и правило умноженія, но тотчасъ же сбился самъ, помножая на ноль...

— Давно ли вы выучились складывать и вычитать?—спрашиваю этихъ двухъ мальчиковъ.

— А еще въ прошломъ рѣку (году), отъ бабушки.

— Чѣмъ же они занимались съ вами?—любопытствовалъ я узнать у учителя.

Оказалось — ничѣмъ. Въ сѣняхъ, въ углу, стояла цѣлая вуча какихъ-то деревянныхъ колодокъ, замѣнявшихъ ружья во время военныхъ эзерциій... Предупрежденный старшиной о моемъ приѣздѣ, юнкеръ-педагогъ остался дома, привелъ въ порядокъ училище, придавъ ему внѣшній лоскъ и видъ, и рассчитывалъ, очевидно, что дѣло какъ нибудь сойдетъ съ рукъ...

— Къ чему вы учите дѣтей маршировкѣ и военнымъ приемамъ? — задалъ я вопросъ педагогу, при самомъ уже отъѣздѣ изъ училища.

— А на всякій случай. Попадутъ въ военную службу и имъ будетъ легко.

— Я бы васъ попросилъ — не учить. Можете вы мнѣ обѣщать это?

— Хорошо, я не буду учить...

На этомъ мы и разстались. Вскорѣ же, въ этомъ училищѣ произошелъ пожаръ и я вос-

пользовался случаемъ просить дирекцію отозвать этого невозможнаго педагога. Просьба моя была исполнена и его вскорѣ же куда-то перевели.

Второй памятный мнѣ курьезъ былъ въ Островенскомъ училищѣ. Вначалѣ, какъ я уже говорилъ, крестьяне относились къ училищамъ крайне несимпатично и, напуганные жидами, всячески уклонялись отъ отдачи въ эти училища своихъ дѣтей. Приходилось поэтому прибѣгнуть къ нѣкоторому понужденію и слѣдующей довольно оригинальной мѣрѣ: напримѣръ, если училище могло вмѣщать въ себѣ 50 мальчиковъ, а въ данной волости было 500 дворовъ, то отъ каждаго десяти дворовъ было для крестьянъ обязательно доставить въ училище одного ученика; а такъ какъ крестьяне добровольно этого не дѣлали, то сельскіе старосты ввели жеребьевую систему. И вотъ, достался разъ этотъ жеребій одному довольно зажиточному крестьянину, имѣвшему трехъ сыновей, подростковъ отъ 10-ти до 15-ти лѣтъ; не долго думая, богатый крестьянинъ обращается къ своему односельцу, пастуху, у котораго былъ всего одинъ ребенокъ, мальчикъ лѣтъ 12-ти, и нанимаетъ у него сына ходить

въ училище вмѣсто своего, вынужаго жеребій... Я узналъ объ этой исторіи совершенно случайно, спустя годъ, на происходившемъ въ моемъ присутствіи экзаменѣ: меня особенно удивилъ одинъ бойкій и умненькій мальчикъ, отвѣчавшій на всѣ вопросы толково и складно.

— Кто онъ такой? спросилъ я послѣ экзамена у волостнаго старшины.

— Ёнъ наймитъ, былъ отвѣтъ...

И дѣло, такимъ образомъ, выплыло на божій свѣтъ... Оказалось, что и старшина, и писарь отлично знали эту исторію, но не видѣли въ ней ничего необыкновеннаго и невозможнаго. Такъ и остался этотъ „наймитъ“ въ училищѣ и спустя еще годъ окончилъ курсъ народнаго училища первымъ ученикомъ. Какая была дальнѣйшая судьба этого талантливаго ребенка, нанявшагося учиться, — я не знаю, такъ какъ вскорѣ оставилъ и службу, и тотъ край.

Въ годъ оставленія мною службы, мнѣ очень хотѣлось ввести въ программу обученія въ народныхъ училищахъ особый, такъ-сказать, предметъ — ознакомленіе учениковъ съ положеніемъ 19-го февраля, въ главныхъ, по крайней мѣрѣ, и существенныхъ его чертахъ, наprimѣръ—съ правами крестьянъ и ихъ обязанностями, съ

волостными судами, съ сферою дѣятельности волостныхъ и сельскихъ сходовъ и проч. Я началъ по этому поводу переписку съ дирекціей народныхъ училищъ Могилевской губерніи, а самъ приступилъ-было уже къ составленію подходящаго „руководства“ для своихъ училищъ. Но дирекція, не разрѣшивъ моего ходатайства собственною властью, отнеслась въ попечителю Виленскаго округа, а оттуда послѣдовалъ категорическій отказъ. Тогда я возобновилъ представленія по этому вопросу лично отъ себя и получилъ новый отказъ, ничѣмъ даже не мотивированный. Волостные писаря, слѣдовательно, такъ и остались единственными въ волостяхъ юристами и истолкователями положенія 19-го февраля и главными руководителями сходовъ и даже волостныхъ судовъ.

VII.

Увольненіе Беклемишева и бывшія интриги противъ него.—Его отношенія къ крестьянамъ.—Мое первое представленіе ему.—Назначеніе виленскимъ генералъ-губернаторомъ А. Л. Потапова.—Имѣвшіяся о немъ въ краѣ свѣдѣнія.—Его объѣздъ края въ 1868 году.

Весною 1868 года, могилевскій губернаторъ, покойный А. П. Беклемишевъ, былъ уволенъ

отъ должности, „согласно прошенію“, съ причисленіемъ въ министерству внутреннихъ дѣлъ... Это была самая чувствительная и невознаграждаемая потеря для Могилевской губерніи, которую управлялъ этотъ добрый и честный чловѣкъ въ теченіе слишкомъ десяти лѣтъ. Увольненіе его было дѣломъ интриги, подпольной, черной и самой отвратительной интриги!.. Дѣло началось, какъ это бываетъ на Руси сплошь и рядомъ, съ личныхъ столкновеній: Беклемишевъ не поладилъ съ управляющимъ палатою гусударственныхъ имуществъ, съ губернскимъ жандармскимъ штабъ-офицеромъ и съ военными властями Могилева — начальникомъ 29-й пѣхотной дивизіи (нынѣ тоже покойнымъ) генераль-лейтенантомъ Рудановскимъ и съ губернскимъ воинскимъ начальникомъ. Непріязненные личныя отношенія перешли вскорѣ, какъ водится, въ служебныя, и началась весьма дружная и правильная атака и подкопы противъ губернатора. Первую атаку, начавшуюся еще въ 1866 году, Беклемишевъ отразилъ очень успѣшно. Бывшій въ то время виленскимъ генераль-губернаторомъ К. П. Кауфманъ (тоже покойный), хорошо знавшій всю закулисную сторону этой интриги, поддержалъ Беклеми-

шева въ Петербургѣ, и онъ уцѣлѣлъ; сдѣланные доносы на него обрушились на самихъ доносителей: одинъ изъ нихъ, жандармскій подполковникъ Коцебу, былъ переведенъ въ Вятку; другой, воинскій губернский начальникъ, полковникъ Тиньковъ — въ Витебскъ. Но въ 1868 году, при происшедшихъ перемѣнахъ въ личномъ составѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, и, главное, при ожидаемомъ назначеніи виленскимъ генераль-губернаторомъ извѣстнаго генерала Потапова, козни и интриги противу Беклемишева начались вновь и увѣнчались на этотъ разъ полнѣйшимъ успѣхомъ. Новый жандармскій полковникъ, желая поддержать пошатнувшійся престижъ своего предмѣстника, сталъ посылать доносы на Беклемишева въ Петербургъ *crescendo*; они, понятно, попадали въ руки всемогущаго тогда графа Шувалова, — и все это кончилось тѣмъ, что самый, можно сказать, лучшій и вѣрнѣйшій слуга царскій въ сѣверо-западномъ краѣ, одинъ изъ честнѣйшихъ и образованнѣйшихъ губернаторовъ въ Россіи, былъ уволенъ отъ должности... По одному изъ подтвердившихся доносовъ, на благороднѣйшаго Беклемишева взвалили отвѣтственность за какія-то нечистыя и некрасивыя аферы

одного мирового посредника (изъ нѣмцевъ), который, получивъ польское имѣніе на льготныхъ правахъ (изъ числа конфискованныхъ), устроилъ въ этомъ имѣніи обширную запашку и различные заводы и заставилъ крестьянъ своего участка работать на себя, какъ на помѣщика, старинную барщину — за самое ничтожное вознагражденіе. Беклемишевъ былъ обвиненъ „въ знаніи, попустительствѣ, недонесеніи“, и проч. Афериста-посредника прогнали, конечно, со службы, но суду почему-то не предали и дѣло въ концѣ-концовъ было, все таки, замято; кѣмъ и ради чего — этого я не знаю и не помню теперь.

Повойный А. П. Беклемишевъ, причисленный къ министерству, не долго оставался въ бездѣйствіи и въ тѣни. Исполняя различныя возлагавшіяся на него порученія, онъ вскорѣ былъ назначенъ членомъ совѣта министерства, произведенъ былъ въ тайные совѣтники, получилъ Бѣлаго Орла; но неумолимая смерть прекратила, въ 1878 году, эту честную и благородную жизнь: онъ умеръ, не имѣя, кажется, и 50-ти лѣтъ отъ роду, оставшись до конца жизни своей идеалистомъ, въ лучшемъ значеніи этого слова, съ безконечною и всегдаш-

нею вѣрою въ людей, въ силу Россіи и ея будущее, умеръ почти бѣднякомъ, ничего не оставивъ своей большой семьѣ...

Лица, которыя знали покойнаго Александра Петровича, или служили съ нимъ, если имъ доведется читать мои „воспоминанія“, согласятся, вѣроятно, съ тѣмъ, что добрые отзывы объ этомъ человѣкѣ не преувеличены нисколько. Я лишь счелъ своимъ долгомъ почтить добрую память этого замѣчательнаго во многихъ отношеніяхъ человѣка, замѣчательнаго уже по одному тому, что онъ не былъ вовсе похожъ на „администратора“. Запуганные отъ вѣку крестьяне-бѣлоруссы любили его, вѣрили ему безусловно (что рѣдко бываетъ въ данныхъ случаяхъ), шли къ нему толпами съ письменными и словесными просьбами, и онъ терпѣливо и внимательно выслушивалъ всѣхъ и каждого, каждого удовлетворялъ, если было возможно, и каждому помогалъ... Рѣдкій проситель-крестьянинъ уходилъ отъ него не ободренный, не съ сіяющимъ отъ радости лицомъ.

Помню, въ маѣ мѣсяцѣ 1868 года, былъ у меня, разъ, волостной сходъ въ Островенской волости (Сѣннинскаго уѣзда), на которомъ мнѣ нужно было лично присутствовать — по слу-

чаю, кажется, новыхъ выборовъ должностныхъ лицъ. Вдругъ, подходитъ къ столу старый безрукій солдатъ съ венгерской медалью и георгиевскимъ крестомъ,—и обращается ко мнѣ:

— Правда ли, ваше в—діе, что Александра Петровича, нашего губернатора, не будетъ больше у насъ?

Я ему отвѣтилъ, что правда.

Старикъ долго смотрѣлъ на меня въ упоръ, какими-то, словно оробѣвшими, глазами,— и вдругъ, захвативъ уцѣлѣвшей рукой полу своей старой солдатской шинели, поднесъ ее къ своимъ старческимъ глазамъ и вытеръ катившіяся по лицу слезы... Затѣмъ, неловко какъ-то повернулся на-лѣво — кругомъ и исчезъ въ толпѣ схода. Потомъ я узналъ, что у этого солдата былъ сданъ, неправильно, въ рекруты старшій сынъ, единственный кормилецъ всей семьи, и, благодаря лишь участію Беклемишева, возвращенъ изъ военной службы обратно. Когда этотъ солдатъ былъ въ пріемной у губернатора, подалъ ему свою просьбу и подробно рассказъ свое дѣло, то Александръ Петровичъ приказалъ ему „подождать“. И вотъ, когда уже всѣ просители ушли, Беклемишевъ тихонько вышелъ въ пріемную, сунулъ солдату въ руку

10 рублей и велѣлъ „идти съ Богомъ и ждать на-дняхъ сына домой“...

Кстати уже, не могу воздержаться здѣсь отъ коротенькаго разсказа о моемъ первомъ представленіи этому доброму человѣку.

По дорогѣ въ Могилевъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ, я соблазнился какою-то небольшо юрѣчкой — и выкупался. Это было въ сырой, холодный вечеръ, и у меня на другой же день началась лихорадка; съ этою „хворобой“ я пріѣхалъ и въ Могилевъ. Явившись на другой день для обычнаго представленія губернатору, я засталъ въ пріемной массу народа — чиновниковъ, военныхъ и помѣщиковъ — и мнѣ довелось ждать очень долго; а тутъ, какъ на грѣхъ, начался пароксизмъ лихорадки... Становилось очень досадно на это ожиданіе, и мое терпѣніе, наконецъ, стало истощаться... Дежурный чиновникъ куда-то исчезъ, и лица, расположившіяся въ пріемной, отправлялись въ сосѣдній кабинетъ губернатора сами собою, слѣдующимъ упрощеннымъ порядкомъ: выходившій изъ кабинета подходилъ къ кому нибудь изъ ожидавшихъ лицъ и приглашалъ его двумя словами: „васъ просить“, или „пожалуйте къ Александру Петровичу“... и приглашенный отворялъ дверь ка-

бинета и скрывался за тяжелыми драпри. Иногда же, получившій аудіенцію проходилъ изъ кабинета прямо черезъ пріемную, никого не приглашая на смѣну,—и тогда, минуты двѣ-три спустя, изъ-за драпировокъ показывалась красивая голова какого-то молодого человѣка и приглашала, кивкомъ и глазами, когонибудь изъ ожидающихъ... Вначалѣ, меня, человѣка не представлявшагося въ своей жизни до этого раза ни одному губернатору, занимала вся эта церемонія; но потомъ стала наскучать, а тутъ еще и лихорадка проклятая трясеть... И вотъ, я рѣшился вызвать изъ-за драпри молодого человѣка и объяснить ему, что я боленъ и ждать не могу. Я былъ увѣренъ, что это—или новый дежурный, или чиновникъ особыхъ порученій Беклемишева, присутствующій при пріемѣ. Я подсѣлъ къ самой двери, и, только что изъ нея высунулась голова молодого человѣка, какъ я сдѣлалъ ему знакъ рукой и кивнулъ головой... Онъ тотчасъ же сдѣлалъ два-три шага въ пріемную и подошелъ ко мнѣ. На немъ былъ обыкновенный вицъ-мундиръ министерства внутреннихъ дѣлъ — и ничего больше, т. е. никакихъ крестовъ, ни звѣздъ... Я лишь замѣтилъ, что этотъ молодой человѣкъ

очень красивъ собою, высокъ ростомъ и хорошо сложенъ.

— Что вамъ угодно? спросилъ онъ, улыбаясь какъ-то странно — не то насмѣшливо, не то любезно...

— Мнѣ угодно представиться начальнику губерніи. Я ожидаю больше часу и ждать больше не могу... Доложите, будьте добры, что я боленъ: видите, меня трясетъ лихорадка... А уйти какъ-то неловко — меня дежурный записалъ въ книгу, какъ только я пришелъ сюда...

Едва только я все это проговорилъ, какъ физіономія молодого человѣка быстро измѣнилась: улыбка исчезла, а на лицѣ явилось необыкновенно доброе и сожалѣющее выраженіе...

— Очень жалѣю, что вы больны и что я этого не зналъ... Прошу васъ, — и онъ пригласилъ меня слѣдовать за собою.

Я, конечно, понялъ, что передо мною былъ самъ губернаторъ Беклемишевъ, и, войдя въ кабинетъ, тотчасъ же сталъ извиняться за это *qui pro quo*... Но Беклемишевъ не далъ и кончить этого извиненія: онъ прямо предложилъ мнѣ ѣхать къ себѣ въ гостинницу и быть у него послѣ, когда буду здоровъ...

— Какъ жаль, право, что я не зналъ о

томъ, что вы сидите больной и ждете!.. говорилъ онъ, прощаясь со мной...

Точно громъ небесный разразился надъ Литвою и Бѣлоруссіею весною 1868 года, когда про-
неслась вѣсть о назначеніи генерала Потапова
въ Вильну... Съ личностью и дѣятельностью
этого генерала край былъ хорошо знакомъ,—
такъ какъ г. Потаповъ, до назначенія К.
П. Кауфмана, былъ нѣкоторое время помощ-
никомъ Муравьева. Всѣ знали, что г. Пота-
повъ не только не одобрялъ политики Му-
равьева по умиротворенію мятежнаго края, но
тайно, а впоследствии и явно, противодѣй-
ствовалъ этой политикѣ. У русскихъ людей,
поэтому, не могло быть никакихъ иллюзій и
розовыхъ надеждъ относительно будущаго напра-
вленія и характера дѣятельности новаго гене-
ралъ-губернатора: всѣ хорошо понимали, что
русское дѣло обречено на гибель, что націо-
нальная политика въ сѣверо-западномъ краѣ
и его обрусѣніе отминаяются...

Находились, впрочемъ, оптимисты, которые
припоминали первый пріѣздъ г. Потапова въ
Могилевъ, въ качествѣ помощника генералъ-гу-

бернатора Муравьева. Всѣ служащіе—военные и гражданскіе—собрались въ то время, для обычнаго представленія, въ залѣ дворянскаго собранія: тутъ собралось и духовенство—православное и католическое; а такъ какъ польскихъ костеловъ въ Могилевѣ очень много, то и ксендзовъ, понятно, собралось не мало. Они стояли въ залѣ отдѣльною кучкою, очень многочисленною, въ сторонѣ отъ насъ „схизматиковъ“. И вотъ, когда генералъ Потаповъ обошелъ группу чиновниковъ и направился къ православному духовенству, то, остановясь на нѣсколько секундъ передъ группой ксендзовъ, онъ, на ихъ общій, почтительный поклонъ, отвѣтилъ: „Васъ еще такъ много“!?! Фраза эта, по своему тону, выражала скорѣе изумленіе, чѣмъ вопросъ...

Но вѣдь все это было такъ давно!.. Послѣ этого, нѣсколько разъ уже перемѣнялись лица, стоявшіе во главѣ управленія краемъ, перемѣнился и вѣтеръ... Поэтому, оптимистовъ, придававшихъ серьезное значеніе этому давнему эпизоду съ могилевскими ксендзами, было очень немного; болѣе же благоразумные люди, не нуждавшіеся, къ тому же, въ службѣ, спѣшили убраться изъ края сами—по добру по

здорову, какъ говорится: они—или подавали въ отставку прямо, или же брали болѣе или менѣе продолжительные отпуска, „по болѣзни“,— съ тѣмъ, чтобы ужъ не ворочаться въ край вовсе. Люди же бѣдные, жившіе службой, а также и болѣе упорные „фанатики“ какъ ихъ величали поляки, остались у моря и стали ждать погоды... Ждать имъ пришлось не долго: вскорѣ же въ „Виленскомъ Вѣстникѣ“ послѣдовалъ рядъ приказовъ, увольнявшихъ русскихъ людей отъ службы — для пользы службы, а въ *pendant* къ этимъ распоряженіямъ, генераль-губернаторъ Потаповъ, лѣтомъ того же 1868 года, предпринялъ объѣздъ ввѣреннаго ему края...

Этотъ приснопамятный объѣздъ былъ, можно сказать, торжественнымъ шествіемъ побѣдителя, съ криками: „*vae victis*“! по адресу русскихъ людей... Во время своего объѣзда, генераль Потаповъ не счелъ нужнымъ, хотя бы ради простого приличія, маскировать свои явныя симпатіи къ полякамъ и открытую ненависть (именно—ненависть) къ русскимъ людямъ. Во время этого объѣзда вполнѣ выяснилось *profession de foi* новой политики новаго генераль-губернатора въ краѣ. Самъ г. По-

таповъ, не говоря уже о сопровождавшей его свитѣ, старался всюду, гдѣ только было можно, и при всякомъ удобномъ случаѣ, заявлять о своихъ новыхъ взглядахъ и новомъ направленіи. Онъ (напримѣръ въ Минской губерніи) говорилъ православному духовенству, въ присутствіи польскихъ помѣщиковъ, оскорбительныя рѣчи, внушая, напримѣръ, священникамъ, что „обрусѣніе—не поповское дѣло“... Онъ останавливался, преимущественно, въ палацкахъ и домахъ богатыхъ пановъ; на официальныхъ представленіяхъ, въ уѣздныхъ городахъ, онъ рѣдко пропускалъ случай оскорбить какого нибудь русскаго чиновника, принизить его и велѣть подать въ отставку, если только этимъ чиновникомъ не былъ почему либо доволенъ мѣстный губернаторъ, или приносилъ жалобу мѣстный польскій магнатъ. Самый тонъ разговоровъ генерала Потапова на этихъ пріемахъ съ русскими чиновниками былъ невыносимъ: рѣзкій голосъ, пренебрежительный тонъ, недопущеніе никакихъ возраженій и оправданій...

Газеты того времени, понятно, не могли говорить и даже касаться этого триумфаторскаго шествія „побѣдителя“... Одинъ „Голосъ“ да

„Московскія Вѣдомости“ старались дать понять обществу, что въ сѣверо-западномъ краѣ совершается что-то неладное... Но все это были голоса робкіе и несмѣлые. Не то время было тогда, чтобы имѣть смѣлость подвергать критическому анализу торжество „побѣдителя“: начавшаяся въ Петербургѣ реакція ставила этого триумфатора въ положеніе совершенно исключительное: онъ становился абсолютно неуязвимъ... Торжество газеты „Вѣсть“ и ея единомышленниковъ было полное. Лишь немного позже стали появляться въ названныхъ двухъ большихъ газетахъ, сначала робкія и неясныя, а потомъ и болѣе смѣлыя корреспонденціи и письма изъ сѣверо-западнаго края, — и только много лѣтъ спустя, уже по увольненіи генерала Потапова отъ дѣлъ, въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ появились довольно смѣлыя, хотя совершенно эпизодическія и отрывочныя и далеко неполныя описанія полководческихъ подвиговъ этого измѣнившаго своему отечеству русскаго генерала — во время его поѣздки по краю, въ 1868 году, и послѣ, за все время его княженія въ Литвѣ, вплоть до служебнаго перемѣщенія его въ Петербургъ, на

постъ шефа жандармовъ и главноуправляющаго III-мъ Отдѣленіемъ.

VIII.

Ревизія крестьянскихъ учреждений Могилевской губерніи Пушкинымъ, Селиверстовымъ и Евреиновымъ. — „Хлѣбный вопросъ“, поднятый во время этой ревизіи. — Неожиданное погашеніе этого вопроса вѣтромъ изъ Вильны. — Недоумѣнія крестьянъ. — Корреспонденціи изъ Могилева и переполохъ отъ нихъ. — Мое „сокращеніе“.

Вскорѣ послѣ объѣзда генераломъ Потаповымъ Могилевской губерніи, командированы были изъ Вильны, для обревизованія мировыхъ крестьянскихъ учреждений этой губерніи, нѣсколько лицъ—изъ состоящихъ при генераль-губернаторѣ. Къ счастью для крестьянъ Могилевской губерніи и для насъ, „соціалистовъ“-посредниковъ, всѣ эти лица оказались не просто чиновниками, но и людьми: они не пожелали „оправдать довѣрія“ генерала Потапова и не произвели никакихъ опустошеній въ средѣ русскихъ людей, служившихъ въ то время крестьянскому дѣлу. Они добросовѣстно и самымъ тщательнымъ образомъ объѣзжали волости, собирали сходы, знакомились съ бытомъ крестьянъ и съ административными порядками

въ мировыхъ участкахъ, ревизовали очень подробно канцеляріи мировыхъ посредниковъ и съѣздовъ, и пр.,—и ко всему относились чрезвычайно безпристрастно и внимательно. Эти ревизующія лица были — сынъ безсмертнаго Пушкина, подполковникъ А. А. Пушкинъ, М. В. Селиверстовъ и камеръ-юнкеръ Евреиновъ. Правда, послѣ ихъ ревизіи, въ Могилевской губерніи было уволено нѣсколько мировыхъ посредниковъ и предсѣдателей съѣздовъ; но увольненія эти были, дѣйствительно, по заслугамъ: уволены были или лица завѣдомо недобросовѣстныя, или барицы и лѣнтыя, которые лишь жуировали, занимая должности, а не служили. Сѣнинскій уѣздъ, въ которомъ былъ я, ревизовалъ Селиверстовъ, бывшій самъ когда-то мировымъ посредникомъ и отлично, поэтому, знакомый съ крестьянскимъ дѣломъ. Онъ объѣхалъ всѣ семь волостей моего участка, обревизовалъ ихъ, провѣрилъ всѣ волостныя суммы, осмотрѣлъ училища и пр.,—и затѣмъ, приступилъ къ обревизованію моей канцеляріи. Тутъ мнѣ приходилось, невольно, пережить нѣсколько тяжелыхъ часовъ — въ ожиданіи, что Селиверстовъ пожелаетъ, кстати, обревизовать и находившіяся у меня суммы, которыхъ на-

лицо не имѣлось... Дѣло въ томъ, что ревизія эта производилась въ ноябрѣ 1868 года; незадолго передъ тѣмъ, я уѣзжалъ въ отпускъ, въ имѣніе моего покойнаго отца въ Тамбовскую губернію, и должность свою, на время отъѣзда, передалъ своему кандидату, маіору В—ичу; ему же передалъ и находившіеся у меня нѣсколько сотъ рублей казенныхъ денегъ. По возвращеніи изъ отпуска, принявъ должность, я не могъ уже получить этихъ денегъ съ В—ича, такъ какъ онъ ихъ растратилъ. А тутъ какъ-разъ случилась ревизія... Объ этой растратѣ я тотчасъ же заявилъ, негласно, въ сѣздѣ своимъ сослуживцамъ и предсѣдателю, но донести объ этомъ оффиціально въ сѣздѣ, или губернатору не рѣшился: этотъ маіоръ В—ичъ былъ старый человекъ, семейный, больной и очень бѣдный; къ тому же, онъ обѣщалъ пополнить растрату въ скорости. Мы и порѣшили—никому и ничего не доносить, предупредивъ, однако, В—ича, что если Селиверстовъ докопается до этой растраты, то тогда, конечно, придется объяснить ему все это дѣло. В—ичъ бросился было къ евреямъ за займомъ, но они, зная его за бѣдняка, отказали; у меня же, послѣ моей дальней поѣздки, не было въ то время

свободныхъ денегъ, — и, такимъ образомъ, В—ичъ находился на волосъ отъ суда и сраму. Къ счастью для него, добрыйшій М. В. Селиверстовъ, найдя все остальное въ моемъ участіи въ порядкѣ, стѣснился ревизовать у меня денежныя суммы, — и В—ичъ былъ спасенъ. Вскорѣ, онъ получилъ, на льготныхъ условіяхъ, небольшое имѣніе, былъ зачисленъ въ Вильну въ штатъ при Потаповѣ — и деньги внесъ ¹⁾).

Ревизующіе чиновники натенулись, между прочимъ, на одно очень интересное дѣло въ Могилевской губерніи, надѣлавшее въ то время много шума и доставившее не мало хлопотъ польскимъ помѣщикамъ. Не помню уже теперь, кто изъ нихъ — Пушкинъ или Селиверстовъ — принялъ въ одной волости отъ крестьянъ просьбу о возвращеніи имъ хлѣба, взятаго изъ запаснаго магазина помѣщикомъ, въ

¹⁾ Этотъ счастливый „случай“ постигъ В—ича при слѣдующихъ, довольно характерныхъ обстоятельствахъ. Во время пріѣзда генерала Потапова въ г. Сѣнно, въ его свитѣ находился полковникъ Е—овъ, бывшій воспитанникъ Пажескаго корпуса, гдѣ майоръ В—ичъ былъ прежде воспитателемъ Е—овъ, узнавъ своего стараго воспитателя, попротезировалъ ему, — и майоръ В—ичъ, вмѣсто ожидаемаго суда за растрату суммъ, получилъ, неожиданно, имѣніе и сдѣлался помѣщикомъ.

началъ 1863 года. Оказалось, что крестьяне, устроившіе у себя сельскіе запасные магазины тотчасъ по объявленіи воли, т. е. въ 1861 году, стали ссыпать въ эти магазины хлѣбъ въ томъ же 1861 году; затѣмъ, они ссыпали хлѣбъ и въ 1862 году, который былъ, тоже, сравнительно урожайнымъ годомъ. Такъ какъ, обаяніе помѣщичьей власти было еще очень сильно и польскіе мировые посредники совсѣмъ не думали ослаблять это обаяніе и значеніе, а вотчинная полиція предоставлена была, по положенію 19-го февраля, помѣщикамъ же, то они, помѣщики, и завѣдывали этими магазинами полновластно. Въ началѣ 1863 года, предвидя, можетъ быть, что дни этой ихъ власти уже сочтены, нѣкоторые помѣщики, самымъ спокойнымъ образомъ, распорядились продать этотъ хлѣбъ, или же брали рожь на свои винокуренные заводы, а овесъ—для своихъ лошадей. Затѣмъ, въ апрѣлѣ произошло возстаніе, появились въ губерніи вооруженныя шайки; потомъ началось усмиреніе этого возстанія, аресты помѣщиковъ, суды, ссылки и пр... Тутъ уже было не до магазиновъ,—и дѣло это, надо полагать, такъ и кануло бы въ вѣчность, если бы одному сельскому обществу не вздумалось заявить во

время ревизіи объ этомъ бывшемъ расхищеніи ихъ трудового хлѣба. Тогдашній могилевскій губернаторъ П. Н. Шелгуновъ (бывшій минскій) принялся за дѣло очень горячо, на первыхъ порахъ: всѣ съѣзды и мировые посредники получили циркулярное предложеніе привести въ извѣстность весь присвоенный помѣщиками отъ крестьянъ хлѣбъ, по каждой экономіи отдѣльно,—и затѣмъ, склонить помѣщиковъ къ возврату крестьянамъ этого хлѣба. Но—склонить ихъ было не такъ-то легко: они сами, въ это время, были, большею частію, разорены—тѣми контрибуціями (10% сборъ съ дохода), которыя съ нихъ взымались... Наконецъ, немногіе изъ помѣщиковъ признались въ этомъ присвоеніи: большинство отзывалось, за давностью дѣла, запамятованіемъ о немъ, или ссылалось на распоряженіе своихъ экономовъ и управляющихъ... Тѣмъ не менѣе, мы, мировые посредники, принялись за это вопіющее дѣло очень сильно, убѣжденные: во 1-хъ въ дѣйствительности этихъ присвоеній, а во 2-хъ, въ томъ, что хлѣбъ этотъ слѣдуетъ отъ пановъ, такъ или иначе, вернуть крестьянамъ, какъ неправильно у нихъ отнятый. Къ сожалѣнію, дѣлу этому не суждено было окон-

читься: помѣщики нашли заступничество въ Вильнѣ,—и, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, мы получили новый циркуляръ, предлагающій пріостановится, вообще, со всѣмъ этимъ дѣломъ—впредь до дальнѣйшихъ распоряженій. Вскорѣ мы отлично знали, что никакихъ такихъ распоряженій больше не послѣдуетъ... Только зря взбудоражили крестьянъ и помазали ихъ по губамъ этимъ хлѣбомъ!.. Цѣлый годъ, потомъ, не было ниѣ отбоя и покоя отъ крестьянъ и ихъ разспросовъ относительно возвращенія хлѣба. Когда, бывало, я ѣхалъ за чѣмъ нибудь въ какое-либо волостное правленіе, то заранѣе клалъ себѣ въ карманъ циркуляръ губернскаго присутствія, пріостановившій это дѣло. Какъ только, бывало, кончишь занятія въ волостномъ правленіи и выходишь садиться въ экипажъ, то смотришь, стоятъ уже нѣсколько человѣкъ „уполномоченныхъ“ отъ сельскихъ обществъ...

— Вамъ что нужно? спрашиваю ихъ.

— А объ тѣмъ житѣ усё... Колы-жь намъ панъ повертаетъ его?

— А вотъ, послушайте-ка, что губенаторъ пишетъ,—отвѣчаю имъ, достаю злосчастный, весь уже истрепанный, циркуляръ и читаю...

— Ну что, поняли?

— Ницъ не поняли, не розумѣмъ ничѣго...

— А тутъ пишется, что хлѣба этого вы долго, а можетъ быть, и совсѣмъ не получите.

— Якъ же такъ?!

И „уполномоченные“ дѣлають изумленные фізіономіи и чешутъ затылки... Просто неловко и даже стыдно было передъ ними, — въ такое комическое положеніе поставили насъ передъ крестьянами въ этомъ дѣлѣ, такъ-таки и замолкшемъ, потомъ, навсегда...

Я тогда нослалъ корреспонденцію въ „Голось“, и попробовалъ было поднять въ печати этотъ „хлѣбный вопросъ“ крестьянъ Могилевской губерніи; но и печать оказалась безсильна передъ Вильной; только прибавилъ я лишнихъ хлопотъ мѣстной жандармеріи, которая долго и тщательно розыскивала „автора“...

Здѣсь, кстати, я позволю себѣ разсказать одинъ эпизодъ, происшедшій въ Могилевской губерніи въ 1866 году, по поводу газетныхъ же корреспонденцій.

Какъ распорядился генералъ Потаповъ съ покойнымъ литераторомъ Л. Н. Антроповымъ, за его письма изъ Вильны въ „Голось“, — я уже говорилъ выше. Та же участь выпадала и на долю другихъ корреспондентовъ, въ осталь-

ныхъ пяти губерніяхъ сѣверо-западнаго края. По крайней мѣрѣ, то и дѣло приходилось слышать объ увольненіи со службы въ этихъ губерніяхъ лицъ, заподозренныхъ въ писаніи газетныхъ корреспонденцій; этотъ изгоняемый изъ края неблагонадежный элементъ состоялъ, преимущественно, изъ учителей гимназій и мировыхъ посредниковъ. Противу тѣхъ и другихъ выдвигалась, обыкновенно, тяжелая артиллерія—въ видѣ обвиненія въ социализмъ, равно опасномъ и для учащагося юношества, и для крестьянъ,—и социалистовъ-корреспондентовъ живо выпроваживали вонъ—сначала со службы, а потомъ и изъ края.

Но въ Могилевской губерніи произошелъ, однажды, такой казусъ съ этими корреспонденціями. Въ одинъ прекрасный день, приходитъ въ Могилевъ почта и привозитъ нѣсколько номеровъ (по числу, конечно, подписчиковъ) „Московскихъ Вѣдомостей“ съ письмомъ „Изъ Могилева-на-Днѣпрѣ“. Письмо, по выраженію могилевскихъ властей, было „ужасное“; во-первыхъ, отъ начала до конца правда, которую опровергнуть, хотя бы и оффиціальнымъ „сообщеніемъ“, было нельзя; во-вторыхъ, въ письмѣ этомъ приподнималась завѣса съ одного очень

темнаго и довольно серьезнаго дѣла—съ исторіи, происшедшей въ стѣнахъ знаменитаго Бѣлыничскаго костела *); въ-третьихъ, въ письмѣхъ разоблачались некрасивыя дѣйствія нѣкоторыхъ мировыхъ посредниковъ губерніи изъ бѣлорусовъ (т. е. тѣхъ же, въ сущности, поляковъ), а въ-четвертыхъ, и это самое главное, что повергло губернскія власти въ ужасъ, на письмѣхъ стояла римская цифра I, слѣдовательно, надо было ждать „продолженія“ въ слѣдующихъ номерахъ, какъ выражаются редакціи... Подъ роковымъ письмомъ стояла одна только буква К... Вотъ тутъ и извольте найти „автора“!..

Принялись, конечно, прежде всего, за тѣхъ подозрительныхъ особъ, фамилія которыхъ начиналась на эту букву... учинили надъ ихъ

*) Исторія эта заключалась въ слѣдующемъ: крестьянскія дѣти, играя около одного изъ подвальныхъ оконъ костела, нашли нѣсколько круглыхъ и коническихъ пуль. Пока узнали объ этой находкѣ власти и полиція и пока пришло изъ Могилева разрѣшеніе осмотрѣть подвалъ (вмѣщавшій въ себѣ гробницы), тамъ все уже почти было прибрано; нашли только одинъ холщевой мѣшокъ съ темными, лоснящимися пятнами отъ свинцовыхъ пуль на его внутренности, да нѣсколько, очевидно случайно, оброненныхъ пуль на каменномъ полу подвала въ щеляхъ. Такъ какъ костелу могло угрожать закрытіе, то поляки не пожалѣли средствъ и хлопотъ и дѣло было замазано.

корреспонденціей негласный надзоръ и взяли ихъ „подъ сомнѣніе“. Въ Могилевѣ служилъ въ то время совѣтникомъ губернскаго правленія нѣкто г. К—овъ, очень добрый и милый человѣкъ, но уже отнюдь не „корреспондентъ“: права онъ былъ тихаго, происходилъ изъ духовнаго званія и былъ скорѣе человѣкомъ талейрантовымъ, т. е. способнымъ угодить и нашимъ и вашимъ... Тѣмъ не менѣе, его сильно заподозрили въ прикосновенности къ „Московскимъ Вѣдомостямъ“ и въ „принадлежности къ партіи, стремящейся...“ и проч. и проч. И приходилось совсѣмъ уже туго бѣдному ни въ чемъ не повинному совѣтнику, какъ вдругъ, на его счастье, узнали, что верстахъ въ 20-ти отъ Могилева, въ имѣніи Прибережьѣ *), гостилъ у своихъ родственниковъ извѣстный пѣвецъ Маріинскаго театра г. К—евъ... Съ человѣка такой свободной профессіи были, конечно, взятки гладки, по пословицѣ; къ тому же, во время появленія письма въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“,

*) Имѣніе это принадлежало польскому помѣщику Перевѣтъ-Солтану и подлежало обязательной продажѣ въ русскія руки. Его купилъ, съ пособіемъ отъ правительства, на льготныхъ условіяхъ, литераторъ А. Потѣхинъ, бывшій впоследствии редакторомъ „Могилевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“.

его уже и слѣдъ простылъ въ Могилевской губерніи... Вдругъ, новая бомба—„Письмо II-е“; черезъ недѣлю III-е... И всѣ письма въ томъ же родѣ: правдивыя, искреннія и очень жгучія, и все бьютъ по самымъ больнымъ и сокровеннѣйшимъ мѣстамъ губерніи... Беклемишеву эти письма хотя и были непріятны, но онъ сдерживался; приближенные же его производили весьма тщательные сыски и розыски „автора“, но ничего не узнали и никого не нашли. Одинъ изъ этихъ господъ допрашивалъ даже пишущаго эти строки.

— Не знаете ли, кто это пишетъ?

— Право не знаю, отвѣчалъ я.

— Но въ послѣднемъ письмѣъ разсказывается одинъ случай, происшедшій въ вашемъ участкѣ— что польскій помѣщикъ побилъ крестьянина, а когда тотъ пошелъ жаловаться къ посреднику, то его же, побитаго, будто бы и высѣкли.

— Положимъ, это въ моемъ участкѣ, дѣйствительно, было — при моемъ предмѣстникѣ, графѣ Толстомъ; но какъ узналъ объ этомъ авторъ „письма“, этого я не знаю.

— Да ужъ не вы ли, скажите, пишете эти „письма?“—вдругъ спросилъ меня допрашивающій, тѣмъ самымъ тономъ, какимъ гоголев-

кая Коробочка спросила Павла Ивановича Чичикова: „Да ты, батюшка, не скупаешь ли, тоже, птичьи перья?..“

Я отвѣчалъ отрицательно.

Представьте же себѣ, какъ вытянулись у всѣхъ лица, когда, наконецъ, узнали изъ достовѣрнаго источника (посредствомъ, кажется, перлюстраціи), что авторомъ „Писемъ“ въ „Московскія Вѣдомости“ было одно, нынѣ очень высокопоставленное лицо — въ то время сенаторъ, пріѣзжавшій на нѣсколько недѣль въ Могилевскую губернію, къ роднымъ своей жены, по окончаніи путешествія по Волгѣ съ нынѣшнимъ Государемъ, въ то время Наслѣдникомъ. Имя этого достопочтеннаго лица начиналось съ буквы К... Едва только это разузнали, какъ всѣ розыски тотчасъ же стихли, — и пѣвцу К — еву, вѣроятно, болѣе уже не икалось въ Петербургѣ...

Корреспонденціи же, къ слову сказать, погубили въ послѣдствіи, въ 1870 году, и меня — т. е. заставили оставить службу. Случилось это такъ. Въ 1868 и 1869 годахъ я помѣстилъ нѣсколько писемъ „Изъ Могилевской губерніи“ въ газетѣ „Голосъ“. Пока эта губернія была подчинена Потапову, я своихъ корреспонденцій

не подписывалъ; но въ 1869 году, когда Могилевская, а за нею Витебская и Минская губерніи были изъяты изъ вѣдѣнія Виленскаго генералъ-губернатора, я соблазнился авторскою славой и, подобно Антропову, подписалъ подъ своею послѣднею корреспонденціей двѣ своихъ буквы — И. З... Могилевскимъ губернаторомъ въ то время былъ человѣкъ добрый, но немножко малодушный: вѣрившій, напимѣръ, въ непогрѣшимость полиціи, боявшійся корреспонденцій какъ огня, окружавшій себя людьми „преданными“ ему лично, но не дѣлу, и пр. Сначала противъ меня повелась обычная въ провинціальномъ чиновничьемъ мірѣ интрига и атака — преимущественно тайная и, нельзя сказать, чтобы очень чистая: мѣстная полиція *) сочиняла на меня крестьянамъ жалобы — и сама же производила, иногда, дознанія по этимъ жалобамъ; затѣмъ, судебный слѣдователь, по

*) Во главѣ этой полиціи стоялъ мѣстный исправникъ, армейскій офицеръ, большой взяточникъ и круглый невѣжда, но человѣкъ крайне смѣлый, эта смѣлость помогла ему и въ послѣдствіи, при введеніи мировыхъ судебныхъ учрежденій въ Могилевской губерніи: онъ ухитрился какъ-то внести въ свой формуляръ, что окончилъ, будто бы, курсъ въ Кіевскомъ университетѣ, — и изъ капитанъ-исправниковъ попалъ, въ 1872 году, въ мировые судьи. И. З.

фамиліи Прошинскій—отъявленный взяточникъ и грабитель крестьянъ—посадилъ въ острогъ ни въ чемъ неповиннаго, очень честнаго фельдшера Лешко, служившаго въ одной изъ волостей моего участка — только за то, что онъ отговаривалъ крестьянъ отъ жалобъ, внушаемыхъ полиціей; наконецъ, по доносу жандармскаго офицера, былъ командированъ въ мой участокъ, во время моего нахожденія въ отпуску, членъ губернскаго присутствія — для производства дознанія по этому доносу, оказавшемуся ложнымъ. Когда, наконецъ, увидѣли, что изъ всего этого ничего не выходитъ, тогда въ Могилевѣ придумали самый простой и вѣрный пріемъ: рѣшили сократить одинъ мировой участокъ въ уѣздѣ (Сѣнинскомъ), гдѣ служилъ безпкойный и опасный авторъ корреспонденцій... Министерство утвердило это представленіе губернскаго присутствія—и жребій „сократиться“ палъ, конечно, на меня, грѣшнаго... Я, впрочемъ, не пожелалъ ждать этого „сокращенія“ и сопряженнаго съ нимъ „оставленія за штатомъ“ и подалъ прошеніе объ отставкѣ.

На этомъ пока я и прерву мои „воспоминанія“ о Бѣлоруссіи. Нѣсколько лѣтъ позже, мнѣ случайно довелось прожить нѣкоторое

время въ Гродненской губерніи. Я встрѣтилъ новые порядки и новые типы. Генераль-губернаторомъ края былъ въ то время тоже совершенно новый типъ талейрантнаго администратора—въ лицѣ покойнаго П. П. Альбединскаго, одинаково добраго и любезнаго и къ полякамъ и къ русскимъ... Бывшіе виленскіе „пши“ превратились уже въ „дѣльцовъ“ и, съ нѣкимъ малограмотнымъ чиновникомъ Озеровымъ во главѣ, ворочали крестьянскимъ дѣломъ въ губерніи; контингентъ мировыхъ посредниковъ былъ уже совсѣмъ иной: эти, прежде почетныя, должности замѣщались бывшими гродненскими семинаристами и даже волостными писарями... Губернаторомъ въ Гродно былъ въ то время уланскій офицеръ, нѣмецъ, плохо даже говорившій по-русски, фамилія котораго тоже плохо выговаривалась на русскомъ языкѣ: выходило у многихъ — „охъ, враль“, или „охъ, шваль...“

Это время, впрочемъ, составляетъ предметъ моихъ отдѣльныхъ „воспоминаній“, которыя теперь еще преждевременны.

С.-Петербургъ.
Мартъ, 1883 года.

Среди архивовъ южно-русскаго края*).

При одномъ лишь, болѣе или менѣе внимательномъ, взглядѣ на однѣ описи старинныхъ дѣлъ, хранившихся въ сосредоточенныхъ архивахъ трехъ окружныхъ судовъ южно-русскаго края — въ кievскомъ, каменецъ-подольскомъ и житомирскомъ, — убѣждаемся въ томъ, что описи эти есть, въ сущности, скорбные листы недавняго прошлаго здѣшняго края... Сердце обливается кровью, и болѣзненно ще-

*) Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, мнѣ довелось заниматься въ центральномъ архивѣ при Кievскомъ университетѣ. Настоящая статья, напечатанная въ Кievской же газетѣ „Трудъ“, имѣла служить предисловіемъ къ цѣлой серіи рассказовъ изъ недавняго прошлаго южно-русскаго народа. Но по обстоятельствамъ отъ меня независящимъ, занятія мои прекратились, и мнѣ пришлось ограничиться напечатаніемъ лишь двухъ нижепомѣщаемыхъ рассказовъ.

мить и ноетъ душа при одномъ перечнѣ этой массы кровавыхъ дѣлъ, порожденныхъ недоброй памяти крѣпостнымъ правомъ!.. И еще съ большею благодарностью и благоговѣніемъ относишься къ великой реформѣ прошлаго царствованія, положившей предѣлъ и конецъ и этому праву, и этимъ ужаснымъ „дѣламъ“...

Рано или поздно, „дѣла“ эти дождутся, конечно, своего историка, который долженъ будетъ посвятить имъ не одинъ, можетъ быть, десятокъ лѣтъ, — и только тогда мы будемъ имѣть подробную или правдивую исторію закрѣпощенія, въ концѣ прошлаго столѣтія, дѣлаго края, цѣлаго вольнаго народа, закрѣпощенія сотенъ тысячъ душъ въ неволю людямъ „случая“, за ихъ дѣйствительныя и мнимыя заслуги. Предъ нами появится тогда и второй актъ этой великой человѣческой трагедіи—борьба закрѣпощенныхъ и ихъ страшные протесты противу своей неволи, иногда явные—въ формѣ нескончаемыхъ дѣлъ „объ отыскиваніи вольности“, а въ большинствѣ случаевъ, тайные—въ формѣ побѣговъ, наименованіи себя „безписменно-видными“ и „непомнящими своего родства и званія“, и преимущественно,—въ формѣ многочисленныхъ и разнородныхъ самоубійствъ...

Вѣшались и топились болѣе всего дѣвушки и дѣти 14-ти и 15-ти лѣтъ, не имѣющія возможности бѣжать.

Да, небезмолвно и небезропотно подчинился здѣшній свободный край крѣпостной неволѣ! Можетъ быть, это недовольство не было-бы столь сильнымъ и не носило-бы такого остраго характера если-бы помѣщики относились къ своему праву болѣе гуманно и человѣчно, если-бы они смогли, въ свое время, отгадать духъ и характеръ закрѣпощеннаго народа, выросшаго на волѣ, всецѣло сохранившаго еще свободныя традиціи и преданія буйной Запорожской Сѣчи. Но помѣщики и паны ненавидѣли эти именно традиціи и не хотѣли о нихъ знать и вѣдать: они увѣренно опирались на ту самую силу, которая закрѣпостила за ними этотъ вольнолюбивый народъ — и прибѣгли къ угнетенію и порабощенію, которое, по словамъ поэта,

Какъ зло за зло,
Всегда влекло
Ожесточенье.

И вотъ, началась та глухая, беспощадная борьба между угнетенными съ одной стороны и угнетателями съ другой, которая проходитъ чрезъ весь періодъ времени отъ 1783 года по

1831 годъ. Съ этого года и вплоть до 1861 года борьба принимаетъ нѣсколько иной характеръ. Польскій мятежъ поставилъ русское правительство и мѣстныя власти въ нѣсколько фальшивое положеніе: съ одной стороны, власти видѣли, что „угнетеніе“ православныхъ крестьянъ польскими помѣщиками имѣетъ не одну лишь экономическую подкладку, но и многія чисто политическія причины — разность вѣры, месть за индифферентное участіе въ бывшемъ мятежѣ и многія другія. Съ другой же стороны, для сохраненія *statu quo* крѣпостного права, само русское правительство должно было преслѣдовать и, такъ сказать, самоугнетать тѣхъ-же самыхъ крестьянъ, если на нихъ жаловались польскіе помѣщики. Предотвратить же „угнетеніе“ со стороны самихъ помѣщиковъ русскія власти не имѣли ни средствъ, ни силъ, ни возможности.

Мы видимъ, что съ 1831 и 1832 гг. начинается въ уѣздныхъ судахъ и гражданскихъ палатахъ южно-русскаго края масса дѣлъ „объ отыскиваніи вольности“ различными, неправильно закрѣпощенными ранѣе, лицами. Ясно, что съ этого только времени — т. е. послѣ мятежа — явилась возможность начать эти дѣла

съ нѣкоторою надеждою на ихъ выигрышъ. Чаще всего „отыскивали вольности“ отъ графовъ Потоцкихъ и Браницкихъ, которые закрѣпощали не однихъ простыхъ людей, но и однодворцевъ, мѣщанъ, гражданъ и даже лицъ духовнаго званія православнаго исповѣданія. Спустя лѣтъ пять-шесть послѣ возстанія 1831 года, когда страсти нѣсколько поуспокоились и улеглись, въ уѣздныхъ судахъ и уголовныхъ палатахъ вновь начинаются сотни дѣлъ „объ угнетеніи крестьянъ“, „о жестокомъ обращеніи“ съ ними, объ употребленіи крестьянъ на работы въ праздничные и торжественные дни“, а всего чаще — о нанесеніи тяжкихъ побоевъ помѣщиками женщинами и крестьянами — преимущественно, дворовыми людьми, отъ чего они „скоропостижно“ умирали.

Интересно, что, при кваліфикаціи преступленій, въ заголовкѣ самихъ дѣлъ, мы почти всегда встрѣчаемся съ словами: „будто-бы“... Напримѣръ, „дѣло о преждевременномъ рожденіи крестьянкою Ефросиніей Крочковскою мертваго младенца, по причинамъ, будто-бы, нанесенія ей ударовъ внудомъ помѣщикомъ Коліевскимъ“. Или: „Дѣло о причиненіи дворяниномъ Ольшевскимъ побоевъ крестьянину

Ивану Царенкѣ, отъ коихъ, будто-бы, онъ умеръ“. Или: „Дѣло о повѣсившемся крестьянинѣ Тимоѣѣ Благомъ, по причинѣ, будто-бы, жестокаго обращенія съ нимъ помѣщика Невадовскаго“. Надобно замѣтить, что всѣ эти названныя нами дѣла и сотни имъ подобныхъ возникали уже послѣ 1831 года и даже въ сороковыхъ годахъ и почти всегда съ словами „будто-бы“. А до 1831 года дѣла эти не встрѣчаются почти вовсе. Всякая подобная жалоба считалась, очевидно, бунтомъ, и въ судебной практикѣ того времени (до возстанія) не принято было даже вчинать подобныя дѣла: взаимнъ ихъ, были другія дѣла, весьма несложныя, болѣе безмолвныя и не менѣе безжалостныя — о взысканіи путевыхъ и кормовыхъ денегъ съ помѣщиковъ для отправляемыхъ ими въ Сибирь на поселеніе крѣпостныхъ людей, иногда цѣлыми семьями.

Дорого обходилось помѣщикамъ слово „будто-бы“, вставляемое въ заголовкѣ дѣла, при квалификаціи совершаемыхъ ими расправъ съ своими беззащитными жертвами!.. Но иногда, этого слова нельзя было купить и за довольно крупную сумму. Такъ, напр., въ брацлавскомъ уѣздномъ судѣ, Подольской губерніи, въ 1836 г.,

было заведено дѣло „о жестокомъ обращеніи графа Мечислава Потоцкаго съ крестьянами“. Въ заголовкѣ дѣла мы не встрѣчаемся уже съ традиціоннымъ словомъ „будто-бы“, не смотря на то, что не далѣе какъ въ 1837 году, въ томъ же брацлавскомъ уѣздномъ судѣ возникла „переписка“ по дѣлу, заведенному „по доносу отыскивающаго вольности Іеронима Недобыльскаго на графа Мечислава Потоцкаго и исправляющаго должность секретаря брацлавскаго уѣзднаго суда канцеляриста Грушецкаго, за дачу, будто-бы (!) первымъ и взятіи послѣднимъ, въ посулѣ, 500 руб. ассигнаціями“. Вотъ какъ щедро расплачивались польскіе магнаты за свое „жестокое обращеніе“ съ православными крестьянами! Въ большинствѣ случаевъ, подобныя дѣла, понятно, оканчивались ничѣмъ: недовольство угнетенныхъ признавалось порывами къ бунту, а ихъ жалобы — „ложными извѣтами“.

И не одни только важные паны, въ родѣ, напр., графовъ Потоцкихъ, позволяли себѣ „жестокое обращеніе“ съ закрѣпощеннымъ казачествомъ, съ своими православными крестьянами: въ этихъ-же архивахъ мы встрѣчаемъ сотни дѣлъ „о нанесеніи обидъ“, „тяжкихъ

побоевъ“, „объ излишнихъ употребленіяхъ въ работу“, „о недопущеніи крестьянъ къ исполненію обрядовъ православной церкви“, и т. п. — въ чемъ обвинялись уже не помѣщики и магнаты, а ихъ управляющіе, арендаторы и поссессоры — все лица съ польскими-же именами и фамиліями, дѣйствовавшія совершенно на правахъ помѣщиковъ. Замѣтимъ, опять-таки, что почти всѣ подобныя дѣла стали возникать лишь послѣ 1831 года, — что чрезвычайно важно въ данномъ случаѣ: значитъ, только послѣ возстанія угнетаемые осмѣливались жаловаться на своихъ угнетателей. Легко представить себѣ кровавую картину крѣпостного права въ южно-русскомъ краѣ до 1831 года, когда немыслима была никакая жалоба при польскомъ составѣ чиновниковъ, какъ въ администраціи, такъ и въ судахъ и палатахъ того времени!.. Отмѣтимъ при этомъ еще одну характерную особенность; мы, пока, не встрѣтили въ архивахъ ни одного дѣла о злоупотребленіи помѣщичьей властью, возбужденнаго *помимо* жалобы потерпѣвшей стороны.

Не менѣе интересныя дѣла встрѣчаются въ архивахъ о евреяхъ. Дѣла эти какъ бы дополняютъ собою тяжелую и мрачную картину на-

шего недавняго прошлаго. Идя дружно рука-объ-руку съ панами въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ, евреи оставили свой неизгладимый слѣдъ и въ дѣлѣ угнетенія уже закрѣпощеннаго южно-русскаго народа... Кромѣ того, еврейскія дѣла архивовъ интересны и въ другомъ отношеніи — чисто экономическомъ и цифровомъ: если посчитать сумму всѣхъ убытковъ, причиненныхъ евреями здѣшняго края казнѣ, съ 1783 года, — поддѣлками фальшивыхъ ассигнацій и монетъ, всевозможнаго качества и сорта бандеролей, контрабанднымъ провозомъ товаровъ чрезъ австрійскую границу, подвозомъ безпатентной водки, укрывательствомъ отъ воинской повинности и т. под. дѣлами, то убытки нашей казны, слѣдовательно, и здѣшняго населенія придется считать не милліонами рублей, а десятками и сотнями милліоновъ *)...

Вотъ тѣ общія впечатлѣнія, которыя намъ, на первыхъ же порахъ, довелось вынести изъ архивовъ юго-западнаго края. Нельзя при

*) Пишущему эти строки доводилось уже, по поводу архивныхъ дѣлъ Бѣлоруссін, высказывать свой взглядъ на еврейскій вопросъ съ этой стороны — въ „Голосѣ“ 1868 и 1869 гг. и въ журналѣ „Живописное Обозрѣніе“, въ 1877 г., въ статьяхъ „Вампиры русскаго народа“.

этомъ не высказать крайне глубокаго сожалѣнія, что нѣкоторые изъ архивныхъ дѣлъ бывшихъ уголовныхъ и гражданскихъ палатъ, уѣздныхъ и словесныхъ судовъ и магистратовъ, по Кіевской, Волынской и Каменецъ-Подольской губерніямъ — исчезаютъ изъ южнаго края въ центральный архивъ министерства юстиціи, образуемый въ Москвѣ, подъ видомъ дѣлъ, подлежащихъ сохраненію. Для чего эти дѣла требуется „сохранять“ въ Москвѣ, а не въ центрѣ южно-русскаго края — въ Кіевѣ, въ его университетскомъ центральномъ архивѣ — совершенно непонятно.

Но и этихъ дѣлъ, которыя попали въ центральный архивъ при здѣшнемъ университетѣ, вполне достаточно, чтобы нашлись труженики, готовые посвятить свое время и силы на разработку драгоценныхъ матеріаловъ, имѣющихся въ такомъ обиліи въ этихъ тысячахъ старыхъ дѣлъ. Только, не дай Богъ, если за этотъ серьезный трудъ будутъ браться дилетанты, „ищущіе матеріаловъ“, не знакомые ни съ дѣломъ, за которое они берутся, ни съ бытомъ народа, о которомъ хотятъ писать, ни съ русскою исторіей, которую они никогда не знали, или успѣли забыть.

Инвалидные крестьяне.

Со второй четверти текущего столѣтія, въ юго-западномъ краѣ (какъ и въ остальной Россіи), въ судахъ стали возникать особенно часто уголовныя дѣла о такъ называемомъ „угнетеніи крестьянъ“. Подобныя дѣла возникали, конечно, и прежде; но изъ описей и перечня дѣлъ уголовныхъ судовъ того времени легко убѣдиться въ томъ, что жалобы крестьянъ на угнетеніе стали приноситься все чаще и чаще именно со вступленіемъ на престолъ императора Николая I. Явленіе это можетъ найти, повидимому, нѣкоторое объясненіе въ томъ обстоятельстве, что со вступленіемъ на престолъ cadaго новаго государя все угнетенное, обыкновенно, спѣшитъ обратиться къ нему за защитою, ожидая милосердія, справедливости и милости. Такъ было и съ крѣпо-

стными крестьянами, мечтавшими, если не объ освобожденіи, то по крайней мѣрѣ, объ облегченіи полной зависимости ихъ отъ произвола помѣщичьей власти. Надеждамъ этимъ, какъ извѣстно, не суждено было въ то время осуществиться, и только въ 1861 году крѣпостные крестьяне были освобождены, получивъ и волю, и землю.

Многія изъ этихъ „дѣлъ“ поражаютъ своимъ кровавымъ, глубоко драматическимъ характеромъ: былъ „ужасный вѣкъ и ужасныя сердца“ по выраженію поэта... Слава Богу, что и этотъ вѣкъ, и эти сердца отошли уже отъ насъ на двадцать слишкомъ лѣтъ — и отошли безвозвратно!.. Тѣмъ не менѣе, знакомство съ дѣлами, чтеніе и изученіе ихъ представляютъ огромный бытовой интересъ не только для лицъ, спеціально посвятившихъ себя изученію исторіи, но и для обыкновенной публики. Такъ, по крайней мѣрѣ, намъ кажется. Къ сожалѣнію, многія изъ этихъ „дѣлъ“ еще недоступны описанію—вслѣдствіе близости времени, въ которое они совершались: могутъ быть еще живы многія дѣйствующія лица этихъ невѣдомыхъ драмъ — бывшія въ роляхъ угнетателей и въ роляхъ угнетенныхъ...

Слѣдуетъ сдѣлать еще одно предварительное замѣчаніе. Подобныя „дѣла“ возникали не по инициативѣ властей, или, вообще, лицъ, на обязанности коихъ лежало, такъ сказать, предупрежденіе и пресѣченіе злоупотребленій помѣщичьей власти, а лишь по жалобамъ самихъ потерпѣвшихъ, подаваемымъ, обыкновенно, высшей власти въ губерніи — губернатору. Интересно при этомъ слѣдующее *qui pro quo*: крестьяне свои жалобы подавали; начальство отъ нихъ принимало эти жалобы и производило по нимъ слѣдственные дѣла, оканчивавшіяся, въ большинствѣ случаевъ, ничѣмъ, и рѣдко непріятностями для помѣщиковъ. Между тѣмъ, по самому смыслу закона, подача подобныхъ жалобъ крѣпостнымъ людямъ была положительно воспрещена подѣ страхомъ наказанія; такъ, напр., ст. 324 Т. XIV гласила слѣдующее: „Ежели крѣпостной человѣкъ, отложась отъ должнаго помѣщику своему послушанія, подаетъ на него жалобу, и въ особенности, если отважится подать таковую непосредственно Императорскому Величеству, — то какъ челобитчикъ, такъ и сочинитель жалобы предаются суду и наказываются по всей строгости законовъ“.

Нелегко, стало быть, приходилось крѣпостнымъ людямъ, когда они, не смотря даже на эту грозную статью, рѣшались все таки, иногда, „подавать жалобы“!.. Въ старину дѣлалось это слѣдующимъ способомъ. Общество избирало изъ своей среды двухъ-трехъ мірянъ, которые по разумнѣе и опытнѣе, собирало деньги — примѣрно, по гривнѣ съ души (иногда болѣе, иногда менѣе — смотря по количеству общества и по дальности дороги) — и отправляло ходатоевъ въ губернской городъ, гдѣ они и находили „сочинителя“ для своего опаснаго прошенія, и подавали его — точно также, чрезъ выборныхъ ходатоевъ; подавались прошенія крестьянъ и въ Петербургѣ. Въ большинствѣ случаевъ, этихъ просителей тотчасъ же арестовывали и препровождали на мѣсто жительства этапнымъ порядкомъ, вмѣстѣ съ ихъ прошеніями, за которыя и слѣдовала раздѣлка. Но иногда просители возвращались домой „по вольной волѣ“, и по ихъ прошеніямъ было учиняемо формальное разслѣдованіе. Такое или иное распоряженіе зависѣло всецѣло, конечно, отъ личнаго характера и взгляда губернатора, принявшаго прошеніе: онъ могъ казнить, могъ и миловать, по пословицѣ. Вотъ, объ одномъ изъ

счастливыхъ случаевъ—гдѣ жалоба крестьянъ была принята и вызвала разслѣдованіе—мы и хотимъ рассказать здѣсь, хотя самое „дѣло“ не отличается особенными ужасами и можетъ быть причислено къ числу самыхъ заурядныхъ дѣлъ, совершавшихся сотнями и тысячами. Въ этомъ, полагаемъ, и заключается его относительное достоинство—что оно слишкомъ обыкновенно.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1838 года, кievскому гражданскому губернатору подано было прошеніе объ угнетеніи жеревпольскаго инвалиднаго дома крестьянъ со стороны помѣщика, предводителя дворянства радомысльскаго уѣзда Тршецяка, ненадлежащею барщиною и о причиненіи имъ побоевъ. Прошеніе это было подано тремя уполномоченными выборными крестьянами — Герасимомъ Зарицкимъ, Кирилломъ Савченко и Иваномъ Ющенко и заключалось въ слѣдующемъ. Арендаторъ имѣнія, помѣщикъ Тршецякъ, „подъ видомъ уплаты за крестьянъ слѣдуемыхъ казнѣ податей, другой уже годъ понуждаетъ ихъ, неизвѣстно почему, работать барщину цѣлую недѣлю и, кромѣ того, причиняетъ имъ тяжкіе побои“. Поэтому, крестьяне и ходатайствуютъ: „понудить помѣщика

Тршецяка къ вознагражденію ихъ за отработанную ему барщину; а за причиненіе имъ побоевъ поступить по законамъ“.

Получивъ эту жалобу, губернаторъ предписалъ радомысльскому земскому суду „по изложенной жалобѣ учинить онымъ людямъ законную защиту, войдя въ положеніе оныхъ“. Въмѣстѣ съ тѣмъ, кievское губернское правленіе предписало чиновнику особыхъ порученій „немедленно отправиться въ радомысльскій уѣздъ, въ слободу жеревпольскую и удостовѣриться на мѣстѣ въ справедливости жалобы и о самыхъ жалобщикахъ — какіе они инвалидные крестьяне? — отставные ли солдаты, назвавшіе себя крестьянами, или другого сословія люди“.

Повидимому, особое вниманіе губернскаго начальства къ жалобѣ крестьянъ и командированіе чиновника на мѣсто — произошло собственно потому, что „сочинителю“ прошенія пришла счастливая мысль назвать жалобщиковъ „инвалидными крестьянами“, — что, вмѣстѣ съ удивленіемъ начальства, вызвало и вниманіе къ нимъ. А „инвалидными“ они называли себя, какъ объяснилось послѣ, по слѣдующей причинѣ. Нѣкто шамбелянъ Янъ Рыбинскій построилъ,

въ концѣ прошлаго столѣтія, въ имѣніи своемъ Розважовскомъ Ключѣ, польскую каплицу, „со всѣми къ оной принадлежностями“ и, затѣмъ, въ 1803 году, особою „записью“ обязалъ „впредь будущихъ приходскихъ ксендзовъ Розважовской каплицы“ къ слѣдующему богоугодному дѣлу: содержать при этой каплицѣ инвалидовъ „изъ числа польской шляхты, католическаго исповѣданія, заслуженныхъ въ военной службѣ, и изувѣченныхъ нищихъ, подданныхъ его же, Рыбиньскаго“. На содержаніе же этихъ инвалидовъ и нищихъ, шамбелянъ „вѣчно завѣрилъ (завѣщалъ) слободу Жеревполь, изъ коей всѣ доходы должны были обращаться на вышеозначенные предметы“. Такимъ образомъ, жеревпольскіе крестьяне и превратились въ „инвалидныхъ“.

Радомысльскій земскій судъ обратился за разъясненіями по этому дѣлу въ дворянскую опеку, въ вѣдѣніи коей состояли „инвалидные“ крестьяне, и опека объяснила слѣдующее. Слобода Жеревполье состоитъ изъ 76 душъ мужскаго пола; крестьяне этой слободы, принадлежащей жеревпольскому инвалидному дому, управляемому ксендзами, состояли, до 5-го апрѣля 1833 года, въ вѣдѣніи кievскаго

приказа общественнаго призрѣнія, а съ этого времени находятся въ опекунскомъ управленіи администратора Бялосукни, который и сдалъ ихъ „въ арендное владѣніе помѣщика Целестина Тршецяка“. Администраторъ Бальтазаръ Бялосукня объяснялъ съ своей стороны, что крестьяне жеревпольской слободы, „неизвѣстно по какимъ причинамъ, совершенно вышли изъ повиновенія, не хотятъ отрабатывать положенной на нихъ барщины и никого надъ собою начальниковъ не уважаютъ, кромѣ Синода (!) и Государя; что экономія помѣщика Тршецяка ни малѣйшаго притѣсненія имъ не дѣлаетъ и сверхъ инвентаря въ барщину не употребляетъ; а потому, для приведенія крестьянъ въ должное повиновеніе, проситъ дать ему, администратору, законное вспомошествованіе“.

Просимое администраторомъ „вспомоществованіе“ не замедлило послѣдовать—въ наѣздѣ различныхъ властей въ слободу Жеревпольскую, „въ приведеніи крестьянъ въ покорность“ и, затѣмъ, въ арестѣ и преданіи уголовному суду трехъ главныхъ „зачинщиковъ“, подавшихъ прошеніе кіевскому губернатору—крестьянъ: Зарицкаго, Савченко и Ющенко.

Тѣмъ не менѣе, слѣдствіемъ была конста-

тирована „крайняя бѣдность крестьянъ, возникшая отъ того, что во время записи ихъ каштеляномъ Рыбинскимъ въ пользу инвалиднаго дома, у нихъ на-лицо, съ малолѣтними, было въ то время 49 душъ, а земли 74¹/₂ десятины, по послѣдней же ревизіи, съ прибавившимися, состоитъ на-лицо 76 душъ; но сему, приходится на душу земли, съ выгонами, покосами, лѣсами и полями, менѣ одной десятины, что не только недостаточно, но даже совершенно разорительно для ихъ состоянія“.

Далѣе: слѣдствіемъ выяснено, что крестьяне Жеревполя платили прежде всендзамъ, за свою землю, чиншъ (оброкъ) и занимались, по своему малоземелью, „поѣздками съ продуктами“ (т. е. извозомъ) — и никакого ропота и неповиновенія въ то время не было; что, затѣмъ, попавъ подъ власть администратора и будучи переведены съ оброка на барщину, крестьяне отбывали ее не земельными работами, а заводскими — въ лѣсу, на поташномъ заводѣ того же арендатора Тршецяка, причемъ имъ назначался урокъ — выжечь въ сутки полтора цebra поташевой золы (попелу), а на этотъ урокъ, по словамъ крестьянъ, требовалось за-

тратить не сутки, а двое,— почему они и отбывали двойную барщину. Затѣмъ, всѣ крестьяне, какъ оказалось, состояли въ неоплатныхъ долгахъ у жида арендатора, занимая деньги для казенныхъ податей, которыя вносились ими же, крестьянами; земля же ихъ, не смотря на ея малость, была, къ тому, песчаниста и болотиста. Но самое большое неудовольствіе крестьянъ было относительно эконома Савицкаго, назначеннаго отъ арендатора Тршецяка. Крестьяне такъ боялись „его жестокаго права“ и такъ тяжело приходилось имъ отъ рукъ этого человѣка, что, въ своихъ показаніяхъ на слѣдствіи, они прямо заявляли, что при перемѣнѣ эконома, „всѣ жеревпольскіе крестьяне безпрекословно будутъ повиноваться арендатору и новому эконому, не взирая на малость и неспособность къ урожаю хлѣба ихъ земли, съ которой они охотно бы переселились на хлѣбородную землю“.

До какой степени былъ „жестокъ“ экономъ Савицкій и что приходилось испытывать отъ него безотвѣтнымъ и беззащитнымъ крестьянамъ инвалидной слободы, это выяснилось отчасти изъ показаній цѣлой массы крестьянъ,

данныхъ ими производившему опросы чиновнику 7 класса, Скородинскому.

За малѣйшее ослушаніе, за неполную или „худую выпалку пепла“, Савицкій производилъ тяжкое наказаніе „плетьми“ и почти всегда „собственноручно“. Удары плетью достигали 20, 25 и 30 ударовъ, послѣ чего наказанные крестьяне „лежали въ болѣзняхъ“ по нѣскольку, иногда, недѣль. Эти страшныя истязанія производились не только надъ „виновными“, но и надъ тѣми, которые отказывались содѣйствовать и помогать Савицкому въ жестокостяхъ: такъ, напр., крестьянинъ Герасимъ Зарицкій былъ избитъ по головѣ, до глухоты, лишь за то, что, по слабости своего здоровья, отказался „держать“ положеннаго на землю и бичуемаго плетью крестьянина, Давиденко. Отъ такихъ страшныхъ наказаній не освобождалъ ни возрастъ, ни полъ: наказывались даже 15-лѣтніе дѣти; наказанія производились и плетью, и розгами, и „чубукомъ по головѣ, гдѣ попало“, — такъ что многіе крестьяне въ Жеревпольѣ страдали отъ побоевъ Савицкаго глухотою...

Экономъ Савицкій, на данные ему вопросные пункты, пояснилъ, конечно, что всѣ показанія

крестьянъ ложны, что „выдѣлка попела (зола) не только для крестьянъ не обременительна, но, напротивъ, весьма легка“; что, какъ самая барщина, такъ равно дневная и ночная сторожка (карауль), назначаемыя отъ крестьянъ, и другія повинности, — натуральныя и денежныя, — требуются „на основаніи контракта, даннаго отъ администратора, и инвентаря, составленнаго членомъ дворянской опеки, съ разрѣшенія и утвержденія самой же опеки“; что крестьянъ онъ, Савицкій, наказывалъ, „не плетью, а дисциплиною, которую при семъ къ усмотрѣнію и представляетъ, но сіе наказаніе не было противозаконнымъ, ибо онъ, Савицкій, вынужденъ былъ исполнять оныя въ примѣръ другимъ крестьянамъ“.

Общій смыслъ отвѣтныхъ пунктовъ Савицкаго былъ таковъ, что онъ дѣйствовалъ во всемъ согласно закону, на основаніи формальныхъ контрактовъ его довѣрителя съ администраціей имѣнія; плети въ его показаніи превратились въ „дисциплину“, чубукъ и палка — въ „прутикъ, удара коего (крестьянинъ Дагмарчукъ) даже чувствовать не могъ“... Далѣе, Савицкій говоритъ, что „вообще, вышеозначенныя претензіи крестьянъ сколько несправедливы,

столько же и бездоказательны, и хотя-бы даже имѣли какое-либо правдоподобіе, то, по своей маловажности и ничтожности, не могутъ заслужить уваженія, а тѣмъ паче, когда опыя выдуманы для одного только предлога къ уклоненію отъ исполненія барщины, по наущенію изъ числа ихъ тремя зачинщиками, именно Герасимомъ Зарицкимъ, Кирилломъ Савченко и Иваномъ Ющенко, — въ той цѣли, чтобы остаться на чиншѣ и своевольничать“. Савицкій добавляетъ, что „тутъ виденъ духъ возмущенія и цѣль, чтобы не работать и не повиноваться“. Въ концѣ же своего отвѣта, эконоомъ говоритъ, что хотя онъ могъ-бы „по силѣ законовъ“, и совсѣмъ не отвѣчать „на претензіи крестьянъ, яко изъ неподписанныхъ доносовъ происходящія, но онъ, Савицкій, повинуюсь власти, приносить настоящее оправданіе, и буде какія съ ихъ (крестьянъ) стороны доказательства представлены- будутъ, всегда дать отвѣтъ съ своей стороны состоитъ въ готовности“.

Но—какія же „доказательства“ могли представить крестьяне? Свои истерзанныя спины? — но изъ дѣла видно, что потерпѣвшіе не были даже и освидѣтельствованы. Глухоту потерпѣв-

шихъ считали, также, притворною... Къ присягѣ крестьяне, въ качествѣ заинтересованной стороны и, наконецъ, какъ крѣпостные по дѣлу съ экономіей, не могли быть допущены,— и вотъ, въ результатѣ, изъ обвинителей они превратились въ обвиняемыхъ.

По окончаніи слѣдствія чиновникомъ VII-го класса Скородинскимъ, „зачинщики“—Зарицкій, Савченко и Ющенко — были препровождены, „подъ карауломъ, въ Радомысльскую городскую тюрьму“, а съ остальныхъ жеревпольскихъ инвалидныхъ крестьянъ было взяско 49 рублей 65 к., „употребленные чиновникомъ Скородинскимъ, изъ собственности, на прогоны, при проѣздѣ въ Жеревполь по сему дѣлу“. Самое же „дѣло“ поступило на рѣшеніе въ радомысльскій уѣздный судъ. „Зачинщики“ вызывались въ этотъ судъ „для передопросовъ“ и, въ присутствіи уѣзднаго суда, „прежнія свои показанія безъ отмѣны во всемъ утвердили“.

Радомысльскій уѣздный судъ, по рѣшенію своему, состоявшемуся 15-го сентября 1838 г. и основанному, единственно, на слѣдствіи кандидата на полицейскія должности, чиновника VII-го класса Скородинскаго, опредѣ-

лилъ: во-первыхъ, владѣніе Тршецякомъ крестьянами, какъ арендаторомъ, признать правильнымъ; во-вторыхъ, угнетеніе и обремененіе барщиною, равно и наказанія крестьянъ, признать не подтвердившимися оговоромъ: „напротивъ, ежели которому и произведено наказаніе за ослушность, то таковое было умѣренное. Барщина же отрабатывается согласно инвентарю и контракту“. Главнымъ же „зачинщикамъ“ было, между прочимъ, поставлено въ немалую вину слѣдующее обстоятельство: какъ во время производства слѣдствія чиновникомъ Скородинскимъ, такъ и послѣ, при вызовѣ ихъ въ уѣздный судъ, они отказались отъ подписи своихъ показаній, т. е. отъ уполномочія подписать ихъ кого-либо другого, по безграмотству своему. И здѣсь, какъ это очень часто происходило, крестьяне, не довѣряя слѣдователю, отказались подписываться. Тѣмъ же тремъ зачинщикамъ было поставлено въ вину и то обстоятельство, что они, „по неспокойному характеру и явному самовольству, осмѣлились поднести прямо г. начальнику губерніи жалобу, несправедливую, на г. Тршецяка, минуя посредственныя власти“,—хотя въ самомъ „дѣлѣ“ имѣются свѣдѣнія, что крестьяне жаловались

и становому, и исправнику, и даже съ священникомъ своимъ совѣтовались — какъ имъ быть?...

Принимая все это во вниманіе, уѣздный судъ призналъ крестьянъ Зарицкаго, Савченко и Ющенко „виновными въ неповиновеніи законной власти и въ подстрекательствѣ сотоварищей своихъ, жеревпольскихъ крестьянъ, къ такому-жъ неповиновенію, а потому, на основаніи 298 и 324 статей XIV тома устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, наказавъ каждого изъ нихъ на мѣстѣ жительства въ слободѣ Жеревпольѣ по пятнадцати ударовъ плетми, оставить на мѣстѣ жительства, внушивъ должное повиновеніе мѣстной экономіи имъ и цѣлому обществу слободы Жеревполя,—за исполненіемъ чего предоставить земскому суду имѣть наблюденіе“.

Этотъ приговоръ, вмѣстѣ съ дѣломъ, былъ представленъ „на ревизію“ въ кievскую палату уголовного суда, съ донесеніемъ, что „арестанты содержатся подѣ стражею“. Кіевская палата заслушала это дѣло 29-го апрѣля 1839 года и утвердила рѣшеніе суда, измѣнивъ лишь мѣру наказанія обвиненнымъ: вмѣсто 15-ти ударовъ плетми „на мѣстѣ жительства“, палата при-

судила наказать ихъ лишь по 10-ти ударовъ плетми, „при земской полиціи, чрезъ нижнихъ чиновъ“.—Это избавляло несчастныхъ отъ публичнаго позора на мѣстѣ родины. Бывшій въ то время въ должности гражданскаго губернатора статскій совѣтникъ Фундуклей, 17-го іюня 1839 года, утвердилъ рѣшеніе палаты, и дѣло поступило въ губернское правленіе; оттуда оно пошло обратно въ радомысльскій уѣздный судъ, для объявленія рѣшенія палаты обвиненнымъ и для истребованія отъ нихъ, въ случаѣ неудовольствія, апелляціонныхъ отзывовъ.

Наконецъ, 29-го іюля 1839 года, радомысльскій уѣздный судъ увѣдомилъ кievскую палату уголовного суда, что „содержащіеся въ городской тюрьмѣ арестанты Герасимъ Зарицкій, Кирилль Савченко и Иванъ Ющенко, осужденные за неосновательныя жалобы и подстрекательство крестьянъ жеревпольскаго инвалиднаго дома къ неповиновенію, на рѣшеніе оной палаты изъявили удовольствіе, — о чемъ и передано къ исполненію въ здѣшній земскій судъ“.

Прибавимъ, что это выраженное „удовольствіе“ на полученіе плетей было для осужденныхъ крестьянъ единственнымъ легальнымъ

средствомъ освободиться отъ полуторогодичнаго содержанія подъ стражею въ радомысльской городской тюрьмѣ! Наказаніе давало имъ свободу и, главное, возвращало ихъ вновь въ Жеревполь, къ ихъ осиротѣлымъ семьямъ.

Дѣло о добываніи евреями христіанской крови.

3-го октября 1832 года, въ васьковскій земскій судъ поступилъ рапортъ плісецкаго волостного правленія (состоящаго въ томъ же Васильковскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи), по очень важному дѣлу — о добываніи, будто бы, евреями христіанской крови. На первыхъ же порахъ, дѣло это обратило на себя общее вниманіе мѣстныхъ властей, — что можно заключить изъ тѣхъ суровыхъ мѣръ, которыя были приняты, тотчасъ же, противу обвиняемыхъ — еврея Фроима Каминскаго и всего его семейства, проживавшихъ въ селѣ Плісецкомъ: вся семья была отдана „подъ караулъ, до рѣшенія дѣла“ и находилась „подъ военною стражею“, состоящею „изъ четырехъ человѣкъ солдатъ“. Очень можетъ быть, что немалый интересъ для властей того „добраго, стараго времени“ за-

включался и въ личности обвиняемаго Каминскаго, человѣка, какъ видно, не бѣднаго: 14-тъ лѣтъ онъ жилъ на одномъ мѣстѣ, въ сел. Плисецкомъ, въ домѣ откупщика питейнаго казеннаго откупа, въ качествѣ его довѣреннаго лица.

Какимъ же образомъ явилось обвиненіе Каминскаго въ добываніи христіанской крови — въ такомъ тяжкомъ преступленіи? Какимъ образомъ и при какой обстановкѣ совершенно было это преступленіе — и для чего нужна была семейству Каминскаго христіанская кровь?

По рапорту плисецкаго волостного правленія въ земскій судъ, обстоятельства этого тенденціознаго и несложнаго дѣла заключаются въ слѣдующемъ. — 30-го октября того же 1832 года, въ домъ казеннаго крестьянина селенія Плисецкаго Козьмы Мироненка пришли, въ отсутствіе родителей, двѣ дочери еврея Фроима Каминскаго, „небольшихъ лѣтъ“ — первая, Лея, 12-ти, и вторая, Хайка, 7-ми лѣтъ; не найдя въ домѣ никого, такъ какъ хозяинъ былъ въ отъѣздѣ, а жена его, Дарья, была на огородѣ, еврейки эти, увидавъ лежащаго въ „колыскѣ“ (въ люлькѣ) пятимѣсячнаго младенца Теодора, „вынули его изъ колыски и начали сейчасъ оному (младенцу) стекломъ рѣзать тѣло во мно-

гихъ мѣстахъ и испустили большую кровь"... Такъ излагается дѣло въ рапортѣ плисецкаго волостного головы, составленномъ по показанію, будто бы, матери потерпѣвшаго младенца, Дарьи Мироненковой. Далѣе, въ томъ же рапортѣ голова сообщаетъ, что, получивъ „объявленіе“ объ этомъ преступленіи отъ Мироненковой, 2-го октября (т. е. два дня спустя послѣ „испущенія крови“), онъ, голова, объявилъ обо всемъ этомъ дѣлѣ мѣстному священнику Халаичу, который „не могъ ничего сказать“; тогда голова обратился за совѣтомъ къ капитану, командиру расположенной въ селеніи Плисцемъ роты; капитанъ послалъ за Мироненками, распросилъ ихъ и „потомъ сейчасъ же велѣлъ послать четырехъ человѣкъ солдатъ до онаго еврея, для караула, до рѣшенія дѣла“. — Какъ видятъ читатели, полѣвка назадъ не особенно много церемонились съ человѣческой личностью: достаточно было болтовни бабы, о которой узналъ какой-то капитанъ, — и человѣка со всѣмъ его семействомъ окружаютъ „военною стражею“ — впредь „до рѣшенія дѣла“...

Васильковскій земскій судъ проявилъ необыкновенную, для того времени, быстроту въ

этомъ дѣлѣ: уже 5-го октября засѣдатель этого суда, Тулуба, въ присутствіи депутата съ военной стороны (?), производилъ предварительное слѣдствіе по этому дѣлу, опрашивая крестьянку Дарью Мироненкову, мать потерпѣвшаго ребенка. Послѣ перваго же ея показанія, все дѣло явилось совсѣмъ въ иномъ видѣ.

Вотъ это показаніе Мироненковой, дышащее такою искренностью и характерною простотой, что ему невольно вѣрится и, конечно, гораздо болѣе, чѣмъ рапорту волостного головы: „жительствоваю въ Плисецкомъ въ собственномъ домѣ, близъ дома еврея Фроима, отъ коего еврея двѣ малолѣтныя дѣвочки, по сосѣдству, изрѣдка приходятъ, бывало, до моихъ дѣтей на гулянку. Прошедшей же недѣлей во всѣ дни приходили часто, и въ игрѣ съ ея дѣтьми, малолѣтняго ея сына Федора, въ глазахъ ея, показательки, брали на руки и „бавили“ съ нимъ. Минувшаго же сентября 30-го числа, подъ отлучку ея мужа изъ дому, занималась она по хозяйству на огородѣ, а помянутыя ея дѣти находились въ домѣ, изъ коихъ малолѣтнее въ колыскѣ спало. Передъ вечеромъ, еще до захода солнца, въ домъ ея пришли упомянутаго еврея меньшія двѣ дѣвочки, за входомъ коихъ въ

домъ, въ скорости и она, показателька, вошедши, видала, что ея дѣти — какъ-то старшій сынъ, дочка и малолѣтній ея сынъ Федоръ, вынутый безъ нея изъ колыски, — равно и онѣя еврейскія дѣвочки на полу, возлѣ окна играли и сдѣлали изъ рядна занавѣсъ и забавлялись, въ чемъ она не возбраняла и вышла изъ дому на огородъ. Старшій ея сынъ, прежде ея выхода, выбѣжалъ на дворъ за меньшимъ ея сыномъ, также бывшимъ гдѣ-то на дворѣ. Между тѣмъ, въ скоромъ времени, старшій ея сынъ онаго малолѣтнаго ея сына Федора принесъ плачущаго къ ней на огородъ, съ коими вмѣстѣ пришли туда же и онѣя еврейскія двѣ дѣвочки, — и она, увидѣвши, что у того малолѣтнаго дитяти на зад....ѣ оцарапано и примѣтя растертую и засохшую кровь, спрашивала: отчего та кровь на дитяти? — на что онъ (старшій сынъ) отвѣчалъ, что при входѣ его въ домъ засталъ, что большенькая еврейка держала на рукахъ оное дитя и оно плакало и сія еврейка говорила ему: „чего ты плачешь?...“ Увидѣвши же на немъ кровь, онъ взялъ дитя изъ рукъ той еврейки, — съ каковаго повода сдѣлалось ей (т. е. матери) сердобольно. Припомнивши себѣ слыханное когда-то

отъ простолюдиновъ, что будто-бы евреи не могутъ обойтись безъ христіанской крови, когда рождаются у нихъ дѣти, и будучи извѣстна, что оныхъ евреечекъ мать ходитъ беременною, которая нынѣ уже родила, положила себѣ сомнѣніе — не добывали-ль оныя еврейки изъ ея дитя крови, — начала оныхъ евреечекъ обыскивать и не нашла при нихъ ничего изъ крови, кромѣ, но признанію ихъ самихъ, нашла у старшей въ карманѣ маленькій горбузикъ, для забавы дитячей, а у меньшей полный карманъ небольшихъ кусковъ стекла; но гдѣ онѣ набрали и для чего носятъ при себѣ оное стекло, не спрашивала; по отходѣ же отъ нея оныхъ евреечекъ, забавивши дитя, она разсудила сама себѣ — оповѣститься ли о томъ ея предосужденіи (предразсудѣ) начальству, или скрыть? Между тѣмъ, признала удобнѣе снять что нибудь съ оныхъ евреечекъ, дабы ее за то запозвалъ еврей (въ судъ) и она, при отвѣтѣ, о той бывшей на дитяти крови объявила-бы гдѣ слѣдуетъ. И по таковомъ ея разсужденіи, подошедши къ дому помянутаго еврея, сняла съ меньшей еврейки платокъ головной, и когда закричала она еврейка, то отецъ ея, помянутый Фроимъ,

выскочивъ изъ дому и догнавши ее, показательку, отнялъ тотъ платокъ; послѣ чего, на третій того день въ недѣлю, объявила о семь волостному головѣ, а сей, вмѣстѣ съ нею и ея мужемъ, объявляли приходскому священнику, который казалъ, что не его дѣло разбирать о томъ; за приходомъ же ихъ въ волостное правленіе, позваны какимъ-то солдатомъ въ ротному командиру, коему на вопросъ и рассказала она все происшедшее, какъ выше значится; но чтобы оныя еврейки умышленно спущали изъ ея малолѣтняго дитяти кровь, она, равно и ея дѣти, не видали и ни отъ кого о таковомъ предположеніи она не слыхала, и послѣ того ни малѣйше больнымъ онаго ея дитяти не замѣтила, которое здорово и теперь находится“.

Итакъ, вотъ въ чемъ состояла вся суть дѣла: дѣвочки-еврейки—не 12-ти и 7-ми лѣтъ, какъ рапортовалъ голова, а всего 7-ми и 5-ти лѣтъ, какъ показалъ, на допросѣ, ихъ отецъ,—играли постоянно съ христіанскими дѣтьми, своими сосѣдами Мироненками; во время игры, однажды, эти еврейки „оцарапали“ заднюю часть тѣла пятимѣсячному мальчику Федору,—оцарапали, вѣроятно, стекломъ, которое имѣ-

лось въ карманѣ пятилѣтней Хайки. Мать, за эту боль ея дитяти, „признала удобнѣе снять что нибудь съ оныхъ евреечекъ“, нагнала младшую и сорвала съ ея головы платокъ; дѣвочка закричала, конечно, и заплакала,—высочилъ отецъ, отнялъ у Дарьи платокъ и, очевидно, побранился съ своей сосѣдкой: вышла, однимъ словомъ, „сварка“, которая черезъ два дня, по заявленію обиженной и не успокоившейся бабы, превращается уже, въ рапортъ волостного головы, въ цѣлое преступленіе — о „изрѣзаніи тѣла во многихъ мѣстахъ“, объ „испущеніи большой крови“; семейство Каминскихъ окружается „военною стражей“, начинается судъ да дѣло, со всѣми его перипетіями — слѣдствіемъ, допросами, очными ставками, повальными обысками и прочими принадлежностями каждаго слѣдствія по уголовнымъ преступленіямъ. Судьба и участь всей семьи зависѣла, въ данномъ случаѣ, отъ жизни и здоровья „дитяти Федора“; умри это дитя въ началѣ дѣла, — и конецъ: погибъ-бы и Каминскій, и вся семья его!.. и вмѣсто настоящаго, отчасти комическаго дѣла, въ архивѣ имѣлось-бы, конечно, совсѣмъ другое.

На счастье этихъ евреевъ, „дитя“ оказалось,

5-го октября, по показанію его матери при слѣдствіи, совершенно здоровымъ. Тѣмъ не менѣе, земскій судъ, для полноты слѣдствія, не довѣряя, можетъ быть, ни Мироненковой, ни слѣдователю, засѣдателю Тулубу, командировалъ въ сел. Плисецкое, изъ Василькова, штабъ-лекаря Кладкевича.

По медицинскому освидѣтельствованію, „на ребенкѣ Мироненкѣ никакихъ ранъ не оказалось; только одинъ небольшой значокъ подъ лашкою, присохшій, который вреда на тѣлѣ ни малѣйшаго не причинилъ“.

Не мало облегчило участь Каминскаго еще и то обстоятельство, что на повальномъ обыскѣ въ сел. Плисецкомъ онъ казенными крестьянами этого селенія былъ вполне одобренъ, изображенъ человѣкомъ „поведенія честнаго и добропорядочнаго, въ обхожденіи съ жителями хорошимъ и ни въ какихъ худыхъ поступкахъ не замѣченнымъ“. Спрошенный по этому дѣлу въ качествѣ обвиняемаго, — такъ какъ онъ-то собственно и подозрѣвался въ подущеніи своихъ дочерей на преступленіе, — Фроимъ Каминскій показалъ: „съ чего Мироненкова навлекла на моихъ дѣтей, дочерей — Лейку, 7 лѣтъ, и Хайку, 5 лѣтъ — извѣтъ о испущеніи крови изъ

ребенка, о томъ онъ неизвѣстенъ; дѣтей своихъ умышленно никогда для того не посылалъ, ибо дѣти его, по-сосѣдски, почти ежедневно и безъ надобности ходили къ дѣтямъ Мироненковой гулять, равно и ея дѣти приходили къ нему на домъ; а что можетъ быть, при забавѣ между его дѣтьми и дѣтями Мироненковой, оцарапано ея дитя, неумышленно, то онъ ручаться за дѣтей въ томъ не можетъ и ничего объ этомъ не зналъ, пока не сняла Мироненкова съ меньшей его дочери головного платка, которая, когда закричала отъ испугу, при снятіи Мироненковою платка, то онъ, Каминскій, выбѣжавши изъ дому и догнавъ Мироненкову, отобралъ отъ нея платокъ и спрашивалъ ее о причинѣ снятія онаго, которая и отвѣчала ему, что, яко-бы, его малолѣтнія двѣ дочери изъ ея дитяти кровь спущали. Возвратившись домой, онъ спрашивалъ своихъ дѣтей о томъ, — изъ коихъ старшая отвѣчала, что онѣ никакой крови не видѣли, при себѣ ничего не имѣли, только старшая имѣла въ карманѣ арбузикъ, а меньшая отъ разбитой каменной тарелки кусочки для игрушки. Кровь христіанская, какъ Мироненкова вообразила себѣ, ни въ какомъ случаѣ евреямъ, равно

и ему, показателю, и его семейству, вовсе ненужна“.

Такъ какъ показаніе подсудимаго разнорѣчило съ показаніемъ матери потерпѣвшаго ребенка—относительно стеколъ въ карманѣ младшей его дочери,—то Каминскому и дана была очная ставка съ Мироненковой, которая, на второмъ допросѣ, показала, что „стеклянныхъ кусковъ, бывшихъ въ карманѣ 5-ти-лѣтней Хайки, не вынимала у нея и были-ли эти куски стекла или отъ разбитой тарелки,—того не знаетъ“.

Затѣмъ, „дѣло“ это, озаглавленное такъ: „О порѣзаніи малолѣтними двумя дочерьми еврея Фроима Каминскаго, съ подущенія его, на малолѣтнемъ же ребенкѣ казеннаго крестьянина Козьмы Мироненка тѣла для испущенія христіанской крови“,—имѣло слѣдующій дальнѣйшій ходъ, характеризующій, отчасти, судебные порядки и формы того времени.—Засѣдатель Тулуба представилъ законченное имъ слѣдствіе, при рапортѣ, въ земскій судъ,—„съ убѣжденіемъ, что какъ по одному (дѣлу) никакой важности не заключается“, то онъ, Тулуба, и отнесся къ капитану Рожанту, въ сел. Плисецкомъ, о снятіи военнаго караула,

поставленнаго имъ, капитаномъ, при домѣ Каминскаго. А земскій судъ препроводилъ все слѣдствіе, при своемъ отношеніи, въ васильковскій городской магистратъ, 2-го мая 1833 г., т. е. семь мѣсяцевъ спустя, „съ тѣмъ, чтобы при окончательномъ своемъ заключеніи, магистратъ опредѣлилъ-бы, на чей счетъ слѣдуетъ обратить взысканные засѣдателемъ съ волостного головы уѣздному штабъ-лекарю, Кладевичу, 5 руб. ассигнаціями прогонныхъ денегъ“.

Въ томъ же отношеніи, земскій судъ, соглашаясь съ мнѣніемъ своего засѣдателя (какъ судебного слѣдователя) о прекращеніи этого дѣла, приводитъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и законы, на основаніи коихъ онъ, судъ, поступаетъ такъ, а не иначе. Вотъ буквальный текстъ приведенныхъ законовъ:

„Въ указѣ 1763 года, февраля 10-го (сказано): лучше въ неизвѣстности и по неимѣнію точнаго обличенія, виновнаго освободить, нежели невиннаго истязать“.

„Воинскій 148 артикулъ. Челобитчикъ имѣетъ право челобитье свое доносить и остерегать себя, чтобы ничего не прибавлять, чего доказать не можетъ, что подлинно учинено, ибо ежели не-

правое челобитье учинить, то и онъ наказанъ будетъ, равно какъ и другіе“.

Въ то время, какъ извѣстно, полное собраніе законовъ, надъ которымъ трудился Сперанскій, еще не было издано, а потому наши присутственныя мѣста и руководились законами давними; не было еще и традиціоннаго „оставленія въ подозрѣніи“, получившаго впоследствии такое широкое примѣненіе въ уголовныхъ рѣшеніяхъ. Первый изъ приведенныхъ законовъ—указъ Екатерины II-й, получившій всемірную извѣстность по своей человѣчности. Военскій же артикулъ имѣлъ мѣсто, очевидно, въ виду ограниченія ложныхъ доносовъ и челобитій,—и приведенъ въ данномъ случаѣ потому, что заявленіе Мироненковой явилось по слѣдствію ложнымъ лишь извѣтомъ, за что и послѣдовало, согласно этому артикулу, должное возмездіе — въ видѣ очень чувствительномъ, какъ увидимъ ниже.

Васильковскій городской магистратъ не замедлил разсмотрѣніемъ дѣла Каминскаго. Мая 31-го того же 1833 года было заслушано въ магистратѣ это дѣло, и по надлежащемъ обсужденіи, совмѣстно съ членомъ уѣзднаго суда,

приказали: „такъ какъ еврей Фроимъ Каминскій, въ томъ, что малолѣтнія его двѣ дочери порѣзали тѣло на пятимѣсячномъ ребенкѣ крестьянина Козьмы Мироненка, съ умысломъ и съ подущенія его, для испущенія себѣ христіанской крови,—не повинился, по слѣдствію ничѣмъ не уличенъ, повальнымъ же обыскомъ въ поведеніи одобренъ, то по сему означеннаго еврея Каминскаго во взведенномъ на него Мироненковою, по одному отъ простолюду чивости предосужденію, невѣроятномъ извѣтѣ, въ силу указа 1763 года февраля 10-го дня, оставить отъ суда свободнымъ; а Мироненковой внушить на предбудущее время—отъ таковыхъ и подобныхъ нелѣпыхъ предразсужденій удаляться,—насчетъ коей отнести и прогонныя 5 руб. денегъ, уплоченныхъ волостнымъ плисецкимъ головою штабъ-лекарю на счетъ виновнаго, коего по дѣлу не оказалось, кромѣ ея неосновательнаго извѣта“.

Такимъ образомъ закончено было на седьмомъ мѣсяцѣ васильковскимъ городовымъ магистратомъ это курьезное дѣло. Отправленное, затѣмъ, въ кіевскую палату уголовного суда „на ревизію“ рѣшеніе по дѣлу получило над-

лежащее утверждение и со стороны палаты. „Невѣроятный извѣтъ“ и „нелѣпое предразсужденіе“ не имѣли, слѣдовательно, на этотъ разъ, успѣха.

К О Н Е Ц Ъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТР.
Холерный бунтъ въ Тамбовѣ, въ 1830 году	1
Два эпизода изъ эпохи освобожденія крестьянъ	44
Арестъ и ссылка поручика Богданова (молоканина) . .	61
Судебныя ошибки	78
Передъ волей (сцены на Волгѣ)	89
Воспоминанія о Бѣлоруссін. 1864 — 1870 гг.	162
Среди архивовъ южно-русскаго края	325
Инвалидные крестьяне	335
Дѣло о добываніи евреями христіанской крови	353
